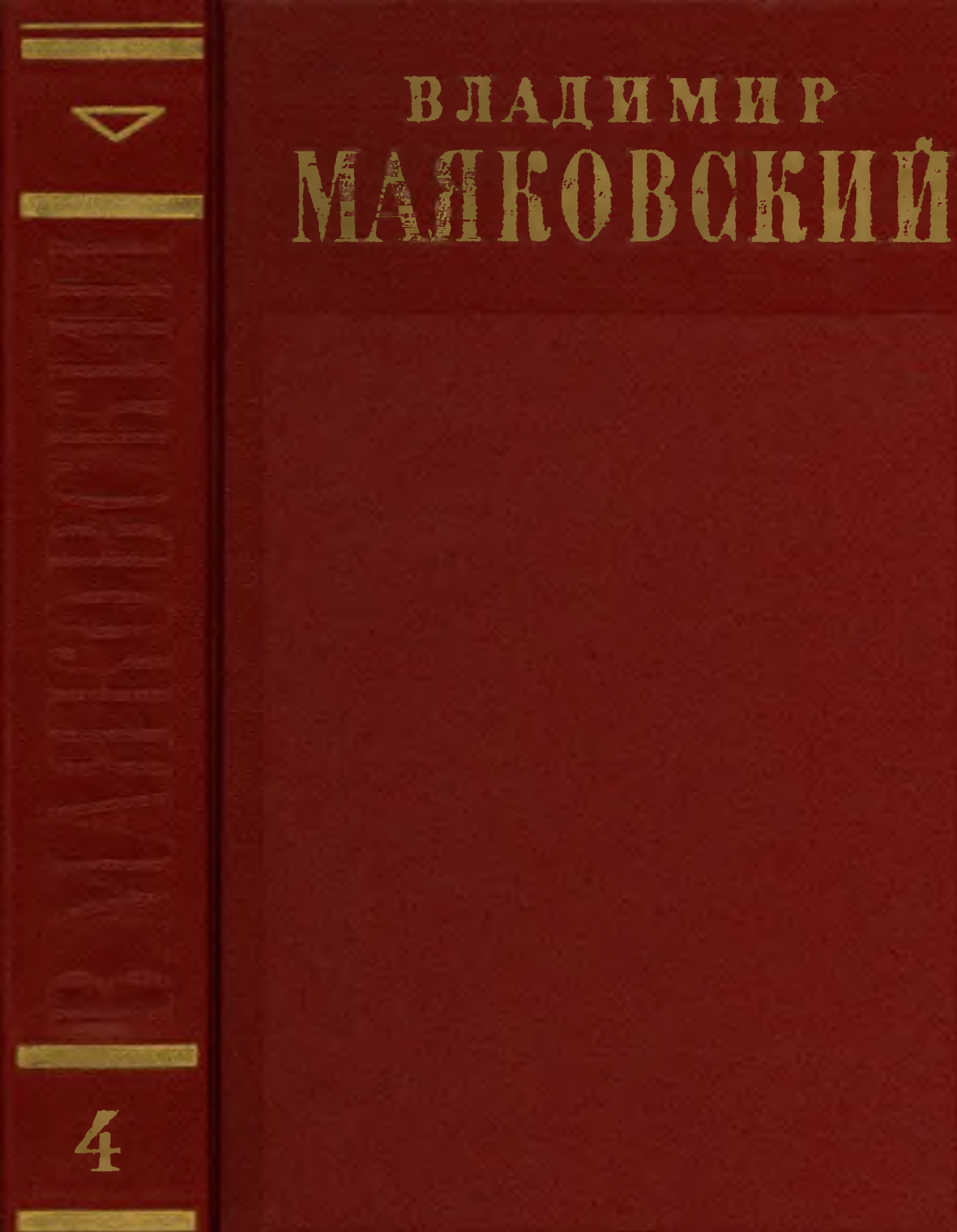

ВЛАДИМИР
МАЯКОВСКИЙ
4

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ТРИНАДЦАТИ ТОМАХ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1957

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

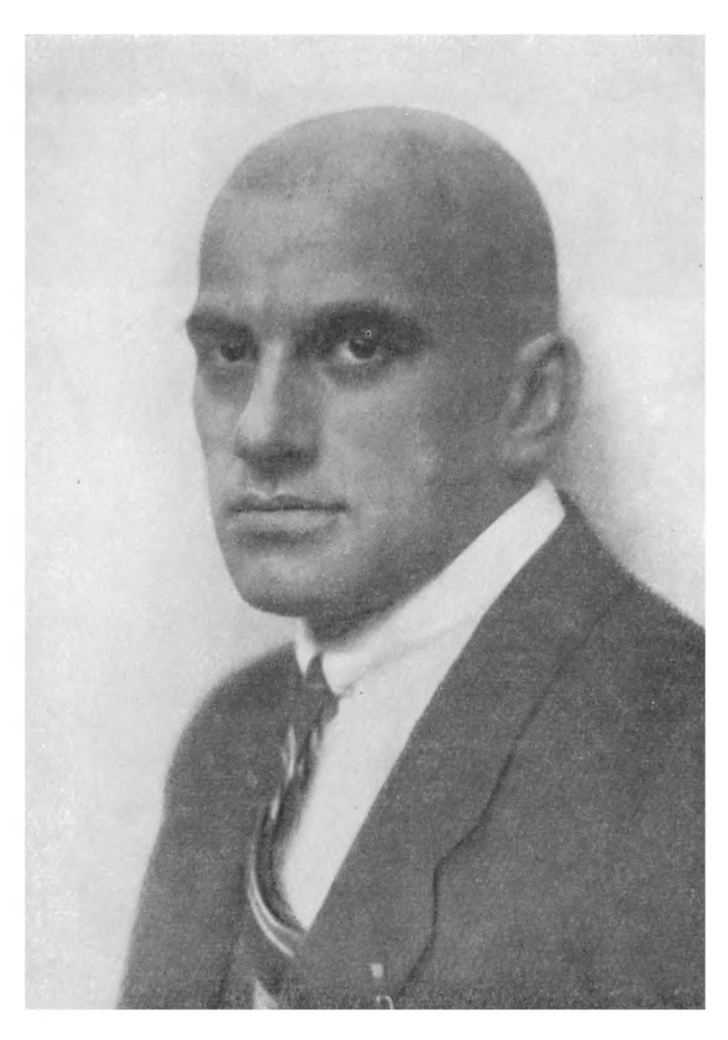
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

1922 — февраль 1923

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1957

Подготовка текста и примечания
В. А. АРУТЧЕВОЙ и З. С. ПАПЕРНОГО

В. МАЯКОВСКИЙ

1923 г. Берлин.

СТИХОТВОРЕНИЯ
(1922—февраль 1923)

ПРОЗАСЕДАВШИЕСЯ

Чуть ночь превратится в рассвет,
вижу каждый день я:
кто в глав,
кто в ком,
кто в полит,
кто в просвет,
расходится народ в учрежденья.
Обдают дождем дела бумажные,
чуть войдешь в здание:
отобрав с полсотни —
самые важные! —
служащие расходятся на заседания.

Заявишься:
«Не могут ли аудиенцию дать?
Хожу со времени о́на».—
«Товарищ Иван Ваныч ушли заседать —
объединение Тео и Гукона».

Исколесишь сто лестниц.
Свет не мил.
Опять:
«Через час велели придти вам.
Заседают:
покупка склянки чернил
Губкооперативом».

Через час:
ни секретаря,
ни секретарши нет —
гóло!
Все до 22-х лет
на заседании комсомола.

Снова взбираюсь, глядя нá ночь,
на верхний этаж семиэтажного дома.
«Пришел товарищ Иван Ваныч?»—
«На заседании
А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома».

Взъяренный,
на заседание
врываюсь лавиной,
дикие проклятья дорóгой изрыгая.
И вижу:
сидят людей половины.
О дьявольщина!
Где же половина другая?
«Зарезали!
Убили!»
Мечусь, орý.
От страшной картины свихнулся разум.
И слышу
спокойнейший голосок секретаря:
«Они на двух заседаниях сразу.
В день
заседаний на двадцать
надо поспеть нам.
Поневоле приходится раздвояться.
До пояса здесь,
а остальное
там».

С волнения не уснешь.
Утро раннее.
Мечтой встречаю рассвет ранний:

«О, хотя бы
еще
одно заседание
относительно искоренения всех заседаний!»

[*1922*]

СПРОСИЛИ РАЗ МЕНЯ: «ВЫ ЛЮБИТЕ ЛИ НЭП?» — «ЛЮБЛЮ, — ОТВЕТИЛ Я, — КОГДА ОН НЕ НЕЛЕП»

Многие товарищи повесили нос.
— Бросьте, товарищи!
Очень не умно-с.

На арену!
С купцами сражаться иди!
Надо счётами бить учиться.
Пусть «всерьез и надолго»,
но там,
впереди,
может новый Октябрь случиться.

С Адама буржую пролетарий не мил.
Но раньше побаивался —
как бы не сбросили;
хамил, конечно,
но в меру хамил —
а то
революций не оберешься после.

Да и то
в Октябре
пролетарская голь
из-под ихнего пуза-груза —
продралась

и загна́ла осиновый кол
в кругосветное ихнее пузо.

И вот,
Вечекой,
Эмчекою вынянчена,
вчера пресмыкавшаяся тварь еще —
трехэтажным «нэпом» улюлюкает нынче нам:
«Погодите, голубчики!
Попались, товарищи!»

Против их
инженерски-бухгалтерских числ
не попреть, с винтовкою выйдя.
Продувным арифметикам ихним учись —
стиснув зубы
и ненавидя.

Великолепен был буржуазный Лоренцо.
Разве что
с шампанского очень огорчится —
возьмет
и выкинет коленце:
нос
— и только!—
вымажет горчицей.

Да и то
в Октябре
пролетарская голь,
до хруста зажав в кулаке их,—
объявила:
«Не буду в лакеях!»
Сегодня,
изголодавшиеся сами,
им открывая двери «Гротеска»,
знаем —
всех нас
горчицами,
соуса́ми
смажут сначала:
«НЭП» — дескать.

Вам не нравится с вымазанной рожей?
И мне — тоже.
Не нравится-то, не нравится,
а черт их знает,
как с ними справиться.

Раньше
был буржуй
и жирен
и толст,
драл на сотню — сотню,
на тыщи — тыщи.
Но зато,
в «Мерилизах» тебе
и пальто-с,
и гвоздишки,
и сапожищи.

Да и то
в Октябре
пролетарская голь
попросила:
«Убираться изволь!»

А теперь буржуазия!
Что делает она?
Ни тебе сапог,
ни ситец,
ни гвоздь!
Она —
из мухи делает слона
и после
продает слоновую кость.

Не нравится производство кости слонячей?
Производи ина́че!
А так сидеть и «благородно» мучиться —
из этого ровно ничего не получится.

Пусть
от мыслей торгашских
морщины — ров.

В мозг вбирай купцовский опыт!
Мы
еще
услышим по странам миров
революций радостный топот.

[*1922*]

СВОЛОЧИ!

Гвоздимые строками,
стойте нéмы!
Слушайте этот волчий вой,
еле прикидывающийся поэмой!
Дайте сюда
самого жирного,
самого плешивого!
За шиворот!
Ткну в отчет Помгола.
Смотри!
Видишь —
за цифрой голой...

Ветер рванулся.
Рванулся и тише...
Снова снегами огрёб
тысяче-
миллионно-крыший
волжских селений гроб.
Трубы —
гробовые свечи.
Даже вóроны
исчезают,
чуя,
что, дымя́сь,
тянется
слащавый,
тошнотворный

дух
зажариваемых мяс.
Сына?
Отца?
Матери?
Дочери?
Чья?!
Чья в людоедчестве очередь?!.

Помощи не будет!
Отрезаны снегами.
Помощи не будет!
Воздух пуст.
Помощи не будет!
Под ногами
даже глина сожрана,
даже куст.

Нет,
не помогут!
Надо сдаваться.
В 10 губерний могилу вы́меряйте!
Двадцать
миллионов!
Двадцать!
Ложитесь!
Вымрите!..

Только одна,
осипшим голосом,
сумасшедшие проклятия метелями меля,
рек,
дорог снеговые волосы
ветром рвя, рыдает земля.

Хлеба!
Хлебушка!
Хлебца!

Сам смотрящий смерть воочию,
еле едящий,
только б не сдох,—

тянет город руку рабочую
горстью сухих крох.

«Хлеба!
Хлебушка!
Хлебца!»
Радио ревет за все границы.
И в ответ
за нелепицей нелепица
сыплется в газетные страницы.

«Лондон.
Банкет.
Присутствие короля и королевы.
Жрущих — не вместишь в раззолоченные
хлевы».

Будьте прокляты!
Пусть
за вашей головою ве́нчанной
из колоний
дикари придут,
питаемые человечиной!
Пусть
горят над королевством
бунтов зарева!
Пусть
столицы ваши
будут выжжены дотла!
Пусть из наследников,
из наследниц варево
варится в коронах-котлах!

«Париж.
Собрались парламентарии.
Доклад о голоде.
Фритиоф Нансен.
С улыбкой слушали.
Будто соловьиные арии.
Будто те́нора слушали в модном романсе».

Будьте прокляты!
Пусть
вовеки
вам
не слышать речи человечьей!
Пролетарий французский!
Эй,
стягивай петлею вместо речи
толщь непроходимых шей!

«Вашингтон.
Фермеры,
доевшие,
допившие
до того,
что лебедками подымают пузы,
в океане
пшеницу
от излишества топившие,—
топят паровозы грузом кукурузы».

Будьте прокляты!
Пусть
ваши улицы
бунтом будут запру́жены.
Выбрав
место, где более больно,
пусть
по Америке —
по Северной,
по Южной —
гонят
брюх ваших
мячище футбольный!

«Берлин.
Оживает эмиграция.
Банды радуются:
с голодными драться им.
По Берлину,

закручивая усики,
ходят,
хвастаются:
— Патриот!
Русский! —»

Будьте прокляты!
Вечное «вон!» им!
Всех отвращая иудьим видом,
французского золота преследуемые звоном,
скитайтесь чужбинами Вечным жидом!
Леса российские,
соберитесь все!
Выберите по самой большой осине,
чтоб образ ихний
вечно висел,
под самым небом качался, синий.

«Москва.
Жалоба сборщицы:
в «Ампирах» морщатся
или дадут
тридцатирублевку,
вышедшую из употребления в 1918 году».

Будьте прокляты!
Пусть будет так,
чтоб каждый проглоченный
глоток
желудок жёг!
Чтоб ножницами оборачивался бифштекс
сочный,
вспарывая стенки кишок!

Вымрет.
Вымрет 20 миллионов человек!
Именем всех упокоенных тут —
проклятие отныне,
проклятие вовек
от Волги отвернувшим морд толстоту.
Это слово не к жирному пузу,

это слово не к царскому трону,—
в сердце таком
слова ничего не тронут:
трогают их революций штыком.

Вам,
несметной армии частицам малым,
порох мира,
силой чьей,
силой,
брошенной по всем подвалам,
будет взорван
мир несметных богачей!
Вам! Вам! Вам!
Эти слова вот!
Цифрами верстовыми,
вмещающимися едва,
запишите Волгу буржуазии в счет!

Будет день!
Пожар всехсветный,
чистящий и чадный.
Выворачивая богачей палаты,
будьте так же,
так же беспощадны
в этот час расплаты!

[*1922*]

БЮРОКРАТИАДА

ПРАБАБУШКА БЮРОКРАТИЗМА

Бульвар.
Машина.
Сунь пятак —
что-то повертится,
пошипит гадко.
Минуты через две,
приблизительно так,
из машины вылазит трехкопеечная
шоколадка.
Бараны!
Чего разглазелись кучей?!
В магазине и проще,
и дешевле,
и лучше.

ВЧЕРАШНЕЕ

Черт,
сын его
или евонный брат,
расшутившийся сверх всяких мер,
раздул машину в миллиарды крат
и расставил по всей РСФСР.
С ночи становятся людей тени.

Тяжелая — подъемный мост! —
скрипит,
глотает дверь учреждений
извивающийся человечий хвост.

Дверь разгорожена.
Еще не узка́ им!
Через решетки канцелярских баррикад,
вырвав пропуск, идет пропускаемый.
Разлилась коридорами человечья река.

(Первый шип —
первый вой —
«С очереди сшиб!»
«Осади без трудовой!»)

— Ищите и обрящете, —
пойди и «рящь» ее! —
которая «входящая» и которая «исходящая»?!
Обрящут через час-другой.
На рупь бумаги — совсем ма́ло! —
всовывают дрожащей рукой
в пасть входящего журнала.
Колесики завертелись.
От дамы к даме
пошла бумажка, украшаясь номерами.

От дам бумажка перекинулась к секретарше.
Шесть секретарш от младшей до старшей!
До старшей бумажка дошла в обед.
Старшая разошлась.
Потерялся след.
Звезды считать?
Сойдешь с ума!
Инстанций не считаю — плавай сама!
Бумажка плыла, шевелилась еле.
Лениво ворочались машины валы.

В карманы тыкалась,
совалась в портфели,
на полку ставилась,
клалась в столы.
Под грудой таких же
столами коллегий
ждала,
когда подымут ввысь ее,
и вновь
под сукном
в многомесячной неге
дремала в тридцать третьей комиссии.

Бумажное тело сначала толстело.
Потом прибавились клипсы-лапки.
Затем бумага выросла в «дело» —
пошла в огромной синей папке.
Зав ее исписал на славу,
от зава к замзаву вернулась вспять,
замзав подписал,
и обратно
к заву
вернулась на подпись бумага опять.
Без подписи места не сыщем под ней мы,
но вновь
механизм
бумагу волок,
с плеча рассыпая печати и клейма
на каждый
чистый еще
уголок.
И вот,
через какой-нибудь год,
отверз журнал исходящий рот.
И, скрипнув перьями,
выкинул вон
бумаги негодной — на миллион.

Высунув языки,
разинув рты,
носятся нэписты
в рьяни,
в яри...
А посередине
высятся
недоступные форты́,
серые крепости советских канцелярий.
С угрозой выдвинув пики-перья,
закованные в бумажные латы,
работали канцеляристы,
когда
в двери
бумажка втиснулась:
«Сокращай штаты!»
Без всякого волнения,
без всякой паники
завертелись колеса канцелярской механики.
Один берет.
Другая берет.
Бумага взад.
Бумага вперед.
По проторенному другими следу
через замзава проплыла к преду.
Пред в коллегию внес вопрос:
«Обсудите!
Аппарат оброс».

Все в коллегии спорили стойко.
Решив вести работу рысью,
немедленно избрали тройку.
Тройка выделила комиссию и подкомиссию.
Комиссию распирала работа.
Комиссия работала до четвертого пота.
Начертили схему:
кружки и линии,
которые красные, которые синие.

Расширив штат сверхштатной сотней,
работали и в праздник и в день субботний.
Согнулись над кипами,
расселись в ряд,
щеголяют выкладками,
цифрами пещрят.
Глотками хриплыми,
ртами пенными
вновь вопрос подымался в пленуме.
Все предлагали умно и трезво:
«Вдвое урезывать!»
«Втрое урезывать!»
Строчил секретарь —
от работы в мыле:
постановили — слушали,
слушали — постановили...
Всю ночь,
над машинкой склонившись низко,
резолюции переписывала и переписывала
машинистка.
И...
через неделю
забредшие киски
играли листиками из переписки.

МОЯ РЕЗОЛЮЦИЯ

По-моему,
это
— с другого бочка —
знаменитая сказка про белого бычка.

КОНКРЕТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Я,
как известно,
не делопроизводитель.
Поэт.
Канцелярских способностей у меня нет

Но, по-моему,
надо
без всякой хитрости
взять за трубу канцелярию
и вытрясти.
Потом
над вытряхнутыми
посидеть в тиши,
выбрать одного и велеть:
«Пиши!»
Только попросить его:
«Ради бога,
пиши, товарищ, не очень много!»

[1922]

ВЫЖДЕМ

Видит Антанта —
не разгрызть ореха.
Зря тщатся.
Зовет коммунистов
в Геную
посовещаться.
РСФСР согласилась.
И снова Франция начинает тянуть.
Авось, мол, удастся сломить разрухой,
Авось, мол, голодом удастся согнуть.
То Франция требует,
чтоб на съезд собрались какие-то дальние
народы,
такие,
что их не соберешь и за годы.
То съезд предварительный требуют,
Решит, что нравится ей,
а ты, мол, сиди потом и глазей.
Ясно —
на какой бы нас ни звали съезд,
Антанта одного ждет —
скоро ли нас съест.
Стойте же стойко,
рабочий,
крестьянин,
красноармеец!
Покажите, что Россия сильна,
что только на такую конференцию согласимся,
которая выгодна нам.

[1922]

МОЯ РЕЧЬ НА ГЕНУЭЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Не мне российская делегация вверена.
Я —
самозванец на конференции Генуэзской.
Дипломатическую вежливость товарища Чичерина
дополню по-моему —
просто и резко.
Слушай!
Министерская компанийка!
Нечего заплывшими глазками мерцать.
Сквозь фраки спокойные вижу —
паника
трясет лихорадкой ваши сердца.
Неужели
без смеха
думать в силе,
что вы
на конференцию
нас пригласили?
В штыки бросаясь на Перекоп идти,
мятежных склоняя под красное знамя,
трудом сгибаясь в фабричной копоти,—
мы знали —
заставим разговаривать с нами.
Не просьбой просителей язык замер,
не нищие, жмурящиеся от господского света,—
мы ехали, осматривая хозяйскими глазами

грядущую
Мировую Федерацию Советов.
Болтают язычишки газетных строк:
«Испытать их сначала...»
Хватили лишку!
Не вы на испытание даете срок —
а мы на время даем передышку.
Лишь первая фабрика взвила дым —
враждой к вам
в рабочих
вспыхнули души.
Слюной ли речей пожары вражды
на конференции
нынче
затушим?!
Долги наши,
каждый медный грош,
считают «Матэны»,
считают «Таймсы».
Считаться хотите?
Давайте!
Что ж!
Посчитаемся!
О вздернутых Врангелем,
о расстрелянном,
о заколотом
память на каждой крымской горе.
Какими пудами
какого золота
опла́тите это, господин Пуанкаре?
О вашем Колчаке — Урал спроси́те!
Зверством — аж горы вгонялись в дрожь.
Каким золотом —
хватит ли в Сити?!—
опла́тите это, господин Ллойд-Джордж?
Вонзите в Волгу ваше зрение:
разве этот
голодный ад,
разве это
мужицкое разорение —
не хвост от ваших войн и блокад?

Пусть
кладбищами голодной смерти
каждый из вас протащится сам!
На каком —
на железном, что ли, эксперте
не встанут дыбом волоса?
Не защититесь пунктами резолюций-плотин.
Мировая —
ночи пальбой веселя —
революция будет —
и велит:
«Плати
и по этим российским векселям!»
И розовые краснеют мало-помалу.
Тише!
Не дыша!
Слышите
из Берлина
первый шаг
трех Интернационалов?
Растя единство при каждом ударе,
идем.
Прислушайтесь —
вздрагивает здание.

Я кончил.
Милостивые государи,
можете продолжать заседание.

[*1922*]

МОЙ МАЙ

Всем,
на улицы вышедшим,
тело машиной измаяв,—
всем,
молящим о празднике
спинам, землею натру́женным,—
Первое мая!
Первый из маев
встретим, товарищи,
голосом, в пение сдру́женным.
Вёснами мир мой!
Солнцем снежное тай!
Я рабочий —
этот май мой!
Я крестьянин —
это мой май.

Всем,
для убийств залёгшим,
злобу окопов иззме́ив,—
всем,
с броненосцев
на братьев
пушками вцелившим люки,—
Первое мая!
Первый из маев
встретим,
сплетая

войной разобщенные руки.
Молкнь, винтовки вой!
Тихнь, пулемета лай!
Я матрос —
этот май мой!
Я солдат —
это мой май.

Всем
домам,
площадям,
улицам,
сжатым льдяной зимою,—
всем
изглоданным голодом
степям,
лесам,
нивам —
Первое мая!
Первый из маев
славьте —
людей,
плодородий,
вёсен разливом!
Зелень полей, пой!
Вой гудков, вздымай!
Я железо —
этот май мой!
Я земля —
это мой май!

[*1922*]

КАК РАБОТАЕТ РЕСПУБЛИКА ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ?

СТИХОТВОРЕНИЕ ОПЫТНОЕ. ВОСТОРЖЕННО КРИТИЧЕСКОЕ.

Словно дети, просящие с медом ковригу,
буржуи вымаливают:
«Паспорточек бы!
В Р-и-и-и-гу!»
Поэтому,
думаю,
не лишнее
выслушать очевидевшего благоустройства
заграничные.
Во-первых,
как это ни странно,
и Латвия — страна.
Все причиндалы, полагающиеся странам,
имеет и она.
И правительство (управляют которые),
и народонаселение,
и территория...

ТЕРРИТОРИЯ

Территории, собственно говоря, нет —
только делают вид...
Просто полгубернии отдельно лежит.
А чтоб в этом
никто

В. МАЯКОВСКИЙ

Фото Рижской полиции, переснятое с паспорта В. Маяковского в 1922 г.

не убедился воочию —
поезда от границ отходят ночью.
Спишь,
а паровоз
старается,
ревет —
и взад,
и вперед,
и топчется на месте.
Думаешь утром — напутешествовался вот! —
а до Риги
всего
верст сто или двести.

Ригу не выругаешь —
чистенький вид.
Публика мыта.
Мостовая блестит.
Отчего же
у нас
грязно и гадко?
Дело простое —
в размерах разгадка:
такая была б Русь —
в три часа
всю берусь
и умыть и причесать.

АРМИЯ

Об армии не буду отзываться худо:
откуда ее набрать с двухмиллионного люда?!
(Кой о чем приходится помолчать условиться,
помните?— пословица:
«Не плюй вниз
в ожидании виз»).

Войска мало,
но выглядит мило.
На меня б

на одного
уж во всяком случае хватило.
Тем более, говорят, что и пушки есть:
не то пять,
не то шесть.

ПРАВИТЕЛЬСТВО

Латвией управляет учредилка.
Учредилка — место, где спорят пылко.
А чтоб языками вертели не слишком часто,
председателя выбрали —
господин Чаксте.

Республика много демократичней, чем у нас.
Ясно без слов.
Все решается большинством голосов.
(Если выборы в руках
— понимаете сами —
трудно ли обзавестись нужными голосами!)
Голоснули,
подсчитали —
и вопрос ясен...
Земля помещикам и перешла восвояси.
Не с собой же спорить!
Глупо и скучно.
Для споров
несколько эсдечков приручено.
Если же очень шебутятся с левых мест,
проголосуют —
и пожалуйте под аре́ст.
Чтоб удостовериться,
правдивы мои слова ли,
спросите у Дермана —
его «проголосовали».

СВОБОДА СЛОВА

Конечно,
ни для кого не ново,
что у демократов свобода слова.

У нас цензура —
разрешат или запретят.
Кому такие ужасы не претят?!
А в Латвии свободно —
печатай сколько угодно!
Кто не верит,
убедитесь на моем личном примере.
Напечатал «Люблю» —
любовная лирика.
Вещь — безобиднее найдите в мире-ка!
А полиция — хоть бы что!
Насчет репрессий вяло.
Едва-едва через три дня арестовала.

СВОБОДА МАНИФЕСТАЦИЙ

И насчет демонстраций свобод немало —
ходи и пой досыта и до отвала!
А чтоб не пели чего,
устои ломая, —
учредилку открыли в день маёвки.
Даже парад правительственный — первого мая.
Не правда ли,
ловкие головки?!
Народ на маёвку повалил валом:
только
отчего-то
распелись «Интернационалом».
И в общем ничего,
сошло мило —
только человек пятьдесят полиция побила.
А чтоб было по-домашнему,
а не официально-важно,
полиция в буршей была переряжена.

КУЛЬТУРА

Что Россия?
Россия дура!
То-то за границей —
за границей культура.

Поэту в России —
одна грусть!
А в Латвии
каждый знает тебя наизусть.
В Латвии
даже министр каждый —
и то томится духовной жаждой.
Есть аудитории.
И залы есть.
Мне и захотелось лекциишку прочесть.
Лекцию не утаишь.
Лекция — что шило.
Пришлось просить,
чтоб полиция разрешила.
Жду разрешения
у господина префекта.
Господин симпатичный —
в погончиках некто.
У нас
с бумажкой
натерпелись бы волокит,
а он
и не взглянул на бумажкин вид.
Сразу говорит:
«Запрещается.
Прощайте!»
— Разрешите,— прошу,—
ну чего вы запрещаете? —
Вотще!
«Квесис,— говорит,— против футуризма вообще».
Спрашиваю,
в поклоне свесясь:
— Что это за кушанье такое —
К-в-е-с-и-с?—
«Министр внудел,
— префект рёк —
образованный —
знает вас вдоль и поперек».
— А Квесис
не запрещает,
ежели человек — брюнет?—

спрашиваю в бессильной яри.
«Нет,— говорит,—
на брюнетов запрещения нет».
Слава богу!
(я-то, на всякий случай — карий).

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ

В Риге не видно худого народонаселения.
Голод попрятался на фабрики и в селения.
А в бульварной гуще —
народ жирнющий.
Щеки красные,
рот — во!
В России даже у нэпистов меньше рот.

А в остальном —
народ ничего,
даже довольно милый народ.

МОРАЛЬ В ОБЩЕМ

Зря,
ребята,
на Россию ропщем.

[*1922*]

БАЛЛАДА О ДОБЛЕСТНОМ ЭМИЛЕ

Замри, народ! Любуйся, тих!
Плети венки из лилий.
Греми о Вандервельде стих,
о доблестном Эмиле!

С Эмилем сим сравнимся мы ль:
он чист, он благороден.
Душою любящей Эмиль
голубки белой вроде.

Не любит страсть Эмиль Чеку,
Эмиль Христова нрава:
ударь щеку Эмильчику —
он повернется справа.

Но к страждущим Эмиль премил,
в любви к несчастным тая,
за всех бороться рад Эмиль,
язык не покладая.

Читал Эмиль газету раз.
Вдруг вздрогнул, кофий вылья,
и слезы брызнули из глаз
предоброго Эмиля.

«Что это? Сказка? Или быль?
Не сказка!.. Вот!.. В газете...—
Сквозь слезы шепчет вслух Эмиль:—
Ведь у эсеров дети...

Судить?! За пулю Ильичу?!
За что? Двух-трех убили?
Не допущу! Бегу! Лечу!»
Надел штаны Эмилий.

Эмилий взял портфель и трость.
Бежит. От спешки в мыле.
По миле миль несется гость.
И думает Эмилий:

«Уж погоди, Чека-змея!
Раздокажу я! Или
не адвокат я? Я не я!
сапог, а не Эмилий».

Москва. Вокзал. Народу сонм.
Набит, что в бочке сельди.
И, выгнув груди колесом,
выходит Вандервельде.

Эмиль разинул сладкий рот,
тряхнул кудрёй Эмилий.
Застыл народ. И вдруг... И вот...
Мильоном кошек взвыли.

Грознее и грознее вой.
Господь, храни Эмиля!
А вдруг букетом-крапиво́й
кой-что Эмилю взмылят?

Но друг один нашелся вдруг.
Дорогу шпорой пы́ля,
за ручку взял Эмиля друг
и ткнул в авто Эмиля.

— Свою неконченную речь
слезой, Эмилий, вылей!—
И, нежно другу ткнувшись в френч,
истек слезой Эмилий.

А друг за лаской ласку льет:
— Не плачь, Эмилий милый!
Не плачь! До свадьбы заживет!—
И в ласках стих Эмилий.

Смахнувши слезку со щеки,
обнять дружище рад он.
«Кто ты, о друг?»— Кто я? Чекист
особого отряда. —

«Да это я?! Да это вы ль?!
Ох! Сердце... Сердце рана!»
Чекист в ответ: — Прости, Эмиль.
Приставлены... Охрана...—

Эмиль белей, чем белый лист,
осмыслить факты тужась.
«Один лишь друг и тот — чекист!
Позор! Проклятье! Ужас!»

Морали в сей поэме нет.
Эмилий милый, вы вот,
должно быть, тож на сей предмет
успели сделать вывод?!

[*1922*]

НАТЕ!
БАСНЯ О «КРОКОДИЛЕ» И О ПОДПИСНОЙ ПЛАТЕ

Вокруг «Крокодила»
компания ходила.
Захотелось нэпам,
так или иначе,
получить на обед филей «Крокодилячий».
Чтоб обед рассервизить тонко,
решили:
— Сначала измерим «Крокодилёнка»!—
От хвоста до ноздри,
с ноздрею даже,
оказалось —
без вершка 50 сажен.
Перемерили «Крокодилину»,
и вдруг
в ней —
от хвоста до ноздри 90 саженей.
Перемерили опять:
до ноздри
с хвоста
саженей оказалось больше ста.
«Крокодилище» перемерили
— ну и делища!—
500 саженей!
750!
1000!
Бегают,
меряют.

Не то, что съесть,
времени нет отдохнуть сесть.
До 200 000 саженей дошли,
тут
сбились с ног,
легли —
и капут.
Подняли другие шум и галдеж:
«На что ж арифметика?
Алгебра на что ж?»
А дело простое.
Даже из Готтентотии житель
поймет.
Ну чего впадать в раж?!
Пока вы с аршином к ноздре бежите,
у́ «Крокодила»
с хвоста
вырастает тираж.
Мораль простая —
проще и нету:
Подписывайтесь на «Крокодила»
и на «Рабочую газету».

[*1922*]

СТИХ РЕЗКИЙ О РУЛЕТКЕ И ЖЕЛЕЗКЕ

Напечатайте, братцы,
дайте отыграться.

ОБЩИЙ ВИД

Есть одно учреждение,
оно
имя имеет такое — «Казинó».

Помещается в тесноте — в Каретном ряду,—
а деятельность большая — желдороги, банки.
По-моему,
к лицу ему больше идут
просторные помещения на Малой Лубянке.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

В 12 без минут
или в 12 с минутами.
Воры, воришки,
плуты и плутики
с вздутыми карманами,
с животами вздутыми
вылазят у «Эрмитажа», остановив «дутики».
Две комнаты, проплеванные и накуренные.

Столы.
За каждым,
сладкий, как патока,
человечек.
У человечка ручки наманикюренные.
А в ручке у человечка небольшая лопатка.
Выроют могилку и уложат вас в яме.
Человечки эти называются «крупья́ми».
Чуть войдешь,
один из «крупѐй»
прилепливается, как репей:
«Господин товарищ —
свободное место»,—
и проводит вас чрез человечье тесто.
Глазки у «крупьи» — две звездочки-точки.
«Сколько,— говорит,— прикажете объявить в бан-
чочке?..»
Достаешь из кармана сотнягу деньгу.
В зале моментально прекращается гул.
На тебя облизываются, как на баранье рагу.

КРУПЬЕ

С изяществом, превосходящим балерину,
парочку карточек барашку кинул.
А другую пару берет лапа
арапа.
Барашек
еле успевает
руки
совать за деньгами то в пиджак, то в брюки.
Минут через 15 такой пластики
даже брюк не остается —
одни хлястики.
Без «шпалера»,
без шума,
без малейшей царапины,
разбандитят до ниточки лапы арапины.
Вся эта афера
называется — шмендефером.

РУЛЕТКА

Чтоб не скучали нэповы жены и детки,
и им развлечение —
зал рулетки.
И сыну приятно,
и мамаше лучше:
сын обучение математическое получит.
Объяснение для товарищей, не видавших рулетки.
Рулетка — стол,
а на столе —
клетки.
А чтоб арифметикой позабавиться сыночку и маме,
клеточка украшена номерами.
Поставь на единицу миллион твой-ка,
крупье объявляет:
«Выиграла двойка».
Если всю доску изыграть эту,
считать и выучишься к будущему лету.
Образование небольшое —
всего три дюжины.
Ну, а много ли нэповскому сыночку нужно?

А ЧТО РАБОЧИМ?

По-моему,
и от «Казино»,
как и от всего прочего,
должна быть польза для сознательного рабочего.
Сделать
в двери
дырку-глазок,
чтоб рабочий играющих посмотрел разок.
При виде шестиэтажного нэповского затылка
руки начинают чесаться пылко.
Зрелище оное —
очень агитационное.

МОЙ СОВЕТ

Удел поэта — за ближнего болéй.
Предлагаю
как-нибудь
в вечер хмурый
придти ГПУ и снять «дамблé» —
половину играющих себе,
а другую —
МУРу.

[*1922*]

ПОСЛЕ ИЗЪЯТИЙ

Известно:
у меня
и у бога
разногласий чрезвычайно много.
Я ходил раздетый,
ходил босой,
а у него —
в жемчугах ряса.
При виде его
гнев свой
еле сдерживал.
Просто трясся.
А теперь бог — что надо.
Много проще бог стал.
Смотрит из деревянного оклада.
Риза — из холста.
— Товарищ бог!
Меняю гнев на милость.
Видите —
даже отношение к вам немного переменилось:
называю «товарищем»,
а раньше —
«господин».
(И у вас появился товарищ один.)
По крайней мере,
на человека похожи
стали.
Что же,

зайдите ко мне как-нибудь.
Снизойдите
с вашей звездной дали.
У нас промышленность расстроена,
транспорт тож.
А вы
— говорят —
занимались чудесами.
Сделайте одолжение,
сойдите,
поработайте с нами.
А чтоб ангелы не били баклуши,
посреди звезд —
напечатайте,
чтоб лезло в глаза и в уши:
не трудящийся не ест.

[*1922*]

ГЕРМАНИЯ

Германия —
это тебе!
Это не от Рапалло.
Не наркомвнешторжьим я расчетам внял.
Никогда,
никогда язык мой не трепала
комплиментщины официальной болтовня.
Я не спрашивал,
Вильгельму,
Николаю прок ли,—
разбираться в дрязгах царственных не мне.
Я
от первых дней
войнищу эту проклял,
плюнул рифмами в лицо войне.
Распустив демократические слюни,
шел Керенский в орудийном гуле.
С теми был я,
кто в июне
отстранял
от вас
нацеленные пули.
И когда, стянув полков ободья,
сжали горла вам французы и британцы,
голос наш
взвивался песней о свободе,
руки фронта вытянул брататься.
Сегодня

хожу
по твоей земле, Германия,
и моя любовь к тебе
расцветает романнее и романнее.
Я видел —
цепенеют верфи на Одере,
я видел —
фабрики сковывает тишь.
Пусть,—
не верю,
что на смертном одре
лежишь.
Я давно
с себя
лохмотья наций скинул.
Нищая Германия,
позволь
мне,
как немцу,
как собственному сыну,
за тебя твою распѐснить боль.

РАБОЧАЯ ПЕСНЯ

Мы сеем,
мы жнем,
мы куем,
мы прядем,
рабы всемогущих Стиннесов.
Но мы не мертвы.
Мы еще придем.
Мы еще наметим и кинемся.
Обернулась шибером,
улыбка на морде,—
история стала.
Старая врет.
Мы еще придем.
Мы пройдем из Норденов
сквозь Вильгельмов пролет Бранденбургских
ворот.

У них доллáры.
Победа дала.
Из унтерденлиндских отелей
ползут,
вгрызают в горло доллáр,
пируют на нашем теле.
Терпите, товарищи, расплаты во имя...
За все —
за войну,
за после,
за раньше,
со всеми,
с ихними
и со своими
мы рассчитаемся в Красном реванше...

На глотке колено.
Мы — зверьи рычим..
Наш голос судорогой нéмится...
Мы знаем, под кем,
мы знаем, под чьим
еще подымутся немцы.
Мы
еще
извеселим берлинские улицы.
Красный флаг,—
мы заждáлись —
вздымайся и рей!
Красной песне
из окон каждого Шульца
откликайся,
свободный
с Запада
Рейн.

Эго тебе дарю, Германия!
Это
не долларов тыщи,
этой песней счёта с голодом не свесть.

Что ж,
 и ты
и я —
мы оба нищи,—
у меня
это лучшее из всего, что есть.

[*1922—1923*]

НА ЦЕПЫ

— Патронов не жалейте! Не жалейте пуль!
Опять по армиям приказ Антанты отдан.
Январь готовят обернуть в июль —
июль 14-го года.

И может быть,
уже
рабам на Сене
хозяйским окриком повѐлено:
— Раба немецкого поставить на колени.
Не встанут — расстрелять по переулкам Кельна!

Сияй, Пуанкаре!
Сквозь жир
в твоих ушах
раскат пальбы гремит прелестней песен:
рабочий Франции по штольням мирных шахт
берет в штыки рабочий мирный Эссен.

Тюрьмою Рим — дубин заплечных свист,
рабочий Рима, бей немецких в Руре —
пока
чернорубашечник фашист
твоих вождей крошит в застенках тюрем.

Британский лев держи нейтралитет,
блудливые глаза прикрой стыдливой лапой,
а пальцем

укажи,
куда судам лететь,
рукой свободною колоний горсти хапай.

Блестит английский фунт у греков на носу,
и греки прут, в посул топыря веки;
чтоб Бонар-Лоу подарить Мосул,
из турков пустят кровь и крови греков реки.

Товарищ мир!
Я знаю,
ты бы мог
спинищу разогнуть.
И просто —
шагни!
И раздавили б танки ног
с горба попадавших прохвостов.

Время с горба сдуть.
Бунт, барабан, бей!
Время вздеть узду
капиталиста алчбе.
Или не жалко горба?
Быть рабом лучше?
Рабочих шагов барабан,
по миру греми, гремучий!
Европе указана смерть
пальцем Антанты потным.
Лучше восстать посметь,
встать и стать свободным.

Тем, кто забит и сер,
в ком курья вера —
красный СССР
будь тебе примером!

Свобода сама собою
не валится в рот.
Пять —
пять лет вырываем с бою
за пядью каждую пядь.

Еще не кончен труд,
еще не рай неб.
Капитализм — спрут.
Щупальцы спрута — НЭП.

Мы идем мерно,
идем, с трудом дыша,
но каждый шаг верный
близит коммуны шаг.
Рукой на станок ляг!
Винтовку держи другой!
Нам покажут кулак,
мы вырвем кулак с рукой.

Чтоб тебя, Европа-раба,
не убили в это лето —
бунт бей, барабан,
мир обнимите, Советы!

Снова сотни стай
лезут жечь и резать.
Рабочий, встань!
Взнуздай!
Антанте узду из железа!

[*1923*]

ТОВАРИЩИ! РАЗРЕШИТЕ МНЕ ПОДЕЛИТЬСЯ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ О ПАРИЖЕ И О МОНЕ́

Я занимаюсь художеством.
Оно —
подданное Моно́.
Я не ною:
под Моною, так под Моною.

Чуть с Виндавского вышел —
поборол усталость и лень я.
Бегу в Моно.
«Подпишите афиши!
Рад Москве излить впечатления».

Латвийских поездов тише
по лону Моно поплыли афиши.
Стою.
Позевываю зевотой сладкой.
Совсем как в Эйдкунене в ожидании пересадки.

Афиши обсуждаются
и единолично,
и вкупе.
Пропадут на час.
Поищут и выроют.
Будто на границе в Себеже или в Зилу́пе
вагоны полдня на мѐсте маневрируют.

Постоим...
и дальше в черепашьем марше!
Остановка:
станция «Член коллегии».
Остановка:
разъезд «Две секретарши»...
Ну и товарно-пассажирская элегия!

Я был в Моно,
был в Париже —
Париж на 4 часа ближе.
За разрешением Моно и до Парижа города
путешественники отправляются в 2.
В 12 вылазишь из Gare du Nord'a[1],
а из Моно
и в 4 выберешься едва.
Оно понятно:
меньше станций —
инстанций.

Пару моралей высказать рад.
Первая:
нам бы да ихний аппарат!
Вторая для сеятелей подписе́й:
чем сеять подписи —
хлеб сей.

[*1923*]

[1] Северный вокзал (*франц.*)

ПЕРНАТЫЕ

(НАМ ПОСВЯЩАЕТСЯ)

Перемириваются в мире.
Передышка в грозе.
А мы воюем.
Воюем без перемирий.
Мы —
действующая армия журналов и газет.

Лишь строки-улицы в ночь рядятся,
маскированные домами-горами,
мы
клоним головы в штабах редакций
над фоно-теле-радио-граммами.

Ночь.
Лишь косятся звездные лучики.
Попробуй —
вылезь в час вот в этакий!
А мы,
мы ползем — репортеры-лазутчики —
сенсацию в плен поймать на разведке.

Поймаем,
допросим
и тут же
храбро
на мир,
на весь миллиардомильный

в атаку,
щетинясь штыками Фабера,
идем,
истекая кровью чернильной.

Враг,
колючей проволокой мотанный,
думает:
— В рукопашную не дойти! —
Пустяк.
Разливая огонь словометный,
пойдет пулеметом хлестать линотип.

Армия вражья крепости рада.
Стереть!
Не бросать идти!
По стенам армии вражьей
снарядами
бей, стереотип!

Наконец,
в довершенье вражьей паники,
скрежеща,
воя,
ротационки-танки,
укатывайте поле боевое!

А утром...
форды —
лишь луч проскребся —
летите,
киоскам о победе тараторя:
— Враг
разбит петитом и корпусом
на полях газетно-журнальных территорий.

[*1923*]

О ПОЭТАХ

СТИХОТВОРЕНИЕ ЭТО — ОДИНАКОВО ПОЛЕЗНО И ДЛЯ РЕДАКТОРА И ДЛЯ ПОЭТОВ

Всем товарищам по ремеслу:
несколько идей
о «прожигании глаголами сердец людей».

Что поэзия?!
Пустяк.
Шутка.
А мне от этих шуточек жутко.

Мысленным оком окидывая Федерацию —
готов от боли визжать и драться я.
Во всей округе —
тысяч двадцать поэтов изогнулися в дуги.
От жизни сидячей высохли в жгут.
Изголодались.
С локтями голыми.
Но денно и нощно
жгут и жгут
сердца неповинных людей «глаголами».
Написал.
Готово.
Спрашивается — прожёг?
Прожёг!
И сердце и даже бок.
Только поймут ли поэтические стада,
что сердца
сгорают —
исключительно со стыда.

Посудите:
сидит какой-нибудь верзила
(мало ли слов в России есть?!).
А он
вытягивает,
как булавку из ила,
пустяк,
который полегше зарифмоплесть.
А много ль в языке такой чуши,
чтоб сама
колокольчиком
лезла в уши?!!
Выберет...
и опять отчесывает вычески,
чтоб образ был «классический»,
«поэтический».
Вычешут...
и опять кряхтят они:
любят ямбы редактора́ лающиеся.
А попробуй
в ямб
пойди и запихни
какое-нибудь слово,
например, «млекопитающееся».
Потеют как следует
над большим листом.
А только сбоку
на узеньком клочочке
коротенькие строчки растянулись глистом.
А остальное —
одни запятые да точки.
Хороший язык взял да и искрошил,
зря только на обучение тратились гроши.
В редакции
поэтов банда такая,
что у редактора хронический разлив жёлчи.
Банду локтями,
дверями толкают,
курьер орет: «Набилось сволочи!»
Не от мира сего —
стоят молча.

Поэту в редкость удачи лучи.
Разве что редактор заталмудится слишком,
и врасплох удастся ему всучить
какую-нибудь
позапрошлогоднюю
залежавшуюся «веснищку».
И, наконец,
выпускающий,
над чушью фыркая,
режет набранное мелким петитиком
и затыкает стихами дырку за дыркой,
на горе родителям и на радость критикам.
И лезут за прибавками наборщик и наборщица.
Оно понятно —
набирают и морщатся.

У меня решение одно отлежалось:
помочь людям.
А то жалость!
(Особенно предложение пригодилось к весне б,
когда стихом зачитывается весь нэп.)
Я не против такой поэзии.
Отнюдь.
Весною тянет на меланхолическую нудь.
Но долой рукоделие!
Что может быть старей
кустарей?!
Как мастер этого дела
(ко мне не прицéпитесь)
сообщу вам об универсальном рецепте-с.
(Новость та,
что́ моими мерами
поэты заменяются редакционными курьерами.)

РЕЦЕПТ

(Правила простые совсем:
всего — семь.)
1. Берутся классики,
свертываются в трубку
и пропускаются через мясорубку.

2. Что получится, то
откидывают на решето.
3. Откинутое выставляется на вольный дух.
(Смотри, чтоб на «образы» не насело мух!)
4. Просушиваемое перетряхивается еле
(чтоб мягкие знаки чересчур не затвердели).
5. Сушится (чтоб не успело перевéчниться)
и сыпется в машину:
обыкновенная перечница.
6. Затем
раскладывается под машиной
липкая бумага
(для ловли мушиной).
7. Теперь просто:
верти ручку,
да смотри, чтоб рифмы не сбились в кучку!
(Чтоб «кровь» к «любовь»,
«тень» ко «дню»,
чтоб шли аккуратненько
одна через одну.)

Полученное вынь и...
готово к употреблению:
к чтению,
к декламированию,
к пению.

А чтоб поэтов от безработной меланхолии вылечить,
чтоб их не тянуло портить бумажки,
отобрать их от добрейшего Анатолия Васильича
и передать
товарищу Семашке.

[*1923*]

О «ФИАСКАХ», «АПОГЕЯХ» И ДРУГИХ НЕВЕДОМЫХ ВЕЩАХ

На съезде печати
у товарища Калинина
великолепнейшая мысль в речь вклинена:
«Газетчики,
думайте о форме!»
До сих пор мы
не подумали об усовершенствовании статейной
формы.
Товарищи газетчики,
СССР оглазейте,—
как понимается описываемое в газете.

Акуловкой получена газет связка.
Читают.
В буквы глаза втыкают.
Прочли:
— «Пуанкаре терпит фиаско».—
Задумались.
Что это за «фиаска» за такая?
Из-за этой «фиаски»
грамотей Ванюха
чуть не разодрался:
— Слушай, Петь,
с «фиаской» востро́ держи ухо:
даже Пуанкаре приходится его терпеть.
Пуанкаре не потерпит какой-нибудь клячи.

Даже Стиннеса —
и то!—
прогнал из Рура.
А этого терпит.
Значит богаче.
Американец, должно̀.
Понимаешь, дура?! —

С тех пор,
когда самогонщик,
местный туз,
проезжал по Акуловке, гремя коляской,
в уважение к богатству,
скидава́я картуз,
его называли —
Господином Фиаской.

Последние известия получили красноармейцы.
Сели.
Читают, газетиной вея.
— О французском наступлении в Руре имеется?
— Да, вот написано:
«Дошли до своего апогея».
— Товарищ Иванов!
Ты ближе.
Эй!
На карту глянь!
Что за место такое:
А-п-о-г-е-й? —
Иванов ищет.
Дело дрянь.
У парня
аж скулу от напряжения свело.
Каждый город просмотрел,
каждое село.
«Эссен есть —
Апогея нету!
Деревушка махонькая, должно быть, это.
Верчусь —
аж дыру провертел в сапоге я —
не могу найти никакого Апогея!»

Казарма
малость
посовещалась.
Наконец —
товарищ Петров взял слово:
— Сказано: до **своего** дошли.
Ведь не до **чужого?**!
Пусть рассеется сомнений дым.
Будь он селом или градом,
своего «апогея» никому не отдадим,
а чужих «апогеев» — нам не надо.—

Чтоб мне не писать, впустую оря,
мораль вывожу тоже:
то, что годится для иностранного словаря,
газете — не гоже.

[*1923*]

НА ЗЕМЛЕ МИР. ВО ЧЕЛОВЕЦЕХ БЛАГОВОЛЕНИЕ

Радостный крик греми —
это не краса ли?!
Наконец
наступил мир,
подписанный в Версале.
Лишь взглянем в газету мы —
мир!
Некуда деться!
На земле мир.
Благоволение во человецех.
Только (хотя и нехотя)
заметим:
у греков негоже.
Грек норовит заехать
товарищу турку по роже.
Да еще
Пуанкаре
немного
немцев желает высечь.
Закинул в Рур ногу
солдат 200 тысяч!
Еще, пожалуй,
в Мѐмеле
Литвы поведенье игриво —
кого-то
за какие-то земли
дуют в хвост и в гриву.

Не приходите в отчаяние
(пятно в солнечном глянце):
англичане
норовят укокошить ирландца.
В остальном —
сияет солнце,
мир без края,
без берега.
Вот разве что
японцы
лезут с ножом на Америку.
Зато
в остальных местах —
особенно у северного полюса,—
мир,
пение птах.
Любой без отказу пользуйся.
Старики!
Взрослые!
Дети!
Падайте перед Пуанкарою:
— Спасибо, отец благодетель!..
Когда
за «миры» за эти
тебя, наконец, накроют?

[*1923*]

БАРАБАННАЯ ПЕСНЯ

Наш отец — завод.
Красная кепка — флаг.
Только завод позовет —
руку прочь, враг!

Вперед, сыны стали!
Рука, на приклад ляг!
Громи, шаг, дали!
Громче печать — шаг!

Наша мать — пашня.
Пашню нашу не тронь!
Стража наша страшная —
глаз, винтовок огонь.

Вперед, дети ржи!
Рука, на приклад ляг!
Ногу ровней держи!
Громче печать — шаг!

Армия — наша семья.
Равный в равном ряду.
Сегодня солдат я —
завтра полк веду.

За себя, за всех стой.
С неба не будет благ.
За себя, за всех в строй!
Громче печать — шаг!

Коммуна, наш вождь,
велит нам: напролом!
Разольем пуль дождь,
разгремим орудий гром.

Если вождь зовет,
рука, на винтовку ляг!
Вперед, за взводом взвод!
Громче печать — шаг!

Совет — наша власть.
Сами собой правим.
На шею вовек не класть
рук барской ораве.

Только кликнул совет —
рука, на винтовку ляг!
Шагами громи свет!
Громче печать — шаг!

Наша родина — мир.
Пролетарии всех стран,
ваш щит — мы,
вооруженный стан.

Где б враг нѐ был,
станем под красный флаг.
Над нами мира небо.
Громче печать — шаг!

Будем, будем везде.
В свете частей пять.
Пятиконечной звезде —
во всех пяти сиять.

Отступит назад враг.
Снова России всей
рука, на плуг ляг!
Снова, свободная, сей!

Отступит врага нога.
Пыль, убегая, взовьет.
С танка слезь!
К станкам!

Назад!
К труду.
На завод.

[*1923*]

Срочно

ТЕЛЕГРАММА МУСЬЕ ПУАНКАРЕ И МИЛЬЕРАНУ

Есть слова иностранные.
Иные
чрезвычайно странные.
Если люди друг друга процеловали до дыр,
вот это
по-русски
называется — мир.
А если
грохнут в уха оба,
и тот
орет, разинув рот,
такое доведение людей до гроба
называется убивством.
А у них —
наоборот.
За примерами не гоняться! —
Оптом перемиривает Лига Наций.
До пола печати и подписи свисали.
Перемирили и Юг, и Север.
То Пуанкаре расписывается в Версале,
то —
припечатывает печатями Севр.
Кончилась конференция.
Завершен труд.
Умолкните, пушечные гулы!

Ничего подобного!
Тут —
только и готовь скулы.
— Севрский мир — вот это штука! —
орут,
наседают на греков турки.
— А ну, турки,
помиримся,
ну-ка! —
орут греки, налазя на турка.
Сыплется с обоих с двух штукатурка.
Ясно —
каждому лестно мириться.
В мирной яри
лезут мириться государств тридцать:
румыны,
сербы,
черногорцы,
болгаре...
Суматоха.
У кого-то кошель стянули,
какие-то каким-то расшибли переносья —
и пошли мириться!
Только жужжат пули,
да в воздухе летают щеки и волосья.
Да и версальцы людей мирят не худо.
Перемирили половину европейского люда.
Поровну меж государствами поделили земли:
кому Вильны,
кому Мѐмели.
Мир подписали минуты в две.
Только
география — штука скользкая;
польские городишки раздарили Литве,
а литовские —
в распоряжение польское.
А чтоб промеж детей не шла ссора —
крейсер французский
для родительского надзора.
Глядит восторженно Лига Наций.
Не ей же в драку вмешиваться.

Милые, мол, бранятся —
только... чешутся.
Словом —
мир сплошной:
некуда деться,
от Мосула
до Рура
благоволение во человецех.
Одно меня настраивает хмуро.
Чтоб выяснить это,
шлю телеграмму
с оплаченным ответом:
«Париж
(точка,
две тиры)
Пуанкаре — Мильерану.
Обоим
(точка).
Сообщите —
если это называется миры,
то что
у вас
называется мордобоем?»

[*1923*]

ПАРИЖ

(РАЗГОВОРЧИКИ С ЭЙФЕЛЕВОЙ БАШНЕЙ)

Обшаркан мильоном ног.
Исшелестен тыщей шин.
Я борозжу Париж —
до жути одинок,
до жути ни лица,
до жути ни души.
Вокруг меня —
авто фантастят танец,
вокруг меня —
из зверорыбьих морд —
еще с Людовиков
свистит вода, фонтанясь.
Я выхожу
на Place de la Concorde[1].
Я жду,
пока,
подняв резную главку,
домовьей слежкою ума́яна,
ко мне,
к большевику,
на явку
выходит Эйфелева из тумана.
— Т-ш-ш-ш,
башня,
тише шлепайте! —
увидят! —

[1] Площадь Согласия (*франц.*).

луна — гильотинная жуть.
Я вот что скажу
(пришипился в шепоте,
ей
в радиоухо
шепчу,
жужжу):
— Я разагитировал вещи и здания.
Мы —
только согласия вашего ждем.
Башня —
хотите возглавить восстание?
Башня —
мы
вас выбираем вождем!
Не вам —
образцу машинного гения —
здесь
таять от аполлинеровских вирш.
Для вас
не место — место гниения —
Париж проституток,
поэтов,
бирж.
Метро согласились,
метро со мною —
они
из своих облицованных нутр
публику выплюют —
кровью смоют
со стен
плакаты духов и пудр.
Они убедились —
не ими литься
вагонам богатых.
Они не рабы!
Они убедились —
им
более к лицам
наши афиши,
плакаты борьбы.

Башня —
улиц не бойтесь!
Если
метро не выпустит уличный грунт —
грунт
исполосуют рельсы.
Я подымаю рельсовый бунт.
Боитесь?
Трактиры заступятся стаями?
Боитесь?
На помощь придет Рив-гош[1].
Не бойтесь!
Я уговорился с мостами.
Вплавь
реку
переплыть
не легко ж!
Мосты,
распалясь от движения злого,
подымутся враз с парижских боков.
Мосты забунтуют.
По первому зову —
прохожих ссыпят на камень быков.
Все вещи вздыбятся.
Вещам невмоготу.
Пройдет
пятнадцать лет
иль двадцать,
обдрябнет сталь,
и сами
вещи
тут
пойдут
Монмартрами на ночи продаваться.
Идемте, башня!
К нам!
Вы —
там,
у нас,

[1] Левый берег (*франц.*).

нужней!
Идемте к нам!
В блестеньи стали,
в дымах —
мы встретим вас.
Мы встретим вас нежней,
чем первые любимые любимых.
Идем в Москву!
У нас
в Москве
простор.
Вы
— каждой! —
будете по улице иметь.
Мы
будем холить вас:
раз сто
за день
до солнц расчистим вашу сталь и медь.
Пусть
город ваш,
Париж франтих и дур,
Париж бульварных ротозеев,
кончается один, в сплошной складбищась Лувр,
в старье лесов Булонских и музеев.
Вперед!
Шагни четверкой мощных лап,
прибитых чертежами Эйфеля,
чтоб в нашем небе твой израдиило лоб,
чтоб наши звезды пред тобою сдрейфили!
Решайтесь, башня,—
нынче же вставайте все,
разворотив Париж с верхушки и до низу!
Идемте!
К нам!
К нам, в СССР!
Идемте к нам —
я
вам достану визу!

[1923]

ДАВИДУ ШТЕРЕНБЕРГУ — ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

Милый Давид!
При вашем имени
обязательно вспоминаю Зимний.
Еще хлестали пули-ливни —
нас
с самых низов
прибой-революция вбросила в Зимний
с кличкой странной — ИЗО.
Влетели, сея смех и крик,
вы,
Пунин,
я
и Ося Брик.
И древних яркостью дразня,
в бока дворца впилась «мазня».
Дивит покои царёвы и княжьи
наш
далеко не царственный вид.
Люстры —
и то шарахались даже,
глядя...
хотя бы на вас, Давид:
рукой
в подрамниковой раме
выво́дите Неву и синь,
другой рукой —
под ордерами

расчеркиваетесь на керосин.
Собранье!
Митинг!
Речью сотой,
призвав на помощь крошки-руки,
выхваливаете ком красóты
на невозможном волапюке.
Ладно,
а много ли толку тут?!
Обычно
воду в ступе толкут?!
Казалось,
что толку в Смольном?
Митинги, вот и всё.
А стали со Смольного вольными
тысячи городов и сёл.
Мы слыли говорунами
на тему: футуризм,
но будущее не нами ли
сияет радугой риз!

[*1922—1923?*]

ПОЭМЫ

(1922—февраль 1923)

ЛЮБЛЮ

ОБЫКНОВЕННО ТАК

Любовь любому рожденному дадена,—
но между служб,
доходов
и прочего
со дня нá день
очерствевает сердечная почва.
На сердце тело надето,
на тело — рубаха.
Но и этого мало!
Один —
идиот! —
манжеты наделал
и груди стал заливать крахмалом.
Под старость спохватятся.
Женщина мажется.
Мужчина по Мюллеру мельницей машется.
Но поздно.
Морщинами множится кожица.
Любовь поцветет,
поцветет —
и скукожится.

МАЛЬЧИШКОЙ

Я в меру любовью был одаренный.
Но с детства
людьё
трудами муштровано.
А я —
убёг на берег Риона
и шлялся,
ни чёрта не делая ровно.
Сердилась мама:
«Мальчишка паршивый!»
Грозился папаша поясом выстегать.
А я,
разживясь трехрублевкой фальшивой,
играл с солдатьём под забором в «три листика».
Без груза рубах,
без башмачного груза
жарился в кутаисском зное.
Вворачивал солнцу то спину,
то пузо —
пока под ложечкой не заноет.
Дивилось солнце:
«Чуть виден весь-то!
А тоже —
с сердечком.
Старается малым!
Откуда
в этом
в аршине
место —
и мне,
и реке,
и стовёрстым скалам?!»

ЮНОШЕЙ

Юношеству занятий масса.
Грамматикам учим дурней и дур мы.
Меня ж
из 5-го вышибли класса.

Пошли швырять в московские тюрьмы.
В вашем
квартирном
маленьком мирике
для спален растут кучерявые лирики.
Что выищешь в этих болоночьих лириках?!
Меня вот
любить
учили
в Бутырках.
Что мне тоска о Булонском лесе?!
Что мне вздох от видов на́ море?!
Я вот
в «Бюро похоронных процессий»
влюбился
в глазок 103 камеры.
Глядят ежедневное солнце,
зазна́ются.
«Чего — мол — стоют лучёнышки эти?»
А я
за стенного
за желтого зайца
отдал тогда бы — все на свете.

МОЙ УНИВЕРСИТЕТ

Французский знаете.
Де́лите.
Множите.
Склоняете чу́дно.
Ну и склоняйте!
Скажите —
а с домом спеться
можете?
Язык трамвайский вы понимаете?
Птенец человечий,
чуть только вывелся —
за кни́жки рукой,
за тетрадные дести.

А я обучался азбуке с вывесок,
листая страницы железа и жести.
Землю возьмут,
обкорнав,
ободрав ее —
учат.
И вся она — с крохотный глобус.
А я
боками учил географию —
недаром же
наземь
ночёвкой хлопаюсь!
Мутят Иловайских больные вопросы:
— Была ль рыжа борода Барбароссы? —
Пускай!
Не копаюсь в пропыленном вздоре я —
любая в Москве мне известна история!
Берут Добролюбова (чтоб зло ненавидеть),—
фамилья ж против,
скулит родовая.
Я
жирных
с детства привык ненавидеть,
всегда себя
за обед продавая.
Научатся,
сядут —
чтоб нравиться даме,
мыслишки звякают лбёнками медненькими.
А я
говорил
с одними домами.
Одни водокачки мне собеседниками.
Окном слуховым внимательно слушая,
ловили крыши — что брошу в уши я.
А после
о ночи
и друг о друге
трещали,
язык ворочая — флюгер.

ВЗРОСЛОЕ

У взрослых дела.
В рублях карманы.
Любить?
Пожалуйста!
Рубликов за́ сто.
А я,
бездомный,
ручища
в рваный
в карман засунул
и шлялся, глазастый.
Ночь.
Надеваете лучшее платье.
Душой отдыхаете на женах, на вдовах.
Меня
Москва душила в объятьях
кольцом своих бесконечных Садовых.
В сердца,
в часишки
любовницы тикают.
В восторге партнеры любовного ложа.
Столиц сердцебиение дикое
ловил я,
Страстно́ю площадью лёжа.
Враспашку —
сердце почти что снаружи —
себя открываю и солнцу и луже.
Входите страстями!
Любовями влазьте!
Отныне я сердцем править не властен.
У прочих знаю сердца дом я.
Оно в груди — любому известно!
На мне ж
с ума сошла анатомия.
Сплошное сердце —
гудит повсеместно.
О, сколько их,
одних только вёсен,
за 20 лет в распалённого ввалено!

Их груз нерастраченный — просто несносен.
Несносен не так,
для стиха,
а буквально.

ЧТО ВЫШЛО

Больше чем можно,
больше чем надо —
будто
поэтовым бредом во сне навис —
комок сердечный разросся громадой:
громада любовь,
громада ненависть.
Под ношей
ноги
шагали шатко —
ты знаешь,
я же
ладно слажен —
и всё же
тащусь сердечным придатком,
плеч подгибая косую сажень.
Взбухаю стихов молоком
— и не вылиться —
некуда, кажется — полнится заново.
Я вытомлен лирикой —
мира кормилица,
гипербола
праобраза Мопассанова.

ЗОВУ

Поднял силачом,
понес акробатом.
Как избирателей сзывают на митинг,
как сёла
в пожар

созывают набатом —
я звал:
«А вот оно!
Вот!
Возьмите!»
Когда
такая махина ахала —
не глядя,
пылью,
грязью,
сугробом
дамьё
от меня
ракетой шарахалось:
«Нам чтобы поменьше,
нам вроде танго́ бы...»
Нести не могу —
и несу мою ношу.
Хочу ее бросить —
и знаю,
не брошу!
Распора не сдержат рёбровы дуги.
Грудная клетка трещала с натуги.

ТЫ

Пришла —
деловито,
за рыком,
за ростом,
взглянув,
разглядела просто мальчика.
Взяла,
отобрала сердце
и просто
пошла играть —
как девочка мячиком.
И каждая —
чудо будто видится —

где дама вкопалась,
а где девица.
«Такого любить?
Да этакий ринется!
Должно, укротительница.
Должно, из зверинца!»
А я ликую.
Нет его —
ига!
От радости себя не помня,
скакал,
индейцем свадебным прыгал,
так было весело,
было легко мне.

НЕВОЗМОЖНО

Один не смогу —
не снесу рояля
(тем более —
несгораемый шкаф).
А если не шкаф,
не рояль,
то я ли
сердце снес бы, обратно взяв.
Банкиры знают:
«Богаты без края мы.
Карманов не хватит —
кладем в несгораемый».
Любовь
в тебя —
богатством в железо —
запрятал,
хожу
и радуюсь Крезом.
И разве,
если захочется очень,
улыбку возьму,
пол-улыбки

и мельче,
с другими кутя,
протрачу в полночи
рублей пятнадцать лирической мелочи.

ТАК И СО МНОЙ

Флоты — и то стекаются в гавани.
Поезд — и то к вокзалу гонит.
Ну, а меня к тебе и подавней
— я же люблю! —
тянет и клонит.
Скупой спускается пушкинский рыцарь
подвалом своим любоваться и рыться.
Так я
к тебе возвращаюсь, любимая.
Мое это сердце,
любуюсь моим я.
Домой возвращаетесь радостно.
Грязь вы
с себя соскребаете, бреясь и моясь.
Так я
к тебе возвращаюсь,—
разве,
к тебе идя,
не иду домой я?!
Земных принимает земное лоно.
К конечной мы возвращаемся цели.
Так я
к тебе
тянусь неуклонно,
еле расстались,
развиделись еле.

ВЫВОД

Не смоют любовь
ни ссоры,
ни вёрсты.
Продумана,

выверена,
проверена.
Подъемля торжественно стих строкопёрстый,
клянусь —
люблю
неизменно и верно!

[*1922*]

IV ИНТЕРНАЦИОНАЛ

I

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МАЯКОВСКОГО ЦК РКП, ОБЪЯСНЯЮЩЕЕ НЕКОТОРЫЕ ЕГО, МАЯКОВСКОГО, ПОСТУПКИ[1]

Были белые булки.
Более
звезд.
Маленькие.
И то по фунту.
А вы
уходили в подполье,
готовясь к голодному бунту.
Жили, жря и ржа.
Мир
в небо отелями вылез,
лифт франтих винтил по этажам спокойным.
А вы
в подпольи таились,
готовясь к грядущим войнам.
В креслах времен
незыблем
капитализма зад.
Жизнь
стынет чаем на блюдце.

[1] Дальнейшие части показывают безотносительность моего Интернационала немецкому. Второй год делаю эту вещь. Выделывая дальнейшее, должно быть, буду не раз перерабатывать и «открытое». (*Прим. автора.*)

А вы —
уже! —
смотрели в глаза
атакующим дням революций.
Вывернувшись с изнанки,
выкрасив бороду,
гоняли изгнанники
от города к городу.

В колизеи душ,
в стадионы-гóловы,
еле-еле взнеся их в парижский чердак,
собирали в цифры,
строили голь вы
так —
притекшие человечьей кашей
с плантаций,
с заводов —
обратно
шагали в марше
стройных рабочих взводов.
Фарами фирмы марксовой
авто диалектики врезалось в годá.
Будущее рассеивало мрак свой.

И когда
Октябрь
пришел и зáлил,
огневой галоп,
казалось,
не взнуздает даже дым,
вы
в свои
железоруки
взяли
революции огнедымые бразды.
Скакали и прямо,
и вбок,
и криво.

Кронштадтом конь.
На дыбы.
Над Невою.
Бедой Ярославля горит огнегривый.
Царицын сковал в кольцо огневое.

Гора.
Махнул через гору —
и к новой.
Бездна.
Взвился над бездной —
и к бездне.
До крови с-под ногтя
в загривок конёвый
вцепившийся
мчался и мчался наездник.

Восторжен до крика,
тревожен до боли,
я тоже
в бешеном темпе галопа
по меди слов языком колоколил,
ладонями рифм торжествующе хлопал.

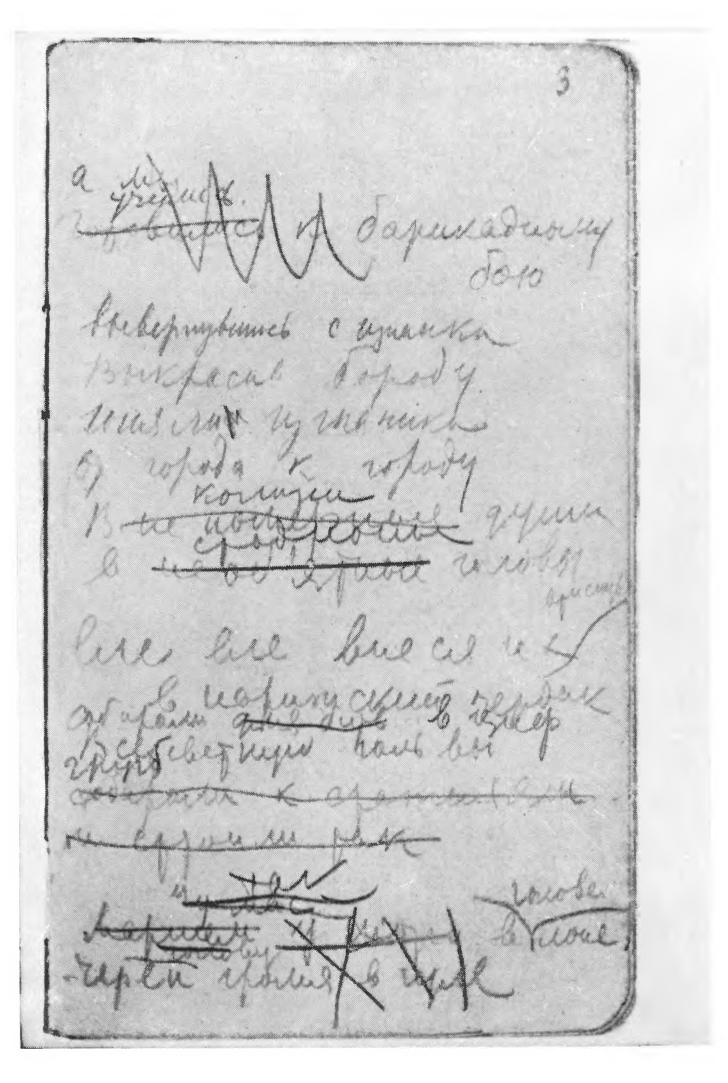
Доскакиваем.
Огонь попритушен.
Чадит мещанство.
Дымится покамест.
Но крепко
на загнанной конской туше
сидим,
в колени зажата боками.

Сменили.
Битюг трудовой.
И не мешкая,
мимо развалин,

пожарищ мимо мы.
Головешку за головешкою
притушим,
иными развеясь дымами.

Во тьме
без пути
по развалинам лазая,
твой конь дрожит,
спотыкается тычась твой.
Но будет:
Шатурское
тысячеглазое
пути сияньем прозрит электричество.
Пойди,
битюгом Россию промеряй-ка!
Но будет миг,
верую,
скоро
у нас
паровозная встанет Америка.
Высверлит пулей поля и горы.
Въезжаем в Поволжье,
корежит вид его.
Костями устелен.
Выжжен.
Чахл.
Но будет час
жития сытого,
в булках,
в калачах.

И тут-то вот
над земною точкою
загнулся огромнейший знак вопроса.
В грядущее
тыкаюсь
пальцем-строчкой,
в грядущее

Страница из Записной книжки 1922 г., № 12,
с черновым автографом поэмы «IV Интернационал».

глазом образа вросся.
Коммуна!
Кто будет пить молоко из реки ея?
Кто берег-кисель расхлебает опоен?
Какие их мысли?
Любови какие?
Какое чувство?
Желанье какое?
Сейчас же,
вздымая культурнейший вой,
патент старье коммуне выдало:
«Что будет?
Будет спаньем,
едой
себя развлекать человечье быдло.
Что будет?
Асфальтом зальются улицы.
Совдепы вычинят в пару лет.
И в праздник
будут играть
пролеткультцы
в сквере
перед совдепом
в крокет.
Свистит любой афиши плеть:
— Капут Октябрю!
Октябрь не выгорел! —
Коммунисты
толпами
лезут млеть
в Онегине,
в Сильве,
в Игоре.
К гориллам идете!
К духовной дырке!
К животному возвращаетесь вспять!
От всей
вековой
изощренной лирики
одно останется:
— Мужчина, спать! —

В монархию,
В коммуну ль мещанина выселим мы.
И в городе-саде ваших дач
он будет
одинаково
работать мыслью
только над счетом кухаркиных сдач.
Уже настало.
Смотрите —
вот она!
На месте ваших вчерашних чаяний
в кафа́х,
нажравшись пироженью рвотной,
коммуну славя, расселись мещане.
Любовью
какой обеспечит Собес?!
Семашко ль поможет душ калекам?!»

Довольно!

Мы возьмемся,
если без
нас
об этом подумать некому.

Каждый омолаживайся!
Спеши
юн
душу седую из себя вытрясти.
Коммунары!
Готовьте новый бунт
в грядущей
коммунистической сытости.

Во имя этого
награждайте Академиком
или домом —
ни так
и ни даром —
я не стану
ни замом,

ни предом,
ни помом,
ни даже продкомиссаром.
Бегу.
Растет
за мной,
эмигрантом,
людей и мест изгонявших черта́.
Знаю:
придет,
взбарабаню,
и грянет там...
Нынче ж
своей голове
на чердак
загнанный,
грядущие бунты славлю.
В марксову диалектику
стосильные
поэтические моторы ставлю.
Смотрите —
ряды грядущих лет текут.
Взрывами мысли го́ловы содрогая,
артиллерией сердец ухая,
встает из времен
революция другая —
третья революция
духа.

Штык-язык остри и три!
Глаза на прицел!
На перевес уши!
Смотри!
Слушай!
Чтоб душу врасплох не смяли,
чтоб мозг не опрокинули твой —
эй-ка! —
Смирно!
Ряды вздвой,
мысль-красногвардейка.

Идите все
от Маркса до Ильича вы,
все,
от кого в века лучи.
Вами выученный,
миры величавые
вижу —
любой приходи и учись!

[*1922*]

ПЯТЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

8 ЧАСТЕЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРИКАЗ № 3

Прочесть по всем эскадрильям футуристов, крепостям классиков, удушливогазным командам символистов, обозам реалистов и кухонным командам имажинистов.

Где еще
— разве что в Туле? —
позволительно становиться на поэтические ходули?!
Провинциям это!..
«Ах, как поэтично...
как возвышенно...
Ах!»
Я двадцать лет не ходил в церковь.
И впредь бывать не буду ни в каких церквах.
Громили Василия Блаженного.
Я не стал теряться.
Радостный,
вышел на пушечный зов.
Мне ль
вычеканивать венчики аллитераций
богу поэзии с óбразами образóв.
Поэзия — это сиди и над розой ной...
Для меня
невыносима мысль,
что роза выдумана не мной.
Я 28 лет отращиваю мозг
не для обнюхивания,
а для изобретения роз.

Надсо́ны,
не в ревность
над вашим сонмом
эта
моя
словостройка взвеена.
Я стать хочу
в ряды Эдисонам,
Лениным в ряд,
в ряды Эйнштейнам.

Я обкармливал.
Я обкармливался деликатесами до́сыта.
Ныне —
мозг мой чист.
Язык мой гол.
Я говорю просто —
фразами учебника Марго.

Я
поэзии
о́дну разрешаю форму:
краткость,
точность математических формул.
К болтовне поэтической я слишком привык,—
я еще говорю стихом, а не напрямик.
Но если
я говорю:
«А!» —
это «а»
атакующему человечеству труба.
Если я говорю:
«Б!» —
это новая бомба в человеческой борьбе.

Я знаю точно — что такое поэзия. Здесь описываются мною интереснейшие события, раскрывшие мне глаза. Моя логика неоспорима. Моя математика непогрешима.

Внимание!
Начинаю.

Аксиома:
Все люди имеют шею.
Задача:
Как поэту пользоваться ею?
Решение:
Сущность поэзии в том,
чтоб шею сильнее завинтить винтом.
Фундамент есть.
Начало благополучно.
По сравнению с Гершензоном даже получается
научно.
Я и начал!
С настойчивостью Леонардо да Винчевою,
закручу,
раскручу
и опять довинчиваю.
(Не думаю,
но возможно,
что это
немного
похоже даже на самоусовершенствование иога.)

Постепенно,
практикуясь и тужась,
я шею так завинтил,
что просто ужас.
В том, что я сказал,
причина коренится,
почему не нужна мне никакая заграница.
Ехать в духоте,
трястись,
не спать,
чтоб потом на Париж паршивый пялиться?!
Да я его и из Пушкина вижу,
как свои
пять пальцев.
Мой способ дешевый и простой:
руки в карманы заложил и стой.
Вставши,
мысленно себя вытягивай за́ уши.
Так

через год
я
мог
шею свободно раскручивать на вершок.
Прохожие развозмущались.
Потом привыкли.
Наконец,
и смеяться перестали даже —
мало ли, мол, какие у футуристов бывают блажи.
А с течением времени
пользоваться даже стали —
при указании дороги.
«Идите прямо,—
тут еще стоят такие большие-большие ноги.
Ноги пройдете, и сворачивать пора —
направо станция,
налево Акулова гора».

Этой вот удивительной работой я был занят чрезвычайно долгое время.

Я дней не считал.
И считать на что вам!
Отмечу лишь:
сквозь еловую хвою,
года отшумевши с лесом мачтовым,
леса перерос и восстал головою.
Какой я к этому времени —
даже определить не берусь.
Человек не человек,
а так —
людогусь.
Как только голова поднялась над лесами,
обозреваю окрестность.
Такую окрестность и обозреть лестно.

Вы бывали в Пушкине (Ярославская ж. д.) так в 1925—30 году? Были болота. Пахалось невесть чем. Крыши — дыры. Народ крошечный. А теперь!

В красных,
в зеленых крышах сёла!

Тракторы!
Сухо!
Крестьянин веселый!
У станции десятки линий.
Как только не путаются —
не вмещает ум.
Станция помножилась на 10 — минимум.
«Серьезно» —
поздно
является.
Молодость — известное дело — забавляется.
Нагибаюсь.
Глядя на рельсовый путь,
в трубу паровозу б сверху подуть.
Дамы мимо.
Дым им!
Дамы от дыма.
За дамами дым.
Дамы в пыль!
Дамы по луже.
Бегут.
Расфыркались.
Насморк верблюжий.

Винти дальше!

Пушкино размельчилось.
Исчезло, канув.
Шея растягивается
— пожарная лестница —
голова
уже́,
разве что одному Ивану
Великому
ровесница.

Москва.

Это, я вам доложу,— зрелище. Дома́. Дома необыкновенных величин и красот.

Помните,
дом Нирензее
стоял,
над лачугами крышищу взвеивая?
Так вот:
теперь
под гигантами
грибочком
эта самая крыша Нирензеевая.

Улицы циркулем выведены. Электричество ожерельями выложило булыжник. Диадемищами горит в театральных лбах. Горящим адрес-календарем пропечатывают ночь рекламы и вывески. Из каждой трубы — домовьей, пароходной,' фабричной — дым. Работа. Это Москва — 940—950 года во всем своем великолепии.

Винти!

Водопьяный переулок разыскиваю пока,
Москва стуманилась.
Ока змейнула.
Отзмеилась Ока.

Горизонт бровями лесными хмурится.
Еще винчусь.
Становища Муромца
из глаз вон.
К трем морям
простор
одуряющ и прям.
Волга,
посредине Дон,
а направо зигзагища Днепра.

До чего ж это замечательно!

Глобус — и то хорошо. Рельефная карта — еще лучше. А здесь живая география. Какой-нибудь Терек—жилкой трепещет в дарьяльском виске. Волга игрушечная пере-

ливается фольгой. То розовым, то голубым акварелит небо хрусталик Араратика.

Даже размечтался— не выдержал.

Воздух
голосом прошлого
ветрится бáсов...
Кажется,
над сечью облачных гульб
в усах лучей
головища Тарасов
Бульб.

Еще развинчиваюсь,
и уже
бежит
глаз
за русские рубежи.

Мелькнули
валяющиеся от войны дробилки:
Латвии,
Литвы
и т. п. политические опилки.
Гущей тел искалеченных, по костям скрученным,
тяжко,
хмуро,
придавленная версальскими печатями сургучными,
Германия отрабатывается на дне Рура.
На большой Европейской дороге,
разбитую челюсть
Версальским договором перевязав,
зубами,
нож зажавшими, щерясь,
стоит француз-зуав.

Швейцария.
Закована в горный панцырь.
Италия...
Сапожком на втором планце...

И уже в тумане:
Испания...
Испанцы...
А потом океан — и никаких испанцев.

Заворачиваю шею в полоборотца.
За плечом,
ледниками ляская —
бронзовая Индия.
Встает бороться.
Лучи натачивает о горы Гималайские.

Поворачиваюсь круто.
Смотрю очумело.
На горизонте Япония,
Австралия,
Англия...
Ну, это уже пошла мелочь.

Я человек ужасно любознательный. С детства.

Пользуюсь случаем —
полюсы
полез осмотреть получше.
Наклоняюсь настолько низко,
что нос
мороз
выдергивает редиской.

В белом,
снегами светящемся мире
Куки,
Пири.
Отвоевывают за шажками шажок,—
в пуп земле
наугад
воткнуть флажок.
Смотрю презрительно,
чуть не носом тыкаясь в ледовитые пятна —
я вот
полюсы
дюжинами б мог

открывать и закрывать обратно.
Растираю льдышки обмороженных щек.
Разгибаюсь.
Завинчиваюсь еще.
Мира половина —
кругленькая такая—
подо мной,
океанами с полушария стекая.
Издали
совершенно вид апельсиний;
только тот желтый,
а этот синий.

Раза два повернул голову полным кругом. Кажется, все наиболее интересные вещи осмотрены.

Ну-с,
теперь перегнусь.
Пожалуйста!
Нате!
Соединенные
штат на штате.
Надо мной Вашингтоны,
Нью-Йорки.
В дыме.
В гаме.
Надо мной океан.
Лежит
и не может пролиться.
И сидят,
и ходят,
и все вверх ногами.
Вверх ногами даже самые высокопоставленные
лица.

Наглядевшись американских дивѐс,
как хороший подъемный мост,
снова выпрямляюсь во весь
рост.

Тут уже начинаются дела так называемые
небесные.

Звезды огромнеют,
потому — ближе.
Туманна земля.
Только шумами дальними ухо лижет,
голоса в единое шумливо смеля.

Выше!

Тишь.
И лишь
просторы,
мирам открытые странствовать.
Подо мной,
надо мной
и насквозь светящее реянье.
Вот уж действительно
что называется — пространство!
Хоть руками щупай в 22 измерения.
Нет краев пространству,
времени конца нет.
Так рисуют футуристы едущее или идущее:
неизвестно,
что́ вещь,
что́ след,
сразу видишь вещь из прошедшего в грядущее.
Ничего не режут времени ножи.
Планеты сшибутся,
и видишь —
разом
разворачивается новая жизнь
грядущих планет туманом-газом.

Некоторое отступление.—

Выпустят из авиашколы летчика.
Долго ль по небу гоняет его?
И то
через год
у кареглазого молодчика
глаза
начинают просвечивать синевой.

Идем дальше.

Мое пребывание небом не считано,
и я
от зорь его,
от ветра,
от зноя
окрасился весь небесно-защитно —
тело лазоревосинесквозное.
Я так натянул мою материю,
что ветром
свободно
насквозь свистело,—
и я
титанисто
боролся с потерею
привычного
нашего
плотного тела.
Казалось:
миг —
и постройки масса
рухнет с ног
со всех двух.
Но я
оковался мыслей каркасом.
Выметаллизировал дух.

Нервная система?
Черта лешего!
Я так разгимнастировал ее,
что по субботам,
вымыв,
в просушку развешивал
на этой самой системе белье.
Мысль —
вещественней, чем ножка рояльная.
Вынешь мысль из-под черепа кровельки,
и мысль лежит на ладони,
абсолютно реальная,
конструкцией из светящейся проволоки.
Штопором развинчивается напрягшееся ухо.

Могу сверлить им
или
на бутыль нацелиться слухом
и ухом откупоривать бутыли.

Винти еще!

Тихо до жути.
Хоть ухо выколи.
Но уши слушали.
Уши привыкли.

Сперва не разбирал и разницу нот.
(Это всего-то отвинтившись версты на́ три!)
Разве выделишь,
если кто кого ругнет
особенно громко по общеизвестной матери.
А теперь
не то что мухин полет различают уши —
слышу
биенье пульса на каждой лапке мушьей.
Да что муха,
пустяк муха.
Слышу
каким-то телескопическим ухом:
мажорно
мира жернов
басит.
Выворачивается из своей оси́.
Уже за час различаю —
небо в приливе.
Наворачивается облачный валун на валун им.
Это месяц, значит, звезды вывел
и сам
через час
пройдет новолунием.

Каждая небесная сила
по-своему голосила.
Раз!
Раз! —

это близко,
совсем близко
выворачивается Марс.
Пачками колец
Сатурн
расшуршался в балетной суете.
Вымахивает за туром тур он
свое мировое фуэтэ.
По эллипсисам,
по параболам,
по кругам
засвистывают на невероятные лады.
Солнце-дирижер,
прибрав их к рукам,
шипит —
шипенье обливаемой сковороды.

А по небесному стеклу,
будто с чудовищного пера,
скрип
пронизывает оркестр весь.
Это,
выворачивая чудовищнейшую спираль,
солнечная система свистит в Геркулес.

Настоящая какофония!
Но вот
на этом фоне я
жесткие,
как пуговки,
стал нащупывать какие-то буковки.
Воздух слышу,—
расходятся волны его,
груз фраз на спину взвалив.
Перекидываются словомолниево
Москва
и Гудзонов залив.

Москва.
«Всем! Всем! Всем!
Да здравствует коммунистическая партия!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Эй!»

Чикаго.
«Всем! Всем! Всем!
Джимми Долларс предлагает партию
откормленнейших свиней!»

Ловлю долетающее сюда извне.
В окружающее вросся.
Долетит —
и я начинаю звенеть и звенеть
антеннами гла́за,
глотки,
носа.

Сегодня я добился своего. Во вселенной совершилось наиневероятнейшее превращение.

Пространств мировых одоления ради,
охвата ради веков дистанций
я сделался вроде
огромнейшей радиостанции.

С течением времени с земли стали замечать мое сооружение. Земля ошеломилась. Пошли целить телескопы. Книга за книгой, за статьей статья. Политехнический музей взрывался непрекращающимися диспутами. Я хватал на лету радио важнейших мнений. Сводка:

Те, кто не видят дальше аршина,
просто не верят:
«Какая такая машина??»
Поэты утверждают:
«Новый выпуск «истов»,
просто направление такое
новое —
унанимистов».
Мистики пишут:
«Логос.

Это всемогущество. От господа бога-с».
П. С. Коган:
«Ну, что вы, право,
это
просто
символизируется посмертная слава».
Марксисты всесторонне обсудили диво.
Решили:
«Это
олицетворенная мощь коллектива».
А. В. Луначарский:
«Это он о космосе!»

Я не выдержал, наклонился и гаркнул на всю
землю:

— Бросьте вы там, которые о космосе!
Что космос?
Космос далеко-с, мусью-с!
То, что я сделал,
это
и есть называемое «социалистическим поэтом».
Выше Эйфелей,
выше гор
— кепка, старое небо дырь! —
стою́,
будущих былин Святогор
богатырь.

Чтоб поэт перерос веков сроки,
чтоб поэт
человечеством полководить мог,
со всей вселенной впитывай соки
корнями вросших в землю ног.
Товарищи!
У кого лет сто свободных есть,
можете повторно мой опыт произвесть.
А захотелось на землю
вниз —
возьми и втянись.

Практическая польза моего изобретения:

при таких условиях
древние греки
свободно разгуливали б в тридцатом веке.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Простите, товарищ Маяковский. Вот вы всё время орете — «социалистическое искусство, социалистическое искусство». А в стихах — «я», «я» и «я». Я радио, я башня, я то, я другое. В чем дело?

ДЛЯ МАЛОГРАМОТНЫХ

Пролеткультцы не говорят
ни про «я»,
ни про личность.
«Я»
для пролеткультца
все равно что неприличность.
И чтоб психология
была
«коллективней», чем у футуриста,
вместо «я-с-то»
говорят
«мы-с-то».
А по-моему,
если говорить мелкие вещи,
сколько ни заменяй «Я» — «Мы»,
не вылезешь из лирической ямы.
А я говорю
«Я»,
и это «Я»
вот,
балагуря,
прыгая по словам легко,
с прошлых
многовековых высот,
озирает высоты грядущих веков.

Если мир
подо мной
муравейника менее,
то куда ж тут, товарищи, различать местоимения?!

ТЕПЕРЬ САМА ПОЭМА

Напомню факты. Раскрутив шею, я остановился на каких-то тысячных метрах.

Подо мной земля —
капля из-под микроскопа:
загогулина и палочка, палочка и загогулина...
Европа лежит грудой раскопок,
гулом пушек обложенная огульно.
Понятно,
видишь только самые общие пятна.
Вот
она,
Россия,
моя любимая страна.
Красная,
только что из революции горнила.
Рабочей
чудовищной силой
ворочало ее и гранило.
Только еле
остатки нэпа ржавчиной чернели.
А это Польша,
из лоскуточков ссучена.
Тут тебе сразу вся палитра.
Склей такую!
Потратила пилсудчина
слюны одной тысячу литров.
Чувствуешь —
зацепить бы за лоскуточек вам,
и это
всё
разлезется по швам.
Германия —
кратера огнедышащий зной.

Камня,
пепла словесное сеянье.
Лава —
то застынет соглашательской желтизной,
то, красная,
дрожит революции землетрясением.
Дальше.
Мрак.
Франция.
Сплошной мильерановский фрак.
Черный-черный.
Прямо синий.
Только сорочка блестит —
как блик на маслине.
Чем дальше — тем чернее.
Чем дальше — тем мрачнее.
Чем дальше — тем ночнее.
И на горизонте,
где Америка,
небо крóя,
сплошная чернотища выметалась икрою.
Иногда лишь
черноты́ гóры
взрывались звездой света —
то из Индии,
то из Ангоры,
то из Венгерской республики Советов.

Когда же
сворачивался лучей веер,
день мерк —
какой расфеѐривался фейерверк!
Куда ни нагнись ты —
огнисто.

Даже ночью, даже с неба узнаю РСФСР.

Мало-помалу,
еле-еле,
но вместе с тем неуклонно,
неодолимо вместе с тем

подо мной
развертываются
огней параллели —
это Россия железнодорòжит темь.

А там вон
в линиях огни поредели,
в кучи сбились,
горят тангòво.
Это значит —
Париж открывает бордели
или еще какая из животоварных торговок.

Собрать бы молнии
да отсюда
в золотоокопный
в этот самый
в Мулен
в Руж...
Да разве попрешь?
Исторические законы!
Я марксист,
разумеется, не попру ж!

Если б вы знали,
с какой болью
ограничиваюсь свидетельской ролью.

Потушить антенны глаз. Настроить на 400 000 верст антенны слуха!

Сначала
— молодое рвение —
радостно принимал малейшее веянье.
Ловлю перелеты букв-пуль.
Складываю.
Расшифровываю,
волнуясь и дрожа.
И вдруг:
«Ллойд-Джордж зовет в Ливерпуль.
На конференцию.
Пажà-пажà!!»

Следующая.
Благой мат.
Не радио,
а Третьяков в своем «Рыде»:
«Чего не едете?
Эй, вы,
дипломат!
Послезавтра.
Обязательно!
В Мадриде!»

До чего мне этот старик осточертел!

Тысячное радио.
Несколько слов:
«Ллойд-Джордж.
Болезнь.
Надуло лоб.
Отставка.
Вызвал послов.
Конференция!»
Конотоп!

Черпнешь из другой воздушной волны.
Вóлны
другой чепухой полны́.
«Берлину
Париж:
Гони монету!»
«Парижу
Берлин:
Монет нету!»
«Берлину.
У аппарата Фош.
Платите! —
а то зазвените».
«Парижу.
Что ж,
заплатим,
извините».
И это в конце каждого месяца.

От этого
даже Аполлон Бельведерский взбесится.
А так как
я
человек, а не мрамор,
то это
меня
извело прямо.
Я вам не в курзале под вечер летний,
чтоб слушать
эти
радиосплетни.

Завинчусь.
Не будет нового покамест —
затянусь облаками-с.

Очень оригинальное ощущение. Головой провинтил облака и тучи. Земли не видно. Не видишь даже собственные плечи. Только небо. Только облака. Да в облаках моя головища.

Мореет тучами.
Облаком за̀стит.
И я
на этом самом
на мо̀ре
горой-головой плыву головастить —
второй какой-то брат черноморий.
Эскадры
верблюдокорабледраконьи.
Плывут.
Иззолочены солнечным Крезом.
И встретясь с фантазией ультра-Маркони,
об лоб разбиваемы облакорезом.
Громище.
Закатится
с тучи
по скату,
над ухом
грохотом расчересчурясь.

Втыкаю в уши о́блака вату,
стою в тишине, на молнии щурясь.
И дальше
летит
эта самая Лета;
не злобствуя дни текут и не больствуя,
а это
для человека
большое удовольствие.

Стою спокойный. Без единой думы. Тысячесилием воли сдерживаю антенны. Не гудеть!

Лишь на извивах подсознательных,
проселков окольней,
полумысль о культуре проходящих поколений:
раньше
аэро
шуршали о го́лени,
а теперь
уже шуршат о колени.

Так
дни
текли и текли в покое.
Дни дотекли.
И однажды
распеперегрянуло такое,
что я
затрясся антенной каждой.

Колонны ног,
не колонны — стебли.
Так эти самые ноги колеблет.

В небо,
в эту облакову няньку,
сквозь земной
непрекращающийся зуд,
все законы природы вывернув наизнанку,
в небо
с земли разразили грозу.

Уши —
просто рушит.
Радиосмерч.

«Париж...
Согласно Версальскому
Пуанкаре да Ллойд...»
«Вена.
Долой!»
«Париж.
Фош.
Врешь, бош.
Берегись, унтер...»
«Berlin.
Runter!» [1]
«Вашингтон.
Закрыть Европе кредит.
Предлагаем должникам торопиться со взносом».
«Москва.
А ну!
Иди!
Сунься носом».
За радио радио в воздухе пляшет.
Воздух
в сплошном
и грозобуквом ералаше.

Что это! Скорее! Скорее! Увидеть. Раскидываю тучи. Ладонь ко лбу. Глаза укрепил над самой землей. Вчера еще закандаленная границами, лежала здесь Россия одиноким красным оазисом. Пол-Европы горит сегодня. Прорывает огонь границы географии России. А с запада на приветствия огненных рук огнеплещет германский пожар. От красного тела России, от красного тела Германии огненными руками отделились колонны пролетариата. И у Данцига —

---

[1] «Берлин. Долой!» (*нем.*)

пальцами армий,
пальцами танков,
пальцами Фоккеров
одна другой руку жала.
И под пальцами
было чуть-чуть мо́кро
там,
где пилсудчина коридорами лежала.—

Влились. Сплошное огневище подо мной. Сжалось. Напряглось. Разорвалось звездой.

Надрывающиеся вопли:
«Караул!
Стой!»
А это
разливается пятиконечной звездой
в пять частей оторопевшего света.
Вот
один звездозуб,
острый,
узкий,
врезывается в край земли французской.
Чернота старается.
Потушить бы,
поймать.
А у самих
в тылу
разгорается кайма.
Никогда эффектнее не видал ничего я!
Кайму протягивает острие лучевое.
Не поможет!
Бросьте назад дуть.
Красное и красное — слилось как ртуть.
Сквозь Францию
дальше,
безудержный,
грозный,
вгрызывается зубец краснозвездный.
Ору, восторженный:
— Не тщитесь!

Ныне
революции не залить.
Склонись перед нею! —
А луч
взбирается на скат Апенниньий.
А луч
рассвечивается по Пиренею.

Сметая норвежских границ следы,
по северу
рвется красная буря.
Здесь
луч второй прожигает льды,
до полюса снега̀ опурпуря.
По̀езда чище
лился Сибирью третий лучище.
Красный поток его
уже почти докатился до Токио.
Четвертого лучища жар
вонзил в юго-восток зубец свой длинный,
и уже
какой-то
поджаренный раджа
лучом
с Гималаев
сбит в долины.
Будто проверяя
— хорошо остра ли я,—
в Австралию звезда.
Загорелась Австралия.
Правее — пятый.
Атакует такой же.
Играет красным у негров по коже.
Прошел по Сахаре,
по желтому клину,
сиянье
до южного полюса кинул.

Размахивая громадными руками, то зажигая, то туша глаза, сетью уха вылавливая каждое слово, я весь изработался в неодолимой воле — победить. Я облаками маскировал наши колонны. Маяками глаз

указывал места легчайшего штурма. Путаю вражьи радио. Все ливни, все лавы, все молнии мира — охапкою собираю, обрушиваю на черные головы врагов. Мы победим. Мы не хотим, мы не можем не победить. Только Америка осталась. Перегибаюсь. Сею тревогу.

Дрожит Америка:
революции демон
вступает в Атлантическое лоно...
Впрочем,
сейчас это не моя тема,
это уже описано
в интереснейшей поэме «Сто пятьдесят миллионов».

Кто прочтет ее, узнает, как победили мы. Отсылаю интересующихся к этой истории. А сам

замер;
смотрю,
любуюсь,
и я
вижу:
вся земная масса,
сплошь подмятая под краснозвездные острия,
красная,
сияет вторым Марсом.
Видением лет пролетевших взволнован,
устав
восторгаться в победном раже,
я
голову
в небо заправил снова
и снова
стал
у веков на страже.
Я видел революции,
видел войны.
Мне
и голодный надоел человек.
Хоть раз бы увидеть,
что вот,
спокойный,

живет человек меж веселий и нег.
Радуюсь просторам,
радуюсь тишине,
радуюсь облачным нивам.
Рот
простор разжиженный пьет.
И только
иногда
вычесываю лениво
в волоса запутавшееся
звездное репьё.
Словно
стекло
время,—
текло, не текло оно,
не знаю,—
вероятно, текло.
И, наконец, через какое-то время —
тучи в клочики,
в клочочки-клочишки.
Исчезло все
до последнего
бледного
облачишка.

Смотрю на землю, восторженно поулыбливаясь.

На всём
вокруг
ни черного очень,
ни красного,
но и ни белого не было.
Земшар
сияньем сплошным раззолочен,
и небо
над шаром
раззолотонебело.
Где раньше
река
водищу гоняла,
лила наводнения,
буйна,

гола́,—
теперь
геометрия строгих каналов
мрамору в русла спокойно легла.
Где пыль
вздымалась,
ветрами ду́ема,
Сахары охрились, жаром леня́,—
росли
из земного
из каждого дюйма,
строения и зеленя́.
Глаз —
восторженный над феерией рей!
Реальнейшая
подо мною
вон она —
жизнь,
мечтаемая от дней Фурье,
Роберта Оуэна и Сен-Симона.

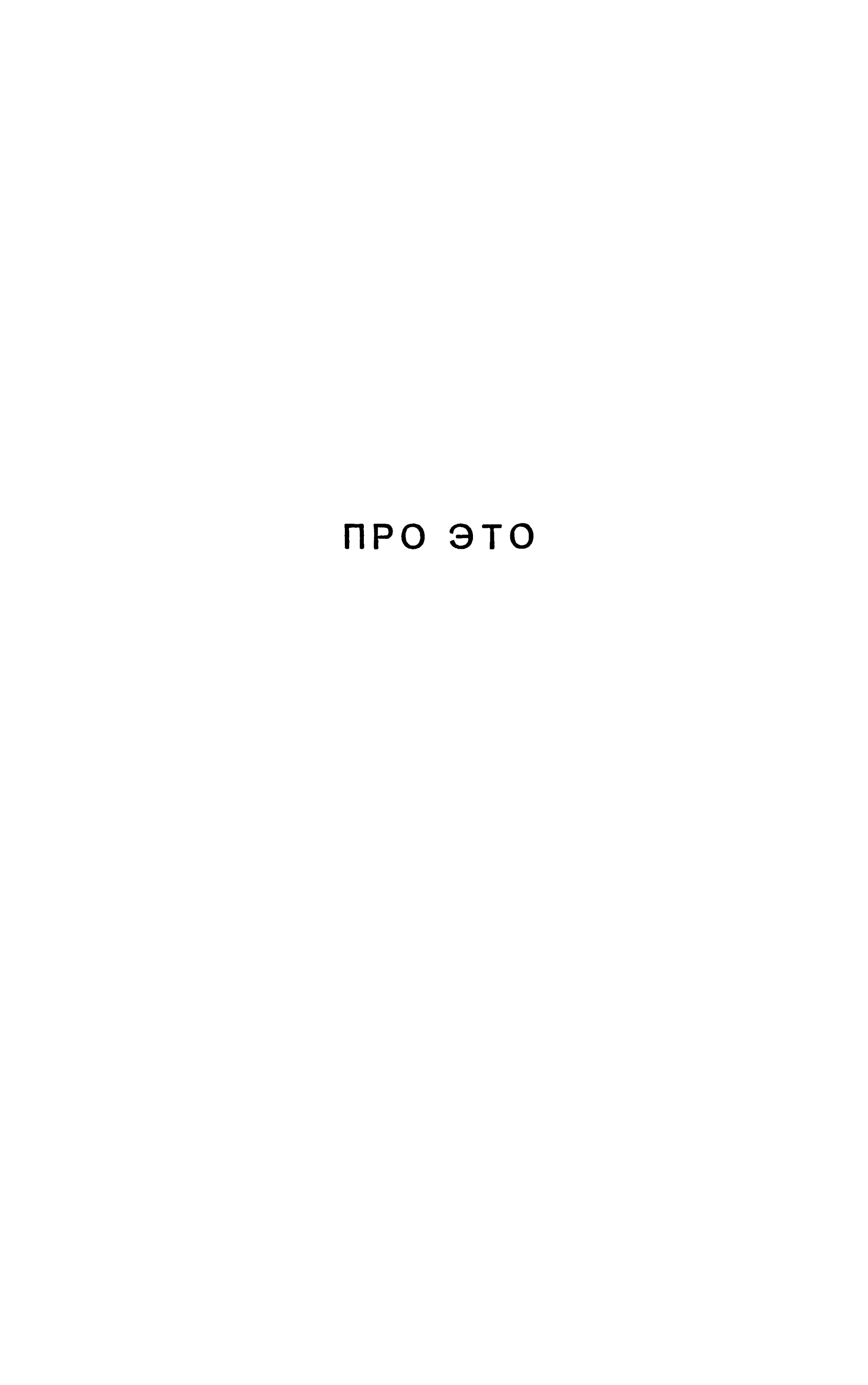
Маяковский!
Опять человеком будь!
Силой мысли,
нервов,
жил
я,
как стоверстную подзорную трубу,
тихо шеищу сложил.

Небылицей покажется кое-кому.
А я,
в середине XXI века,
на Земле,
среди Федерации Коммун —
гражданин **ЗЕФЕКА.**

Самое интересное, конечно, начинается отсюда. Едва ли кто-нибудь из вас точно знает события конца XXI века. А я знаю. Именно это и описывается в моей третьей части.

[1922]

Страница из Записной книжки 1922 г., № 15,
с черновым автографом поэмы «Пятый Интернационал».

ПРО ЭТО

ПРО ЧТО — ПРО ЭТО?

В этой теме,
и личной
и мелкой,
перепетой не раз
и не пять,
я кружил поэтической белкой
и хочу кружиться опять.
Эта тема
сейчас
и молитвой у Будды
и у негра вострит на хозяев нож.
Если Марс,
и на нем хоть один сердцелюдый,
то и он
сейчас
скрипит
про то ж.
Эта тема придет,
калеку за локти
подтолкнет к бумаге,
прикажет:
— Скреби! —
И калека
с бумаги
срывается в клёкоте,
только строчками в солнце песня рябит.
Эта тема придет,
позвонится с кухни,

повернется,
                    сгинет шапчонкой гриба,
и гигант
                постоит секунду
                                  и рухнет,
под записочной рябью себя погребя.
Эта тема придет,
                        прикажет:
                                    — Истина! —
Эта тема придет,
                        велит:
                                — Красота! —
И пускай
                перекладиной кисти раскистены —
только вальс под нос мурлычешь с креста.
Эта тема азбуку тронет разбегом —
уж на что б, казалось, книга ясна!—
и становится
                    — А —
                            недоступней Казбека.
Замутит,
                оттянет от хлеба и сна.
Эта тема придет,
                        вовек не износится,
только скажет:
                    — Отныне гляди на меня! —
И глядишь на нее,
                            и идешь знаменосцем,
красношелкий огонь над землей знаменя.
Это хитрая тема!
                        Нырнет под события,
в тайниках инстинктов готовясь к прыжку,
и как будто ярясь
                            — посмели забыть ее! —
затрясет;
                посыпятся души из шкур.
Эта тема ко мне заявилась гневная,
приказала:
                    — Подать
                                дней удила! —
Посмотрела, скривясь, в мое ежедневное

и грозой раскидала людей и дела.
Эта тема пришла,
остальные оттерла
и одна
безраздельно стала близка.
Эта тема ножом подступила к горлу.
Молотобоец!
От сердца к вискам.
Эта тема день истемнила, в темень
колотись — велела — строчками лбов.
Имя
этой
теме:
. . . . . . !

I

БАЛЛАДА РЕДИНГСКОЙ ТЮРЬМЫ

Стоял — вспоминаю.
Был этот блеск.
И это
тогда
называлось Невою.

Маяковский, «Человек».

(13 лет работы, т. 2, стр. 77)

О балладе и о балладах

Немолод очень лад баллад,
но если слова болят
и слова говорят про то, что болят,
молодеет и лад баллад.
Лубянский проезд.
Водопьяный.
Вид
вот.
Вот
фон.
В постели она.
Она лежит.
Он.
На столе телефон.
«Он» и «она» баллада моя.
Не страшно нов я.
Страшно то,
что «он» — это я
и то, что «она» —
моя.

При чем тюрьма?
Рождество.
Кутерьма.
Без решеток окошки домика!
Это вас не касается.
Говорю — тюрьма.
Стол.
На столе соломинка.

По кабелю пущен номер

Тронул еле — волдырь на теле.
Трубку из рук вон.
Из фабричной марки —
две стрелки яркие
омолниили телефон.
Соседняя комната.
Из соседней
сонно:
— Когда это?
Откуда это живой поросенок? —
Звонок от ожогов уже визжит,
добела раскален аппарат.
Больна она!
Она лежит!
Беги!
Скорей!
Пора!
Мясом дымясь, сжимаю жжение.
Моментально молния телом забегала.
Стиснул миллион вольт напряжения.
Ткнулся губой в телефонное пекло.
Дыры
сверля
в доме,
взмыв
Мясницкую
пашней,
рвя
кабель,
номер

пулей
летел
барышне.
Смотрел осовело барышнин глаз —
под праздник работай за двух.
Красная лампа опять зажглась.
Позвонила!
Огонь потух.
И вдруг
как по лампам пошло́ куролесить,
вся сеть телефонная рвется на нити:
—67—10!
Соедините! —
В проулок!
Скорей!
Водопьяному в тишь!
Ух!
А то с электричеством станется —
под Рождество
на воздух взлетишь
со всей
со своей
телефонной
станцией.
Жил на Мясницкой один старожил.
Сто лет после этого жил —
про это лишь —
сто лет! —
говаривал детям дед.
— Было — суббота...
под воскресенье...
Окорочок...
Хочу, чтоб дешево...
Как вдарит кто-то!..
Землетрясенье...
Ноге горячо...
Ходун — подошва!.. —
Не верилось детям,
чтоб так-то
да там-то.

Землетрясенье?
Зимой?
У почтамта?!

Телефон бросается на всех

Протиснувшись чудом сквозь тоненький
шнур,
раструба трубки разинув оправу,
погромом звонков громя тишину,
разверг телефон дребезжащую лаву.
Это визжащее,
звенящее это
пальнуло в стены,
старалось взорвать их.
Звоночинки
тыщей
от стен
рикошетом
под стулья закатывались
и под кровати.
Об пол с потолка звоно́чище хлопал.
И снова,
звенящий мячище точно,
взлетал к потолку, ударившись о́б пол,
и сыпало вниз дребезгою звоночной.
Стекло за стеклом,
вьюшку за вьюшкой
тянуло
звенеть телефонному в тон.
Тряся
ручоночкой
дом-погремушку,
тонул в разливе звонков телефон.

Секундантша

От сна
чуть видно —
точка глаз
иголит щеки жаркие.
Ленясь, кухарка поднялась,
идет,
кряхтя и харкая.
Моченым яблоком она.

Морщинят мысли лоб ес.
— Кого?
Владим Владимыч?!
А! —
Пошла, туфлёю шлепая.
Идет.
Отмеряет шаги секундантом.
Шаги отдаляются...
Слышатся еле...
Весь мир остальной отодвинут куда-то,
лишь трубкой в меня неизвестное целит.

Просветление мира

Застыли докладчики всех заседаний,
не могут закончить начатый жест.
Как были,
рот разинув,
сюда они
смотрят на Рождество из Рождеств.
Им видима жизнь
от дрязг и до дрязг.
Дом их —
единая будняя тина.
Будто в себя,
в меня смотрясь,
ждали
смертельной любви поединок.
Окаменели сиренные рокоты.
Колес и шагов суматоха не вертит.
Лишь поле дуэли
да время-доктор
с бескрайним бинтом исцеляющей смерти.
Москва —
за Москвой поля примолкли.
Моря —
за морями горы стройны.
Вселенная
вся
как будто в бинокле,
в огромном бинокле (с другой стороны).
Горизонт распрямился
ровно-ровно.

Тесьма.
Натянут бичевкой тугой.
Край один —
я в моей комнате,
ты в своей комнате — край другой.
А между —
такая,
какая не снится,
какая-то гордая белой обновой,
через вселенную
легла Мясницкая
миниатюрой кости слоновой.
Ясность.
Прозрачнейшей ясностью пытка.
В Мясницкой
деталью искуснейшей выточки
кабель
тонюсенький —
ну, просто нитка!
И всё
вот на этой вот держится ниточке.

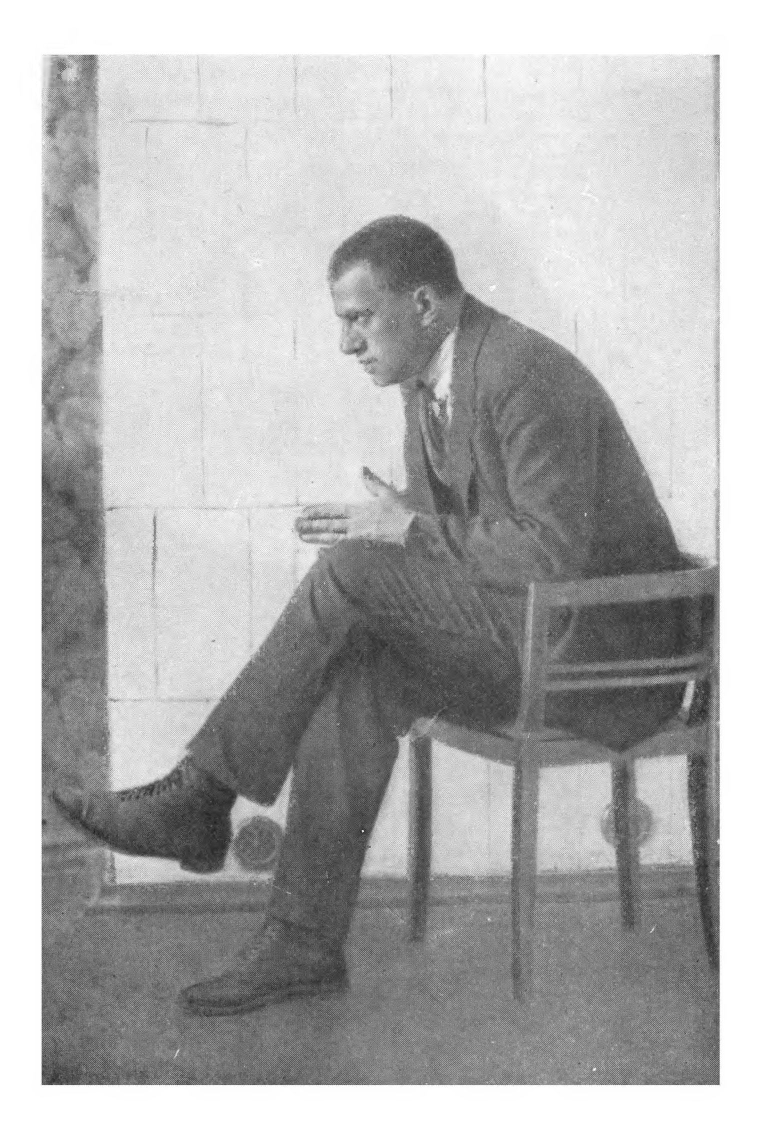
Дуэль

Раз!
Трубку наводят.
Надежду
брось.
Два!
Как раз
остановилась,
не дрогнув,
между
моих
мольбой обволокнутых глаз.
Хочется крикнуть медлительной бабе:
— Чего задаетесь?
Стоите Дантесом.
Скорей,
скорей просверлите сквозь кабель
пулей
любого яда и веса.—

Страшнее пуль —
оттуда
сюда вот,
кухаркой оброненное между зевот,
проглоченным кроликом в брюхе удава
по кабелю,
вижу,
слово ползет.
Страшнее сло́в —
из древнейшей древности,
где самку клыком добывали люди еще,
ползло
из шнура —
скребущейся ревности
времен троглодитских тогдашнее чудище.
А может быть...
Наверное, может!
Никто в телефон не лез и не лезет,
нет никакой троглодичьей рожи.
Сам в телефоне.
Зеркалюсь в железе.
Возьми и пиши ему ВЦИК циркуляры!
Пойди — эту правильность с Эрфуртской
сверь!
Сквозь первое горе
бессмысленный,
ярый,
мозг поборов,
проскребается зверь.

Что может сделаться с человеком!

Красивый вид.
Товарищи!
Взвесьте!
В Париж гастролировать едущий летом,
поэт,
почтенный сотрудник «Известий»,
царапает стул когтём из штиблета.
Вчера человек —
единым махом
клыками свой размедведил вид я!

В. МАЯКОВСКИЙ
Фото 1923 г.

Косматый.
Шерстью свисает рубаха.
Тоже туда ж!?
В телефоны бабахать!?
К своим пошел!
В моря ледовитые!

Размедвеженье

Медведем,
когда он смертельно сердится,
на телефон
грудь
на врага тяну.
А сердце
глубже уходит в рогатину!
Течет.
Ручьища красной меди.
Рычанье и кровь.
Лакай, темнота!
Не знаю,
плачут ли,
нет медведи,
но если плачут,
то именно так.
То именно так:
без сочувственной фальши
скулят,
заливаясь ущельной длиной.
И именно так их медвежий Бальшин,
скуленьем разбужен, ворчит за стеной.
Вот так медведи именно могут:
недвижно,
задравши морду,
как те,
повыть,
извыться
и лечь в берлогу,
царапая логово в двадцать когтей.
Сорвался лист.
Обвал.
Беспокоит.
Винтовки-шишки
не грохнули б враз.

Ему лишь взмедведиться может такое
сквозь слезы и шерсть, бахромящую глаз.

Протекающая комната

Кровать.
Железки.
Барахло одеяло.
Лежит в железках.
Тихо.
Вяло.
Трепет пришел.
Пошел по железкам.
Простынь постельная треплется плеском.
Вода лизнула холодом ногу.
Откуда вода?
Почему много?
Сам наплакал.
Плакса.
Слякоть.
Неправда —
столько нельзя наплакать.
Чёртова ванна!
Вода за диваном.
Под столом,
за шкафом вода.
С дивана,
сдвинут воды задеваньем,
в окно проплыл чемодан.
Камин...
Окурок...
Сам кинул.
Пойти потушить.
Петушится.
Страх.
Куда?
К какому такому камину?
Верста.
За верстою берег в кострах.
Размыло всё,
даже запах капустный
с кухни
всегдашний,
приторно сладкий.

Река.
Вдали берега.
Как пусто!
Как ветер воет вдогонку с Ладоги!
Река.
Большая река.
Холодина.
Рябит река.
Я в середине.
Белым медведем
взлез на льдину,
плыву на своей подушке-льдине.
Бегут берега,
за видом вид.
Подо мной подушки лед.
С Ладоги дует.
Вода бежит.
Летит подушка-плот.
Плыву.
Лихорадюсь на льдине-подушке.
Одно ощущенье водой не вымыто:
я должен
не то под кроватные дужки,
не то
под мостом проплыть под каким-то.
Были вот так же:
ветер да я.
Эта река!..
Не эта.
Иная.
Нет, не иная!
Было —
стоял.
Было — блестело.
Теперь вспоминаю.
Мысль растет.
Не справлюсь я с нею.
Назад!
Вода не выпустит плот.
Видней и видней...
Ясней и яснее...

Теперь неизбежно...
Он будет!
Он вот!!!

Человек из-за 7-ми лет

Волны устои стальные моют.
Недвижный,
страшный,
упершись в бока
столицы,
в отчаяньи созданной мною,
стоит
на своих стоэтажных быках.
Небо воздушными скрепами вышил.
Из вод феерией стали восстал.
Глаза подымаю выше,
выше...
Вон!
Вон —
опершись о перила мостà...
Прости, Нева!
Не прощает,
гонит.
Сжалься!
Не сжалился бешеный бег.
Он!
Он —
у небес в воспаленном фоне,
прикрученный мною, стоит человек.
Стоит.
Разметал изросшие волосы.
Я уши лаплю.
Напрасные мнешь!
Я слышу
мой,
мой собственный голос.
Мне лапы дырявит голоса нож.
Мой собственный голос —
он молит,
он просится:

— Владимир!
Остановись!
Не покинь!
Зачем ты тогда не позволил мне
броситься!
С размаху сердце разбить о быки?
Семь лет я стою.
Я смотрю в эти воды,
к перилам прикручен канатами строк.
Семь лет с меня глаз эти воды не сводят.
Когда ж,
когда ж избавления срок?
Ты, может, к ихней примазался касте?
Целуешь?
Ешь?
Отпускаешь брюшко?
Сам
в ихний быт,
в их семейное счастье
намереваешься пролезть петушком?!
Не думай! —
Рука наклоняется вниз его.
Грозится
сухой
в подмостную кручу.
— Не думай бежать!
Это я
вызвал.
Найду.
Загоню.
Доконаю.
Замучу!
Там,
в городе,
праздник.
Я слышу гром его.
Так что ж!
Скажи, чтоб явились они.
Постановленье неси исполкомово.
Муку мою конфискуй,
отмени.

Пока
по этой
по Невской
по глуби
спаситель-любовь
не придет ко мне,
скитайся ж и ты,
и тебя не полюбят.
Греби!
Тони меж домовьих камней! —

Спасите!

Стой, подушка!
Напрасное тщенье.
Лапой гребу —
плохое весло.
Мост сжимается.
Невским течением
меня несло,
несло и несло.
Уже я далёко.
Я, может быть, зá день.
За дéнь
от тени моей с моста.
Но гром его голоса гонится сзади.
В погоне угроз паруса распластал.
— Забыть задумал невский блеск?!
Ее заменишь?!
Некем!
По гроб запомни переплеск,
плескавший в «Человеке».—
Начал кричать.
Разве это осилите?!
Буря басит —
не осилить вовек.
Спасите! Спасите! Спасите! Спасите!
Там
на мосту
на Неве
человек!

II

НОЧЬ ПОД РОЖДЕСТВО

Фантастическая реальность

Бегут берега —
за видом вид.
Подо мной —
подушка-лед.
Ветром ладожским гребень завит.
Летит
льдышка-плот.
Спасите! — сигналю ракетой слов.
Падаю, качкой добитый.
Речка кончилась —
море росло.
Океан —
большой до обиды.
Спасите!
Спасите!..
Сто раз подряд
реву батареей пушечной.
Внизу
подо мной
растет квадрат,
остров растет подушечный.
Замирает, замирает,
замирает гул.
Глуше, глуше, глуше...
Никаких морей.
Я —
на снегу.

Кругом —
вёрсты суши.
Суша — слово.
Снегами мокра.
Подкинут метельной банде я.
Что за земля?
Какой это край?
Грен-
лап-
люб-ландия?

Боль были

Из облака вызрела лунная дынка,
стену̀ постепенно в тени оттеня.
Парк Петровский.
Бегу.
Ходынка
за мной.
Впереди Тверской простыня.
А-у-у-у!
К Садовой аж выкинул «у»!
Оглоблей
или машиной,
но только
мордой
аршин в снегу.
Пулей слова матершины.
«От нэпа ослеп?!
Для чего глаза впря̀жены?!
Эй, ты!
Мать твою разнэп!
Ряженый!»
Ах!
Да ведь
я медведь.
Недоразуменье!
Надо —
прохожим,
что я не медведь,
только вышел похожим.

Спаситель

Вон
от заставы
идет человечек.
За шагом шаг вырастает короткий.
Луна
голову вправила в венчик.
Я уговорю,
чтоб сейчас же,
чтоб в лодке.
Это — спаситель!
Вид Иисуса.
Спокойный и добрый,
венчанный в луне.
Он ближе.
Лицо молодое безусо.
Совсем не Исус.
Нежней.
Юней.
Он ближе стал,
он стал комсомольцем.
Без шапки и шубы.
Обмотки и френч.
То сложит руки,
будто молится.
То машет,
будто на митинге речь.
Вата снег.
Мальчишка шел по вате.
Вата в золоте —
чего уж пошловатей?!
Но такая грусть,
что стой
и грустью ранься!
Расплывайся в процыганенном романсе.

Романс

Мальчик шел, в закат глаза уставя.
Был закат непревзойдимо желт.
Даже снег желтел к Тверской заставе.
Ничего не видя, мальчик шел.
Шел,
вдруг

встал.
В шелк
рук
сталь.
С час закат смотрел, глаза уставя,
за мальчишкой легшую кайму.
Снег хрустя разламывал суставы.
Для чего?
Зачем?
Кому?
Был вором-ветром мальчишка обыскан.
Попала ветру мальчишки записка.
Стал ветер Петровскому парку звонить:
— Прощайте...
Кончаю...
Прошу не винить...

Ничего не поделаешь

До чего ж
на меня похож!
Ужас.
Но надо ж!
Дернулся к луже.
Залитую курточку стягивать стал.
Ну что ж, товарищ!
Тому еще хуже —
семь лет он вот в это же смотрит с моста.
Напялил еле —
другого калибра.
Никак не намылишься —
зубы стучат.
Шерстищу с лапищ и с мордищи выбрил.
Гляделся в льдину...
бритвой луча...
Почти,
почти такой же самый.
Бегу.
Мозги шевелят адресами.
Во-первых,
на Пресню,
туда,
по задворкам.

В. МАЯКОВСКИЙ
Фото 1923 г.

Тянет инстинктом семейная норка.
За мной
всероссийские,
теряясь точкой,
сын за сыном,
дочка за дочкой.

Всехные родители

— Володя!
На Рождество!
Вот радость!
Радость-то во!.. —
Прихожая тьма.
Электричество комната.
Сразу —
наискось лица родни.
— Володя!
Господи!
Что это?
В чем это?
Ты в красном весь.
Покажи воротник!
— Не важно, мама,
дома вымою.
Теперь у меня раздолье —
вода.
Не в этом дело.
Родные!
Любимые!
Ведь вы меня любите?
Любите?
Да?
Так слушайте ж!
Тетя!
Сестры!
Мама!
Тушите елку!
Заприте дом!
Я вас поведу...
вы пойдете...
Мы прямо...

сейчас же...
все
возьмем и пойдем.
Не бойтесь —
это совсем недалёко —
600 с небольшим этих крохотных верст.
Мы будем там во мгновение ока.
Он ждет.
Мы вылезем прямо на мост.
— Володя,
родной,
успокойся! —
Но я им
на этот семейственный писк голосков:
— Так что ж?!
Любовь заменяете чаем?
Любовь заменяете штопкой носков?

Путешествие с мамой

Не вы —
не мама Альсандра Альсеевна.
Вселенная вся семьею засеяна.
Смотрите,
мачт корабельных щетина —
в Германию врезался Одера клин.
Слезайте, мама,
уже мы в Штеттине.
Сейчас,
мама,
несемся в Берлин.
Сейчас летите, мотором урча, вы:
Париж,
Америка,
Бруклинский мост,
Сахара,
и здесь
с негритоской курчавой
лакает семейкой чай негритос.
Сомнете периной
и волю
и камень.

Коммуна —
и то завернется комом.
Столетия
жили своими домками
и нынче зажили своим домкомом!
Октябрь прогремел,
карающий,
судный.
Вы
под его огнепёрым крылом
расставились,
разложили посудины.
Паучьих волос не расчешешь колом.
Исчезни, дом,
родимое место!
Прощайте! —
Отбросил ступѐней последок.
— Какое тому поможет семейство?!
Любовь цыплячья!
Любвишка наседок!

Пресненские миражи

Бегу и вижу —
всем в виду
кудринскими вышками
себе навстречу
сам
иду
с подарками подмышками.
Мачт крестами на буре распластан,
корабль кидает балласт за балластом.
Будь проклята,
опустошенная легкость!
Домами оскалила скȁлы далекость.
Ни люда, ни заставы нет.
Горят снега,
и гȍло.
И только из-за ставенек
в огне иголки елок.
Ногам вперекор,
тормозами на быстрые
вставали стены, окнами выстроясь.

По стеклам
тени
фигурками тира
вертелись в окне,
зазывали в квартиры.
С Невы не сводит глаз,
продрог,
стоит и ждет —
помогут.
За первый встречный за порог
закидываю ногу.
В передней пьяный проветривал бредни.
Стрезвел и дернул стремглав из передней.
Зал заливался минуты две:
— Медведь,
медведь,
медведь,
медв-е-е-е-е...—

Муж Феклы Давидсвны со мной и со всеми знакомыми

Потом,
извертясь вопросительным знаком,
хозяин полглаза просунул:
— Однако!
Маяковский!
Хорош медведь! —
Пошел хозяин любезностями медоветь:
— Пожалуйста!
Прошу-с.
Ничего —
я боком.
Нечаянная радость-с, как сказано у Блока.
Жена — Фекла Двидна.
Дочка,
точь-в-точь
в меня, видно —
семнадцать с половиной годочков.
А это...
Вы, кажется, знакомы?! —
Со страха к мышам ушедшие в норы,
из-под кровати полезли партнеры.
Усища —
к стеклам ламповым пыльники —

Фото-монтаж А. Родченко к первому изданию поэмы «Про это».

из-под столов пошли собутыльники.
Ползут с-под шкафа чтецы, почитатели.
Весь безлицый парад подсчитать ли?
Идут и идут процессией мирной.
Блестят из бород паутиной квартирной.
Все так и стоит столетья,
как было.
Не бьют —
и не тронулась быта кобыла.
Лишь вместо хранителей ду́хов и фей
ангел-хранитель —
жилец в галифе.
Но самое страшное:
по росту,
по коже
одеждой,
сама походка моя! —
в одном
узнал —
близнецами похожи —
себя самого —
сам
я.
С матрацев,
вздымая постельные тряпки,
клопы, приветствуя, подняли лапки.
Весь самовар рассиялся в лучики —
хочет обнять в самоварные ручки.
В точках от мух
веночки
с обоев
венчают голову сами собою.
Взыграли туш ангелочки-горнисты,
пророзовев из иконного глянца.
Исус,
приподняв
венок тернистый,
любезно кланяется.
Маркс,
впряженный в алую рамку,
и то тащил обыва́тельства лямку.

Запели птицы на каждой на жердочке,
герани в ноздри лезут из кадочек.
Как были
сидя сняты
на корточках,
радушно бабушки лезут из карточек.
Раскланялись все,
осклабились враз;
кто басом фразу,
кто в дискант
дьячком.
— С праздничком!
С праздничком!
С праздничком!
С праздничком!
С праз-
нич-
ком! —
Хозяин
то тронет стул,
то дунет,
сам со скатерти крошки вымел.
— Да я не знал!..
Да я б накануне...
Да, я думаю, занят...
Дом...
Со своими...

Бессмысленные просьбы

Мои свои?!
Д-а-а-а —
это особы.
Их ведьма разве сыщет на венике!
Мои свои
с Енисея
да с Оби
идут сейчас,
следят четвереньки.
Какой мой дом?!
Сейчас с него.
Подушкой-льдом
плыл Невой —
мой дом

меж дамб
стал льдом,
и там...
Я брал слова
то самые вкрадчивые,
то страшно рыча,
то вызвоня лирово.
От выгод —
на вечную славу сворачивал,
молил,
грозил,
просил,
агитировал.
— Ведь это для всех...
для самих...
для вас же...
Ну, скажем, «Мистерия» —
ведь не для себя ж?!
Поэт там и прочее...
Ведь каждому важен...
Не только себе ж —
ведь не личная блажь...
Я, скажем, медведь, выражаясь грубо...
Но можно стихи...
Ведь сдирают шкуру?!
Подкладку из рифм поставишь —
и шуба!..
Потом у камина...
там кофе...
курят...
Дело пустяшно:
ну, минут на десять...
Но нужно сейчас,
пока не поздно...
Похлопать может...
Сказать —
надейся!..
Но чтоб теперь же...
чтоб это серьезно...—
Слушали, улыбаясь, именитого скомороха.
Катали по̀ столу хлебные мякиши.

Слова об лоб
                    и в тарелку —
                                        горохом.
Один расчувствовался,
                                    вином размягший:
— Поооостой...
                    поооостой...
Очень даже и просто.
Я пойду!..
                Говорят, он ждет...
                                        на мосту...
Я знаю...
            Это на углу Кузнецкого мóста.
Пустите!
            Нукося! —
По углам —
                зуд:
                    — Наззз-ю-зззюкался!
Будет ныть!
Поесть, попить,
попить, поесть —
и за 66!
Теорию к лешему!
Нэп —
        практика.
Налей,
        нарежь ему.
Футурист,
            налягте-ка! —
Ничуть не смущаясь челюстей целостью,
пошли греметь о челюсть челюстью.
Шли
        из артезианских прорв
меж рюмкой
                слова поэтических споров.
В матрац,
            поздоровавшись,
                                влезли клопы.
На вещи насела столетняя пыль.
А тот стоит —
                в перила вбит.

Он ждет,
он верит:
скоро!
Я снова лбом,
я снова в быт
вбиваюсь слов напором.
Опять
атакую и вкривь и вкось.
Но странно:
слова проходят насквозь.

Необычайное

Стихает бас в комариные трельки.
Подбитые воздухом, стихли тарелки.
Обои,
стены
блёкли...
блёкли...
Тонули в серых тонах офортовых.
Со стенки
на город разросшийся
Бёклин
Москвой расставил «Остров мертвых».
Давным-давно.
Подавно —
теперь.
И нету проще!
Вон
в лодке,
скутан саваном,
недвижный перевозчик.
Не то моря,
не то поля —
их шорох тишью стерт весь.
А за морями —
тополя
возносят в небо мертвость.
Что ж —
ступлю!
И сразу
тополи

сорвались с мест,
пошли,
затопали.
Тополи стали спокойствия мерами,
ночей сторожами,
милиционерами.
Расчетверившись,
белый Харон
стал колоннадой почтамтских колонн.

Деваться некуда

Так с топором влезают в сон,
обметят спящелобых —
и сразу
исчезает всё,
и видишь только обух.
Так барабаны улиц
в сон
войдут,
и сразу вспомнится,
что вот тоска
и угол вон,
за ним
она —
виновница.
Прикрывши окна ладонью угла,
стекло за стеклом вытягивал с краю.
Вся жизнь
на карты окон легла.
Очко стекла —
и я проиграю.
Арап —
миражей шулер —
по окнам
разметил нагло веселия крап.
Колода стекла
торжеством яркоогним
сияет нагло у ночи из лап.
Как было раньше —
вырасти б,
стихом в окно влететь.
Нет,

никни к сте́нной сырости.
И стих
и дни не те.
Морозят камни.
Дрожь могил.
И редко ходят веники.
Плевками,
снявши башмаки,
вступаю на ступеньки.
Не молкнет в сердце боль никак,
кует к звену звено.
Вот так,
убив,
Раскольников
пришел звенеть в звонок.
Гостьё идет по лестнице...
Ступеньки бросил —
стенкою.
Стараюсь в стенку вплесниться,
и слышу —
струны тенькают.
Быть может, села
вот так
невзначай она.
Лишь для гостей,
для широких масс.
А пальцы
сами
в пределе отчаянья
ведут бесшабашье, над горем глумясь.

Друзья

А во́роны гости?!
Дверье крыло
раз сто по бокам коридора исхлопано.
Горлань горланья,
оранья орло́
ко мне доплеталось пьяное до́пьяна.
Полоса
щели.
Голоса́
еле:

«Аннушка —
ну и румянушка!»
Пироги...
Печка...
Шубу...
Помогает...
С плечика...
Сглушило слова уанстепным темпом,
и снова слова сквозь темп уанстепа:
«Что это вы так развеселились?
Разве?!»
Сли́лись...
Опять полоса осветила фразу.
Слова непонятны —
особенно сразу.
Слова так
(не то чтоб со зла):
«Один тут сломал ногу,
так вот веселимся, чем бог послал,
танцуем себе понемногу».
Да,
их голоса́.
Знакомые выкрики.
Застыл в узнаваньи,
расплющился, нем,
фразы крою́ по выкриков выкройке.
Да —
это они —
они обо мне.
Шелест.
Листают, наверное, ноты.
«Ногу, говорите?
Вот смешно-то!»
И снова
в тостах стаканы исчоканы,
и сыплют стеклянные искры из щек они.
И снова
пьяное:
«Ну и интересно!
Так, говорите, пополам и треснул?»
«Должен огорчить вас, как ни грустно,

не треснул, говорят,
а только хрустнул».
И снова
хлопанье двери и карканье,
и снова танцы, полами исшарканные.
И снова
стен раскаленные степи
под ухом звенят и вздыхают в тустепе.

Только б не ты

Стою у стенки.
Я не я.
Пусть бредом жизнь смололась.
Но только б, только б не ея
невыносимый голос!
Я день,
я год обыденщине пре́дал,
я сам задыхался от этого бреда.
Он
жизнь дымком квартирошным выел.
Звал:
решись
с этажей
в мостовые!
Я бегал от зова разинутых окон,
любя убегал.
Пускай однобоко,
пусть лишь стихом,
лишь шагами ночными —
строчишь,
и становятся души строчными,
и любишь стихом,
а в прозе немею.
Ну вот, не могу сказать,
не умею.
Но где, любимая,
где, моя милая,
где
— в песне! —
любви моей изменил я?

Здесь
каждый звук,
чтоб признаться,
чтоб кликнуть.
А только из песни—ни слова не выкинуть.
Вбегу на трель,
на гаммы.
В упор глазами
в цель!
Гордясь двумя ногами,
Ни с места! — крикну.—
Цел! —
Скажу:
— Смотри,
даже здесь, дорогая,
стихами громя обыденщины жуть,
имя любимое оберегая,
тебя
в проклятьях моих
обхожу.
Приди,
разотзовись на стих.
Я, всех оббегав, — тут.
Теперь лишь ты могла б спасти.
Вставай!
Бежим к мосту! —
Быком на бойне
под удар
башку мою нагнул.
Сборю себя,
пойду туда.
Секунда —
и шагну.

Шагание стиха

Последняя самая эта секунда,
секунда эта
стала началом,
началом
невероятного гуда.
Весь север гудел.
Гудения мало.

По дрожи воздушной,
по колебанью
догадываюсь —
оно над Любанью.
По холоду,
по хлопанью дверью
догадываюсь —
оно над Тверью.
По шуму —
настежь окна раскинул —
догадываюсь —
кинулся к Клину.
Теперь грозой Разумовское за́лил.
На Николаевском теперь
на вокзале.
Всего дыхание одно,
а под ногой
ступени
пошли,
поплыли ходуном,
вздымаясь в невской пене.
Ужас дошел.
В мозгу уже весь.
Натягивая нервов строй,
разгуживаясь всё и разгуживаясь,
взорвался,
пригвоздил:
— Стой!
Я пришел из-за семи лет,
из-за верст шести ста,
пришел приказать:
Нет!
Пришел повелеть:
Оставь!
Оставь!
Не надо
ни слова,
ни просьбы.
Что толку —
тебе
одному

удалось бы?!
Жду,
чтоб землей обезлюбленной
вместе,
чтоб всей
мировой
человечьей гущей.
Семь лет стою,
буду и двести
стоять пригвожденный,
этого ждущий.
У лет на мосту
на презренье,
на смéх,
земной любви искупителем значась,
должен стоять,
стою за всех,
за всех расплачýсь,
за всех расплáчусь.—

Ротонда

Стены в тустепе ломались
нá три,
на четверть тона ломались,
на стó...
Я, стариком,
на каком-то Монмартре
лезу —
стотысячный случай —
на стол.
Давно посетителям осточертело.
Знают заранее
всё, как по нотам:
буду звать
(новое дело!)
куда-то идти,
спасать кого-то.
В извинение пьяной нагрузки
хозяин гостям объясняет:
— Русский! —
Женщины —
мяса и тряпок вязáнки —

смеются,
стащить стараются
за́ ноги:
«Не пойдем.
Дудки!
Мы — проститутки».
Быть Сены полосе б Невой!
Грядущих лет брызго́й
хожу по мгле по Се́новой
всей нынчести изгой.
Саже́нный,
обсмеянный,
са́женный,
битый,
в бульварах
ору через каски военщины:
— Под красное знамя!
Шагайте!
По быту!
Сквозь мозг мужчины!
Сквозь сердце женщины! —
Сегодня
гнали
в особенном раже.
Ну и жара же!

Полу-смерть

Надо
немного обветрить лоб.
Пойду,
пойду, куда ни вело б.
Внизу свистят сержанты-трельщики.
Тело
с панели
уносят метельщики.
Рассвет.
Подымаюсь сенскою сенью,
синематографской серой тенью.
Вот —
гимназистом смотрел их
с парты —
мелькают сбоку Франции карты.

Воспоминаний последним током
тащился прощаться
к странам Востока.

Случайная станция

С разлету рванулся—
и стал,
и на́ мель.
Лохмотья мои зацепились штанами.
Ощупал —
скользко,
луковка точно.
Большое очень.
Испозолочено.
Под луковкой
колоколов завыванье.
Вечер зубцы стенные выкаймил.
На Иване я
Великом.
Вышки кремлевские пиками.
Московские окна
видятся еле.
Весело.
Елками зарождествели.
В ущелья кремлёвы волна ударяла:
то песня,
то звона рождественский вал.
С семи холмов,
низвергаясь Дарьялом,
бросала Тереком
праздник
Москва.
Вздымается волос.
Лягушкою тужусь.
Боюсь —
оступлюсь на одну только пядь,
и этот
старый
рождественский ужас
меня
по Мясницкой закружит опять.

Повторение пройденного

Руки крестом,
крестом
на вершине,
ловлю равновесие,
страшно машу.
Густеет ночь,
не вижу в аршине.
Луна.
Подо мною
льдистый Машук.
Никак не справлюсь с моим равновесием,
как будто с Вербы—
руками картонными.
Заметят.
Отсюда виден весь я.
Смотрите —
Кавказ кишит Пинкертонами.
Заметили.
Всем сообщили сигналом.
Любимых,
друзей
человечьи ленты
со всей вселенной сигналом согнало.
Спешат рассчитаться,
идут дуэлянты.
Щетинясь,
щерясь
еще и еще там...
Плюют на ладони.
Ладонями сочными,
руками,
ветром,
нещадно,
без счета
в мочалку щеку истрепали пощечинами.
Пассажи —
перчаточных лавок початки,
дамы,
духи развевая паточные,
снимали,
в лицо швыряли перчатки,

швырялись в лицо магазины перчаточные.
Газеты,
журналы,
зря не глазейте!
На помощь летящим в морду вещам
ругней
за газетиной взвейся газетина.
Слухом в ухо!
Хватай, клевеща!
И так я калека в любовном боленьи.
Для ваших оставьте помоев ушат.
Я вам не мешаю.
К чему оскорбленья!
Я только стих,
я только душа.
А снизу:
— Нет!
Ты враг наш столетний.
Один уж такой попался —
гусар!
Понюхай порох,
свинец пистолетный.
Рубаху враспашку!
Не празднуй трусá!—

Последняя смерть

Хлеще ливня,
грома бодрей,
Бровь к брови,
ровненько,
со всех винтовок,
со всех батарей,
с каждого маузера и браунинга,
с сотни шагсв,
с десяти,
с двух,
в упор —
за зарядом заряд.
Станут, чтоб перевесть дух,
и снова свинцом сорят.
Конец ему!
В сердце свинец!

Чтоб не было даже дрожи!
В конце концов —
всему конец.
Дрожи конец тоже.

То, что осталось

Окончилась бойня.
Веселье клокочет.
Смакуя детали, разлезлись шажком.
Лишь на Кремле
поэтовы клочья
сияли по ветру красным флажком.
Да небо
попрежнему
лирикой звёздится.
Глядит
в удивленьи небесная звездь —
затрубадурила Большая Медведица.
Зачем?
В королевы поэтов пролезть?
Большая,
неси по векам-Араратам
сквозь небо потопа
ковчегом-ковшом!
С борта
звездолётом
медведьинским братом
горланю стихи мирозданию в шум.
Скоро!
Скоро!
Скоро!
В пространство!
Пристальней!
Солнце блестит горы.
Дни улыбаются с пристани.

ПРОШЕНИЕ НА ИМЯ......
ПРОШУ ВАС, ТОВАРИЩ ХИМИК, ЗАПОЛНИТЕ САМИ!

Пристает ковчег.
Сюда лучами!
При́стань.
Эй!
Кидай канат ко мне!
И сейчас же
ощутил плечами
тяжесть подоконничьих камней.
Солнце
ночь потопа высушило жаром.
У окна
в жару встречаю день я.
Только с глобуса — гора Килиманджаро.
Только с карты африканской — Кения.
Голой головою глобус.
Я над глобусом
от горя горблюсь.
Мир
хотел бы
в этой груде го́ря
настоящие облапить груди-горы.
Чтобы с полюсов
по всем жильям
лаву раскатил, горящ и каменист,
так хотел бы разрыдаться я,
медведь-коммунист.

Страница черновой рукописи поэмы «Про это».

Столбовой отец мой
дворянин,
кожа на моих руках тонка.
Может,
я стихами выхлебаю дни,
и не увидав токарного станка.
Но дыханием моим,
сердцебиеньем,
голосом,
каждым острием издыбленного в ужас
волоса,
дырами ноздрей,
гвоздями глаз,
зубом, исскрежещенным в звериный лязг,
ёжью кожи,
гнева брови сборами,
триллионом пор,
дословно —
всеми пòрами
в осень,
в зиму,
в весну,
в лето,
в день,
в сон
не приемлю,
ненавижу это
всё.
Всё,
что в нас
ушедшим рабьим вбито,
всё,
что мелочи́нным роем
оседало
и осело бытом
даже в нашем
краснофлагом строе.

Я не доставлю радости
видеть,
что сам от заряда стих.

За мной не скоро потянете
об упокой его душу таланте.
Меня
из-за угла
ножом можно.
Дантесам в мой не целить лоб.
Четырежды состарюсь — четырежды
омоложенный,
до гроба добраться чтоб.
Где б ни умер,
умру поя.
В какой трущобе ни лягу,
знаю —
достоин лежать я
с легшими под красным флагом.
Но за что ни лечь —
смерть есть смерть.
Страшно — не любить,
ужас — не сметь.
За всех — пуля,
за всех — нож.
А мне когда?
А мне-то что ж?
В детстве, может,
на самом дне,
десять найду
сносных дней.
А то, что другим?!
Для меня б этого!
Этого нет.
Видите —
нет его!
Верить бы в загробь!
Легко прогулку пробную.
Стоит
только руку протянуть —
пуля
мигом
в жизнь загробную
начертит гремящий путь.

Что мне делать,
если я
вовсю,
всей сердечной мерою,
в жизнь сию,
сей
мир
верил,
верую.

Вера

Пусть во что хотите жданья удлинятся —
вижу ясно,
ясно до галлюцинаций.
До того,
что кажется —
вот только с этой рифмой развяжись,
и вбежишь
по строчке
в изумительную жизнь.
Мне ли спрашивать —
да эта ли?
Да та ли?!
Вижу,
вижу ясно, до деталей.
Воздух в воздух,
будто камень в камень,
недоступная для тленов и крошений,
рассиявшись,
высится веками
мастерская человечьих воскрешений.
Вот он,
большелобый
тихий химик,
перед опытом наморщил лоб.
Книга—
«Вся земля»,—
выискивает имя.
Век двадцатый.
Воскресить кого б?

— Маяковский вот...
Поищем ярче лица —
недостаточно поэт красив.—
Крикну я
вот с этой,
с нынешней страницы:
— Не листай страницы!
Воскреси!

Надежда

Сердце мне вложи!
Кровищу —
до последних жил.
В череп мысль вдолби!
Я свое, земное, не дожил,
на земле
свое не долюбил.
Был я сажень ростом.
А на что мне сажень?
Для таких работ годна и тля.
Перышком скрипел я, в комнатенку всажен,
вплющился очками в комнатный футляр.
Что хотите, буду делать даром —
чистить,
мыть,
стеречь,
мотаться,
месть.

Я могу служить у вас
хотя б швейцаром.
Швейцары у вас есть?
Был я весел —
толк веселым есть ли,
если горе наше непролазно?
Нынче
обнажают зубы если,
только, чтоб хватить,
чтоб лязгнуть.
Мало ль что бывает —
тяжесть
или горе...

Позовите!
Пригодится шутка дурья.
Я шарадами гипербол,
аллегорий
буду развлекать,
стихами балагуря.
Я любил...
Не стоит в старом рыться.
Больно?
Пусть...
Живешь и болью дорожась.
Я зверье еще люблю —
у вас
зверинцы
есть?
Пустите к зверю в сторожа.
Я люблю зверье.
Увидишь собачонку —
тут у булочной одна —
сплошная плешь,—
из себя
и то готов достать печенку.
Мне не жалко, дорогая,
ешь!

Любовь

Может,
может быть,
когда-нибудь
дорожкой зоологических аллей
и она —
она зверей любила —
тоже ступит в сад,
улыбаясь,
вот такая,
как на карточке в столе.
Она красивая —
ее, наверно, воскресят.
Ваш
тридцатый век
обгонит стаи
сердце раздиравших мелочей.

Нынче недолюбленное
наверстаем
звездностью бесчисленных ночей.
Воскреси
хотя б за то,
что я
поэтом
ждал тебя,
откинул будничную чушь!
Воскреси меня
хотя б за это!
Воскреси —
свое дожить хочу!
Чтоб не было любви — служанки
замужеств,
похоти,
хлебов.
Постели прокляв,
встав с лежанки,
чтоб всей вселенной шла любовь.
Чтоб день,
который горем старящ,
не христарадничать, моля.
Чтоб вся
на первый крик:
— Товарищ!—
оборачивалась земля.
Чтоб жить
не в жертву дома дырам.
Чтоб мог
в родне
отныне
стать
отец
по крайней мере миром,
землей по крайней мере — мать.

[1923]

АГИТПЛАКАТЫ

(1922)

ТОВАРИЩИ! ГРАЖДАНЕ! ВСЕХ БОРОТЬСЯ С ГОЛОДОМ ЗОВЕТ IX СЪЕЗД СОВЕТОВ. ПРОЧИТАЙ, ПОСМОТРИ И ВЫПОЛНИ ЭТО:[1]

Обыкновенно публика помогает так:
внесет пятак
и рада —
сделала, что надо!

Дойдет пятак до голодных мест —
крестьянин кусочек хлеба съест
и снова зубы на полку.
В случайной помощи мало толку.

И жертвователя такого спросим гневно:
«Сам-то ты обедаешь ежедневно?
И крестьянин ежедневно хочет есть.
Значит, и помощь надо ежедневно несть».

Не вразброд,
не случайно,
а день за днем —
помогай голодающему, заботься о нем.

ПОМНИТЕ!

Голод не побежден пока.
Берите голодающих на иждивение.
Жертвуйте деньгами!
Уделяйте часть пайка!

[*1922*]

---

[1] На плакате — «Резолюции, принятые на IX Всероссийском съезде Советов по докладу тов. Калинина».

В РСФСР 130 МИЛЛИОНОВ НАСЕЛЕНИЯ. ГОЛОДАЕТ ДЕСЯТАЯ ЧАСТЬ — 13 МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК. КАЖДЫЕ ОБЕСПЕЧЕННЫЕ ДЕСЯТЬ ДОЛЖНЫ ДАТЬ ОДНОМУ ЕСТЬ.

1. Голод растет. Положение отчаянное.
А помощь слабая. Неравномерная. Случайная.
Сейчас кормим процентов до двадцати.
Остальным — хоть в могилу идти.
2. Всем! Всем! Всем необходимо бороться с голодом!
Эту борьбу надо вести ежедневно,
как постоянную революционную работу.

КТО И КАК МОЖЕТ ПРОЯВИТЬ О ГОЛОДАЮЩИХ ЗАБОТУ?

3. Каждый рабочий должен 3 фунта хлеба в месяц
дать голодным в Поволжье.
4. Каждые 30 рабочих и служащих
усыновите одного ребенка из голодных мест!
Или шлите необходимое ему в село,
или пусть у вас живет и ест.
5. Каждый крестьянин тоже
3 фунта хлеба в месяц отчислять должен.
6. Чтобы дети не вымерли с голоду,
не превратились в бродяг и воров —
усыновите одного ребенка каждые 10 дворов.
7. Кто не принял до сих пор экстренных мер —
с Красной Армии бери пример.
Мы еще раскачиваемся пока, —

а Красная Армия
уже
взяла детей на содержание.
Отчисляет проценты жалованья.
Отчисляет часть пайка.
8. Красной Армии за это
от всех голодающих великое спасибо.
Так должны помогать и вы бы!
9. «10 человек, кормите одного голодного!»
«Главная наша забота — дети!»
На всех собраниях и сходах
проводите лозунги эти.
10. Профсоюзы, женотделы, комсомолы и сейчас
помогают голодающим детям,— но слабо.
Чтобы помощь реальной быть могла бы,—
несись по этим организациям, клич!
— Дежурь на вокзалах!—
— Подбирай беспризорных!—
11. — Увеличь починку белья!—
— Число субботников увеличь!—
12. Напрягайте работу, профсоюзы.
Цектран! Продвигай грузы голодающим.
Береги от бандитов грузы!
13. Кооперация тоже вести работу должна и может!
Непокладая рук,
организовывай за пунктом питательный пункт!
Рубль падает.
Немедленно в продукты обращай деньги
полученные!
Свяжи для обмена голодающие губернии и
благополучные!
14. Не должно быть ни одного села,
в котором не было б специального лица,
ячейки, комиссии для связи с Помголом.
Смотри, чтоб такая комиссия усиленно работу
вела!

[*1922*]

НАДО ПОМОЧЬ ГОЛОДАЮЩЕЙ ВОЛГЕ! НАДО СПАСТИ ГОЛОДНЫХ ДЕТЕЙ!

Надо уничтожить болезни!
Средств у республики нет — трат много.
Поэтому в 1922 году в пользу голодающих
все облагаются специальным налогом.
Налогом облагается все трудоспособное население:
Все мужчины от 17 до 60
и все женщины от 17 до 55 лет.
Никому исключений нет.

Смотрите — вот сколько с кого налогу идет:

Если рабочий или служащий получает ставку до
9 разряда —
50 коп. золотом должны платить такие служащие и
рабочие.
Прочие,
получающие свыше 9 разряда,
такие могут
платить 1 рубль налогу.
Крестьянин, не пользующийся наемным трудом,
1 рубль должен внесть,
и 1 р. 50 коп. тот, у кого наемные рабочие есть.
Остальные граждане —
каждый
тоже
полтора рубля внесть должен.

Следующих граждан освобождает от налога декрет:

Во-первых, красноармейцев и милиционеров —
у этих заработков нет.
Во-вторых, учащихся в государственных учрежде-
ниях не касается налог.
Учащемуся платить не из чего — надо, чтобы до-
учиться мог.
Лица, пользующиеся социальным обеспечением,
освобождаются тоже.
Кому государство помогает — тот платить не может.
Если на попечении женщины нетрудоспособный
или она имеет до 14 лет детей,—
налог не платить ей.
(Разумеется, если сами хозяйство ведут,
если нет ни нянек, ни горничных тут.)
Если домашняя хозяйка
обслуживает семью в пять человек или более
пяти,
с нее налог не будет идти.
В голодающих местностях освобождается каждый
крестьянин
(если в 21-м году он
от хлебофуражного налога освобожден),
с такого брать нечего,—
чтоб он прожить мог,
для этого и вводится теперешний налог.
Рабочие и крестьяне, не пользующиеся наемным
трудом,
если у них семья большая или неработоспособных
полный дом,
могут подать ходатайство.
Если нетрудоспособных много,
то свыше трех
на каждого ребенка до 14 лет и на каждого
нетрудоспособного
45 к. скидывается налога.
Голод не терпит.
Весь налог должен быть отдан
не позднее 31 мая 1922 года.

Чтобы голодный прокормиться мог,
надо точно внесть в срок.
Кто срок пропустит — наказать надо.
С тех за каждый просроченный полный или
неполный месяц
взыскивается 100% месячного оклада.
А кто до 30 июля налог не сдаст,
думая, что с него взятки гладки,
тот
тройной налог внесет
в принудительном порядке.

[*1922*]

ЗАЙМЕМ У БОГА

1. У поповского бога
золота и серебра много.
2. Носится смерть над голодным людом.
Что-то помощь не идет с неба.
3. А золото под попами
лежит под спудом.
4. Сколько можно купить на него хлеба!
5. Мольбой не проймешь поповское пузо.
6. Наконец, попы решили —
чтоб не было конфуза,
не тратя зря наши деньжонки,
пожертвуем подвески дутые
да тряпье из старой одежонки.
7. Сколько ни плавь, из этого тряпья
не получишь для голодных ни копья.
«На, мол, тебе, убоже,
что нам не гоже».
8. Для советского правительства
жизнь крестьян
поповского золота дороже.
9. Если попы помочь не хотят,
без попов поповским золотом поможем.
10. 16 февраля Президиум ВЦИК постановил:
11. Изъять из храмов драгоценные камни, золото и
серебро.
12. Передать это ЦК Помгола и немедленно обратить
на помощь голодающим все церковное добро.

[*1922*]

* * *

Граждане! Поймите же, наконец,
голод дошел до ужаса. Надо дать есть.
Хлеба нет. Надо на золото его из-за границы
привезть.
Мы нищи. А в церквах и соборах
драгоценностей ворох.
Не христиане, а звери те, кто скажут тут —
«не дадим золота — пусть мрут».

1. Есть ли золото, чтоб хлеб привезть?
Золото есть!
2. Например, в Троицком соборе есть «сень»:
фунта 4 золота да серебра пудов шесть,—
целое село каждый день могло б на сень на эту есть.
3. Это в одном соборе, а сколько их?
В России 4 лавры, 800 монастырей
и 60 000 храмов и соборных, и приходских,
и домовых.
4. Если всё золото соберем и погрузим,—
семиверстный поезд наполнится им.
5. Если б золото было за хлеб отдано,
на голодающих хватило б на два года нам.
А если б купили засухоустойчивые семена —
на 10 лет для всей России хватило б нам.
Хлеба хватило б и для сева и для пищи,
еще б и тракторов 1000 приобрели
и агрономических школ открыли б полторы тысячи.
6. Цари не раз обирали церкви:
Петр I, чтоб орудия иметь —
переливал в пушки колокольную медь.
Андрея Боголюбского рать походом на Киев
ходила —

все храмы разграбила и ризы взяла и паникадила.
И ничего, кроме славы,
не слыхали цари от поповской оравы.
7. Раньше золото брали, чтоб людей убивать,
чтоб цари пили и ели,
так неужели ж нельзя на голодных брать?!
Всем пожертвовать надо для этой великой цели!
8. Мы берем ненужное золото, берем для
голодных —
никто сказать не смеет, что это вот
против веры христианской идет.
В пещерах бедняками жили основатели веры вашей.
Сергей Радонежский служил в холщовой ризе,
причащал из деревянной чаши.
9. Честные поняли, не до разговоров тут:
в селе Давыдовке, Мелитопольского уезда,
собрались,
решили и все драгоценности сдают.
10. Не большевики на изъятие решились. Смотрите, об
этом вот
молит голодающий волжский народ:

«Мы просим от имени стонущего в муках голодного народа отдать на борьбу с голодом все то золото, бриллианты, другую церковную утварь, которая не требуется в богослужении, а служит роскошью в церквах».

Слезница симбирских крестьян.

11. Каждый рабочий знает, каждый крестьянин знает:
если купцы жертвовали чаши,
если помещик золотом отделывал иконостас —
для этого грабились прадеды наши,
для этого заставляли работать нас.
12. Нынче народ в нужде, народ по праву
может взять из храма и ризу и оправу.
Мы берем бесполезное богатство, мы голодным
нищим дадим хлеб!
Это
не кощунство, а исполнение Христова завета.

[*1922*]

* * *

Нечего есть! Обсемениться нечем!
В будущем году будет еще хуже,
если Волгу не обеспечим!

Падаль едят люди! Мертвых едят люди!
10 000 000 вымрет, если хлеба не будет.

Стой!
Вдумайся в этот расчет простой:
нужно для засева
и еды 1346 миллионов пудов.
Всего собрано в этом году: 741 миллион пудов.
Нехватка 605 миллионов пудов.
В России больше не получишь ни пуда.
Откуда взять остальное?
Откуда???

Хлеб у заграничных буржуев есть.
Даром не дадут,
надо золото несть.
Откуда золото взять нам?
Нища рабоче-крестьянская казна!
В церквах
много разного добра:
золота, бриллиантов, серебра.
Надо взять ценности из соборов,
синагог, костелов, мечетей.
Надо обратить золото в хлеб.

Смотрите вот:
Каждый фунт серебра семью в пять человек
до будущего урожая спасет.

Что церковные богатства дадут???
Россия обеспечится хлебом и в этом и в будущем
году!!!

[*1922*]

ТОПЛИВО -- ОСНОВА РЕСПУБЛИКИ СЕЙЧАС НАШЕ ГЛАВНОЕ ТОПЛИВО — ДРОВА

Крестьяне, чтоб республика была обеспечена
дровами,
5 000 000 куб. саженей должно быть заготовлено
вами.
Вдвое против прошлогоднего дровяной план
сокращен,
полностью, в 100 %, должен быть выполнен он.

1. 13 000 000 куб. саженей заготовить и вывезти!
Такое задание в прошлом году на крестьянах
лежало.
Теперь — 5 000 000 —

по сравнению с прошлым годом совсем мало.
2. Крестьяне, раньше вам одним
на всю Республику приходилось запасаться дровами.
А теперь смотрите, только меньшая часть дровяного
плана
в порядке повинности выполняется вами.
6 000 000 куб. саж. заготовляют для себя Главки
и Центры.
На эти дрова с крестьянами частные договоры.
Останетесь довольны.
И наконец мелкие потребители

тоже добывают 3 500 000 саженей
самозаготовкой вольной.
3. В этом году
с крестьянина меньше спрашивается, —
облегчение ему.
Почему?
Потому что раньше главное отопление было дровяное.
А теперь у нас есть и топливо иное:
есть у нас торф, нефть, уголь есть у нас.
В этом году, несмотря на тяжелые условия,
поднял производительность Донбасс.
4. Видит власть — топливо есть,
спешит облегчение крестьянину внесть.
Нам навстречу должно пойти крестьянство со своей стороны —
полностью 100% дров должны быть крестьянством даны.
5. Берем на самое главное, на это вот:
без транспорта, без крупной промышленности,
без армии и крестьянство никак не проживет.
6. Несознательный крестьянин скажет:
«Чего объяснять! Плати лучше ж,
дрова и получишь.
Разговор недолог:
повезем, коли уплатишь долг».
7. Скажем такой публике:
— Сами же вы, представители ваши
сидят у власти,
сами пересчитывают казенные рублики.
Если чего не додали из денег
или из пищи,
это оттого, что все мы нищи.
Значит, был важнее расход иной:
с голодом боролись или от помещиков оборонялись войной.
8. И то, по сравнению с рабочими,
республика
меньше перед крестьянством задолжена,
заплатили всё, что было можно.
А рабочий не ропщет.

Наоборот:
подымает производительность шахта,
подымает работу завод.
9. Благодаря работе рабочих,
из года в год
всё больше и больше крестьянству льгот.
10. За работу!
Пока
всего 2 000 000 сажен заготовлено вами.
Заготовьте остальные 3 000 000 куб. сажен,
обеспечьте Республику дровами!
11. Заготовить дрова мало,
еще задача есть:
надо дрова перевезть.
Пока доставлено полтора миллиона сажен:
300 000 куб. сажен подвезено к сплавным рекам,
а 3 200 000 куб. саж. с места не сдвинуты даже.
Чтоб шли поезда,
чтобы фабрики работали на славу —
везите дрова,
готовьтесь к сплаву!

[*1922*]

ТРАНСПОРТНИКИ!

Голод растет.
Спасение Поволжья в наших руках.
Все протягивают руку помощи волжанам.
А в наших рядах есть люди, запускающие эти
руки в грузы, идущие Волге.
Вон грабителей из наших рядов!
Беспощадный суд бандитам!
В скором и сохранном продвижении грузов —
единственное спасение голодающих.
Опоздать — все равно что ничего не дать.
Мастеровые и рабочие депо и мастерских!
Каждый паровоз, каждый вагон, везущий грузы
голодающим, ремонтируй немедля — вот наша заповедь.
Движенцы!
Промедление — смерть. Ни минуты промедления,
ни минуты простоя — грузы голодающим должны
лететь — вот наша заповедь.
Грузчики!
Ни минуты не задерживать подвижной состав.
Грузи голодающим грузы — немедля.
Разгружай немедля — вот наша заповедь.

В сплочении победа.
Транспортники!
Сомкнутым строем мастеров, грузчиков и движенцев —на борьбу с голодом.
Голод—фронт. Лентяй—дезертир. Вор—предатель,
Да здравствуют герои голодного фронта.
Долой дезертиров и предателей.

[*1922*]

ОЧЕРКИ

(1922—1923)

ПАРИЖ

(Записки Людогуся)

ПРЕДИПОЛСЛОВИЕ

Вы знаете, что за птица Людогусь? Людогусь — существо с тысячеверстой шеей: ему виднее!

У Людогуся громадное достоинство: «возвышенная» шея. Видит дальше всех. Видит только главное. Точно устанавливает отношения больших сил.

У Людогуся громадный недостаток: «поверхностная» голова — маленьких не видно.

Так как буковки — вещь маленькая (даже называется — «петит!»), а учебники пишутся буковками, то с такого расстояния ни один предмет досконально не изучишь.

Записки Людогуся блещут всеми людогусьими качествами.

О ЧЕМ!

О парижском искусстве+кусочки быта.

До 14 года нельзя было выпустить подобные записки.

В 22 году — необходимо.

До войны паломники всего мира стекались приложиться к мощам парижского искусства.

Париж знали наизусть.

Можно не интересоваться событиями 4-й Тверской·

Ямской, но как же не знать последних мазков сотен ателье улицы Жака Калло?!

Сейчас больше знакомых с полюсами, чем с Парижем.

Полюс — он без Пуанкарей. Он общительнее.

ВЕСЕЛЕНЬКИЙ РАЗГОВОРЧИК В ГЕРМАНСКОМ КОНСУЛЬСТВЕ

— Виза есть?

— Есть.

— Ваш паспорт?

Протягиваю красную книжечку РСФСР. У секретарши руки автоматически отдергиваются за ее собственную спину.

— На это мы виз не ставим. Это надо переменить. Зайдите. Тут рядом 26-й номер. Конечно, знаете. (Беленькое консульство!)

Мадам говорит просто, как будто чашку чая предлагает.

Делаю удивленное и наивное лицо:

— Мадам, вас, очевидно, обманывают: наше консульство на Унтер-ден-Линден, 7. В 26-м номере, должно быть, какая-то мошенническая организация. 26-й номер нигде в НКИД не зарегистрирован. Вы должны это дело расследовать.

Мадам считает вопрос исчерпанным.

Мадам прекращает прения:

— На это мы визы не поставим.

— На что же вы ее поставите?

— Можем только на отдельную бумажку.

— На бумажку, так на бумажку — я не гордый.

— Неужели вы вернетесь опять туда?!

— Обязательно.

Мадам удивлена до крайности.

Очевидно, наши «националисты», проходившие за эти годы сквозь консульства, с такой грациозностью, с такой легкостью перепархивали с сербского подданства на китайское, что мое упорство просто выглядело неприлично.

ДИАЛОГ СО „СПЕЦИАЛЬНЫМ" ПОЛИЦЕЙСКИМ

Французская граница. Осмотр паспортов. Специальный комиссар полиции. Посмотрит паспорт и отдаст. Посмотрит и отдаст.

Моя бумажка «специальному» определенно понравилась.

«Специальный» смотрит восторженно то на нее, то на меня.

— Ваша национальность?

— Русский.

— Откуда едете?

— Из Берлина.

— А в Берлин откуда?

— Из Штетина.

— А в Штетин откуда?

— Из Ревеля.

— А в Ревель откуда?

— Из Нарвы.

— А в Нарву откуда?

Больше иностранных городов не осталось. Будь, что будет. Бухаю:

— Из Москвы.

В ответ получаю листок с громким названием: «Санитарный паспорт» и предложение:

В 24 часа явиться к префекту парижской полиции.

Поезд стоит. Стою я. Рядом — «специальный». Поддерживает вежливую беседу. Где остановлюсь? Зачем еду? Такой внимательный. Все записывает.

Поезд трогается. «Специальный» соскакивает, напоминая:

— В двадцать четыре!

Предупредительные люди!

У ПРЕФЕКТА ПОЛИЦИИ

Париж. Закидываю вещи в первый попавшийся отель. Авто. Префектура.

Отвратительно с блестящей Сены влазить в огромнейшую нудную казарму. Наполнена блестящими

сержантами и привлекаемою за что-нибудь дрянью парижских чердаков и подвалов.

Меня сквозь нищую толпу отправляют на третий этаж. Какой-то секретарь в черной мантилье.

Становлюсь в длинную очередь. Выстоял.

— У меня «санитарный паспорт». Что делать?

— Сняться. Четыре карточки засвидетельствуете в своем участке и оставите там, а четыре засвидетельствуете и сейчас же сюда.

— Мосье! «Санитарный паспорт», очевидно, преследует медицинские цели. Я из России два месяца. Нет смысла хранить столько времени вшей специально для Парижа. Во-вторых, едва ли фотография — хорошее средство от тифов: я буду сниматься одетым, до пояса, в маленьком формате; если у меня даже вши и есть, не думаю, чтобы они при таких условиях вышли на карточках.

Очевидно, «санитарный» — по-французски не то, что по-русски. Речь моя «мусье в мантилье» не убедила, и меня все-таки послали к... фотографу.

Вместо фотографа я пошел к себе в отель.

Так и так. Если всю эту канитель надо проделывать, возьмите мне на завтра билет в Берлин.

— Плюньте и дней десять живите!

Плюнул с удовольствием.

СХЕМА ПАРИЖА

После нищего Берлина — Париж ошеломляет.

Тысячи кафе и ресторанов. Каждый, даже снаружи, уставлен омарами, увешан бананами. Бесчисленные парфюмерии ежедневно разбираются блистательными покупщицами духов. Вокруг фонтанов площади Согласия вальсируют бесчисленные автомобили (кажется, есть одна, последняя, лошадь,— ее показывают в зверинце). В Майолях, Альгамбрах — даже во время действия, при потушенных люстрах — светло от бесчисленных камней бриллиантщиц. Ламп одних кабаков Монмартра хватило бы на все российские школы. Даже тиф в Париже (в Париже сейчас свирепствует брюш-

ной тиф) и то шикарный: парижане его приобретают от устриц.

Не поймешь! Три миллиона работников Франции сожрано войной. Промышленность исковеркана приспособлением к военному производству. Области разорены нашествием. Франк падает (при мне платили 69 за фунт стерлингов!). И рядом — все это великолепие!

Казалось бы, для поддержания даже половины этой роскоши — каждый дом Парижа надо бы обратить в завод, последнего безземельного депутата поставить к станку.

Но в домах, как и раньше, трактиры.

Депутаты, как и раньше, вертят языками.

Хожу улицами. Стараюсь понять схему парижского дня, найти истоки золота, определить размеры богатства.

Постепенно вырисовывается такая схема:

Деловой день (опускаю детали) — все, начиная с Палаты депутатов, с крупнейших газетищ, кончая последней консьержкой, стараются над добычей золота не из каких-нибудь рудников, а из разных подозрительных бумажек: из Версальского договора, из Севрского, из обязательств нашего Николая. Трудится Пуанкаре, выкраивает для Германии смирительную рубашку репараций. Трудится газета, травящая Россию, мешающую международным грабежам. Трудится консьержка, поддерживая свое правительство по мере сил и по количеству облигаций русских займов.

Те, кто урвали из возмещенных «военных убытков», идут в Майоли. Те, кто только получили жалованье, при выколачивании, шествуют в кафе. Те, кто ничего не получили, текут в кино, смотреть призывы правительства к размножению (надо «перероди́ть» немцев!), любуются «самым здоровым новорожденным Парижа», стараются рассчитать, сколько франков такой род обойдется в хозяйстве, и... слабо поддаются агитации.

А утром возвращающихся из Монмартра встречают повозки зелени окрестных фермеров, стекающихся в Галль — «желудок Парижа».

Крестьяне получают бумажки и медь, оставшиеся от размена германских золотых марок. Париж получает свою порцию салатов и моркови для восстановления сил трудящихся Пуанкарей и консьержек.

К сожалению (для Парижа), это не перпетуум мобиле.

Все меньше французов, все больше доллароносных американцев лакомятся Парижем. Американцы ездят в Париж так же, как русские в Берлин,— отдохнуть. Им дешевка!

Все меньше надежд на целительные свойства германских марок.

Париж начинает понимать — времена феодализма прошли. Военной податью не проживешь. Париж подымает голову. Париж старается заглянуть через «санитарные паспорта» специальных комиссаров полиции. Склоняют парижские газеты слова: «мораторий», «отсрочка», «передышка». Кричат с газетных страниц 270 интервью Эррио.

ИСКУССТВО ПАРИЖА

До войны Париж в искусстве был той же Антантой. Париж приказывал, Париж выдвигал, Париж прекращал. Так и называлось: парижская мода.

Критики (как всегда, недоучившиеся художники) были просто ушиблены Парижем.

Что бы вы ни делали нового, резолюция одна: в Париже это давно и лучше.

Вячеслав Иванов так и писал:

Новаторы до Вержболова!
Что ново здесь, то там не ново.

Доходили до смешного:

В Москве до войны была выставка французов и русских. Критик Койранский назвал русских жалкими подражателями и выхвалял какой-то натюрморт Пикассо. На другой день выяснилось, что служитель перепутал номера, и выхваляемая картина оказалась кисти В. Савинкова, ученика жалких «подражателей», а сам Пикассо попал в «жалкие».

Было до того конфузно, что газеты даже писать об этом отказывались. Тем конфузнее, что на натюрморте были сельди и настоящая великорусская краюха черного хлеба, совершенно немыслимая у Пикассо.

Даже сейчас достаточно выступить в Париже, и вам обеспечены и приглашение в Америку и успех в ней. Так, например, даже провалившийся в Париже Балиев выгребает ведрами доллары из янки.

Восемь лет Париж работал без нас. Мы работали без Парижа.

Я въезжал с трепетом, смотрел с самолюбивой внимательностью.

А что, если опять мы окажемся только Чухломою?

ЖИВОПИСЬ

Внешность (то, что вульгарные критики называют формой) всегда преобладала во французском искусстве. В жизни это дало «парижский шик», в искусстве это дало перевес живописи над другими искусствами.

Живопись — самое распространенное, самое влиятельное искусство Франции. Не говорю даже о квартирах. Кафе и рестораны сплошь увешаны картинами. На каждом шагу магазин-выставка. Огромные домища — соты-ателье. Франция дала тысячу известнейших имен. А на каждого с именем приходится еще тысяча пишущих, у которых не только нет имени, но и фамилия их никому не известна, кроме консьержки.

Перекидываюсь от картины к картине. Выискиваю какое-нибудь открытие. Жду постановки новой живописной задачи. Добиваюсь в картине раскрытия лица сегодняшнего Парижа.

Заглядываю в уголки картин — ищу хоть новое имя.

Напрасно.

Попрежнему центр — кубизм. Попрежнему Пикассо — главнокомандующий кубистической армией.

Попрежнему грубость испанца Пикассо «облагораживает» наиприятнейший зеленоватый Брак.

Попрежнему теоретизируют Меценже и Глез.

Попрежнему старается Леже вернуть кубизм к его главной задаче — объему.

Попрежнему непримиримо воюет с кубистами Делонэ.

Попрежнему «дикие» — Дерен, Матис — делают картину за картиной.

Попрежнему при всем при этом имеется последний крик. Сейчас эти обязанности несет всеотрицающее и всеутверждающее «да-да».

И попрежнему... все заказы буржуа выполняются бесчисленными Бланшами. Восемь лет какой-то деятельнейшей летаргии.

Это видно ясно каждому свежеприехавшему.

Это чувствуется и сидящими в живописи.

С какой ревностью, с какими интересами, с какой жадностью расспрашивают о стремлениях, о возможностях России.

Разумеется, не о дохлой России Сомовых, не об окончательно скомпрометировавшей себя культуре моментально за границей переходящих к Гиппиусам Малявиных, а об октябрьской, об РСФСР.

Впервые не из Франции, а из России прилетело новое слово искусства — конструктивизм. Даже удивляешься, что это слово есть во французском лексиконе.

Не конструктивизм художников, которые из хороших и нужных проволок и жести делают ненужные сооруженьица. Конструктивизм, понимающий формальную работу художника только как инженерию, нужную для оформления всей нашей практической жизни.

Здесь художникам-французам приходится учиться у нас.

Здесь не возьмешь головной выдумкой. Для стройки новой культуры необходимо чистое место... Нужна октябрьская метла.

А какая почва для французского искусства? — Паркет парижских салонов!

[*1922*]

ПАРИЖ

ТЕАТР ПАРИЖА

Париж гордится своей Комедией, театром Сары Бернар, Оперой... Но парижане ходят в Альгамбру, к Майолю и в прочие веселые места. Туда и я.

Тем более, что драма и, конечно, опера и балет России несравненно и сейчас выше Парижа. Но меня даже не интересовало сравнивать наши руины с чужими и гордиться величием собственных. В Альгамбре и Фоли-Бержер, кроме искусства, которым живет сейчас масса Парижа, выступают быт, темперамент, одобрение и негодование пылких французов.

Популярность этих ревю-обозрений потрясающа.

У нас сейчас корпят над десятком постановок в сезон и все же через неделю с ужасом окидывают партерные плеши.

В Париже ревю идет год, в огромном театре перекидывает четырехсотые спектакли на следующий год, и все время сидят, стоят и висят захлебывающиеся восторгом люди.

Актриса может сколько угодно под бешеный джаз-банд выламывать руки и ноги, но никто из публики не должен даже слегка поломать голову.

Каков вкус?

ВКУС МАХРОВОГО БУРЖУА

Это Майоль. Крохотный зал. Со сцены в публику мостки.

Войдя, оглядев балкон, я сначала удивился, чего это публика голые колени на барьер положила. Ошибся.

Наклонились почтенные лысины. Сверху, должно быть, выглядит фантастическим биллиардом в триста лоснящихся шаров.

В обозрении три действия. Сюжет простой. В трех действиях бегают, декламируют и поют любовные вещи, постепенно сводя на нет количество одежи. Кончается все это грандиозным гопаком в русских костюмах. Очевидно, наша эмиграция приучила уважать «национальное достоинство России».

Три актрисы выходят с огромными вазами конфет (эти же вазы — почти единственная одежда) и начинают храбро бомбардировать этими конфетами раскрасневшиеся и влажные от удовольствия лысины...

С полчаса в зале стоит «здоровый, бодрящий» смех.

Это культурное развлечение кончается для официальности легким демократическим выступлением.

Шансонетка поет под оркестр с проскальзывающими нотами марсельезы — о презрении к законам, о вражде к государству и о свободе... есть, пить и любить на Монмартре.

«Я свободной Монмартрской республики дочь».

РАЗНОЦВЕТНЫЙ ВКУС

Это Альгамбра. Многоярусный театр. Вкусы пестрые — от благородного партера до блузной галерки.

Программа тоже пестрая — от балерин-наездниц до драмы Мистингет.

Здесь уже видишь эпизодики отражений внутрипарижской борьбы.

Первый номер — дрессированные попугаи.

Дама расставила антантовские флажки: французский, английский, бельгийский, итальянский, американский, японский.

Попугай за ниточку будет подымать любой, по желанию публики.

Дама предлагает публике выбирать.

В ответ с одной стороны галерки крик басом:

— Русский!

С другой — тенором:

— Большевик!

Дама смущена, извиняется:

— Таких нет!

Партер и половина ярусов свистит и цыкает на галерку.

Когда, наконец, согласились на американском, перепуганный попугай, которому пришлось принять участие в «классовой борьбе» в незавидной роли соглашателя, уже ничего не мог поднять, кроме писка.

Страсти рассеяли музыкой два англичанина, игравшие на скрипках, бегая, танцуя и перекидываясь смычками.

Окончательно страсти улеглись на «драме» Мистингет.

Драма несложная. Верзила заставляет любовницу принять участие в крушении и ограблении поезда. Кладут на рельсы камень. Мистингет в отчаянии. Ей грозят. Все же она старается предупредить машиниста. Не может. Каким-то чудом ей удается под носом паровоза свернуть камень на головы бандитов. Поезд прошел. Бандиты убиты. Порок покáран. Добродетель восторжествовала.

Эта мораль (разыгранная, правда, Мистингет поразительным языком с поразительным искусством) примиряет всех разнопартийных, но одинаково сентиментальных парижан.

На следующем номере страсть разгорается.

Трансформатор.

Изображает всех — от Жореса до Николая Второго.

Безразлично проходят Вильсон, Римский папа и др.

Но вот — Пуанкаре! — и сразу свист всей галерки и аплодисменты партера.

Скорей разгримировывается.

— Жорес! — Свист партера и аплодисменты галерки.

— Русский несчастный царь.— Красный мундир и рыжая бородка Николая.

Оркестр играет: «Ах, зачем эта ночь так была хороша».

Бешеный свист галерки и аплодисменты партера.

Скорей обрывает усы, ленту и бородку.

Для общего успокоения:

— Наполеон!

Сразу рукоплескания всего зала. В Германии в точно таких случаях показывают под занавес Бисмарка.

Здесь веселее.

Если эта, все же рафинированная аудитория так страстна в театре, то как «весело» будет Пуанкаре, когда ареной настоящей борьбы станут улицы Парижа.

СЕРЫЙ ВКУС

Ревю Фоли-Бержер. Театр мещан. Театр обывателя. Огромный, переплетенный железом. Напоминает питерский Народный дом.

Здесь и вкус Майоля — только чтобы не чересчур голый.

И вкус Альгамбры — только чтобы мораль семейная.

Но зато, если здесь и полуголые, то в общепарижском масштабе. Сотни отмахивающих ногами англичанок. Максимум смеха и радости, когда вся эта армия, легши на пол, стала вздымать под занавес то двести правых, то двести левых ног.

Это единственный номер из всех, виданных мною в парижских театрах, который был дважды биссирован.

Даже драма Мистингет здесь была бы неуместна.

Смех, конечно, вызывается тем, что актеры играют пьяных, не попадающих в рукав, садящихся на собственные цилиндры. И, конечно, общий восторг, общая радость — вид собственного быта, собственной жизни.

Это сцена у консьержки. Роженица. Но и посланные за акушеркой, и сама акушерка, и доктор — все остаются завороженные рассказом консьержкиной дочки о кино и философией самой консьержки. Врывается рассвирепевший отец, его успокаивают: за разговорсм французик успел родиться сам. Приблизительно так.

И это идет, идет и идет ежедневно.

А ЧТО ЕЩЕ?

Это, конечно, не арена для одиноких художников, революционизирующих вкус.

Что же делают они?

Новых постановок я не видел.

Говорили о пьесе модного сейчас «левого» Кокто: не то «Бык на крыше», не то «Свадьба на Эйфелевой башне». Современная пьеса, шедшая для «красоты» чуть ли не в кринолинных костюмах... О Софокле в Пикассо. Мешанина. Однобокость. И она будет всегда, пока будут стараться натянуть новую форму на отмирающий быт Парижа. А у нас новый быт вкрутить в старую форму.

Хороший урок и для новаторов России.

Хочешь найти резонанс революционному искусству — крепи завоевания Октября!

[*1923*]

ПАРИЖ

БЫТ

Этот очерк — о быте Парижа. Я не был во Франции до войны, бывшие утверждают — внешность Парижа за эти годы изменилась мало: толпа, свет, магазины — те же. Поэтому буду говорить только о сегодняшних черточках.

ОТНОШЕНИЕ К НАМ

Германия пережила медовый месяц любви к РСФСР. Эта любовь перешла в спокойную дружбу. Иногда даже ревнивую, со сценами. Так было, например, во время поездки Эррио по России. Некоторые газеты пытались видеть в этом измену — роман с француженкой.

Париж видит сейчас первых советских русских. Красная паспортная книжечка РСФСР — достопримечательность, с которой можно прожить недели две, не иметь никаких иных достоинств и все же оставаться душой общества, вечно показывая только эту книжечку.

Всюду появление живого советского производит фурор с явными оттенками удивления, восхищения и интереса (в полицейской префектуре тоже производит фурор, но без оттенков). Главное — интерес: на меня даже установилась некоторая очередь. По нескольку часов расспрашивали, начиная с вида Ильича и кончая весьма распространенной версией о «национализации женщин» в Саратове.

Компания художников (казалось бы, чтó им!) 4 часа слушала с непрерываемым вниманием о семенной помощи Поволжью. Так как я незадолго перед этим проводил агитхудожественную кампанию по этому вопросу, у меня остались в голове все цифры.

Этот интерес у всех, начиная с метельщика в Галле, с уборщика номера, кончая журналистом и депутатом.

Конечно, главные вопросы о Красной Армии.

Один француз, владелец художественного магазина, серьезно убеждал меня, что не стоит пытаться завоевать Францию, так как, во-первых, это невозможно (Жоффр!), а во-вторых, надо сохранить латинскую культуру. И закончил с истинно парижскою любезностью: «Ваше красное вино нужно немного смешать с нашей водой, и тогда это будет напиток и для французского обеда».

Пришлось указать, что меню для него будут составлять французские рабочие без моего непосредственного участия.

Этот интерес не только любезность к гостю.

Так, например, на банкете, устроенном по случаю моего приезда художниками Монмартра, известный французский критик Вольдемар Жорж первый тост предложил за Советскую Россию. Предприятие в парижской обстановке не очень безвредное.

Даже мне приходилось все время вводить публичные разговоры исключительно в художественное русло, так как рядом с неподдельным восторгом Жоржа всегда фимиамился восторг агентов префекта полиции, ищущих предлога для «ускорения» моего отъезда.

Интерес растет во всем. Начинается, конечно, с искусства. Парижские издатели ищут для переводов писателей РСФСР. Пианист Орлов играет у м-м Мильеран. Мадам Мильеран входит в комитет помощи детям, официально устраивающий советскую выставку живописи. Для выставки этой отводится лучшее помещение — комната Лувра.

Кончается упрочением и расширением влияния т. Скобелева, от чуть ли не заложника, до неофициального, но все-таки торгового и пр. представителя Советов.

ОТНОШЕНИЕ К ЭМИГРАЦИИ

С возрастанием интереса к людям РСФСР, естественно, падает «уважение» к белогвардейской эмиграции, переходя постепенно в презрение.

Это чувство становится всемирным — от отказа визирования белогвардейских паспортов Германией, до недвусмысленного указания на дверь «послу» Бахметьеву в Вашингтоне.

В Париже самая злостная эмиграция — так называемая идейная: Мережковский, Гиппиус, Бунин и др.

Нет помоев, которыми бы они не обливали все относящееся к РСФСР.

Вплоть до небольшого «театра для себя».

Мне рассказывал, напр., один парижский литератор о лекции Гиппиус на невинную тему о Блоке. Исчерпав все имеющиеся в стихах, в печатном материале указания на двойственность, на переменчивость его, на разный смысл «12»,— она вдруг заминается...

— Нет, нет, об этом я не стану говорить.

Из рядов встает Мережковский:

— Нет, обязательно скажите, тут не должно быть никаких недоговорок!

Гиппиус решительно отказывается:

— Это антиеврейские фразы из личной переписки, и их неудобно опубликовывать, нет. Нет, не могу...

Ничего достоверного, но тень на Блока — на лучшего из старописательской среды, приявшего революцию,— все-таки по мере возможности брошена.

«Идейность» эта вначале кое-что давала: то с бала Grand Prix [1] перепадет тысяч 200 франков, то дюшес де Клармонт устроит вечер. Это для верхушек эмиграции. Низы воют, получая только изредка обеденные карточки.

Впрочем, в связи с провалом «идейности» уменьшилось и количество «вещественных доказательств невещественных отношений».

Перед моим отъездом уже какая-то дюшесса выражалась так: надо устроить этот вечер, чтоб они хоть

---

[1] Большой приз (*франц.*).

месяца два не лезли! Все-таки солидный шаг из русской интеллигенции в... в черт его знает во что!

Я ни слова не прибавляю в этих разговорах от своей ненависти. Это точная, записанная мною в книжечку характеристика самих низков парижской эмиграции.

Лично я с этими китами не встречался по понятным причинам, да и едва ли они мне б об этом рассказали.

Рядом с изменением «душевных» отношений меняется и правовое.

При мне громом среди ясного неба прозвучал отказ германского посольства от визирования эмигрантских паспортов.

При постоянных поездках в низковалютную Германию для поправки денежных дел — это большой удар. Многие стали бешено наводить справки, где же им взять наш красный паспорт (на первое время, очевидно, решили иметь два), потом последовало, по настоянию французов, очевидно, разъяснение, что паспортов не визируют, но будут визировать бумажки. Все-таки с бумажками им много хуже — по себе знаю!

Зато в положительную радость привело германское консульство визирование в Париже первого, моего, советского паспорта. Я мирно заполнил анкету. Служащие засуетились. Побежали к консулу; вышел сам, прекраснейший и добрейший г-н Крепс, тут же велел не требовать никаких анкет от советских. В секунду заполнив все подписи, выдал мне визированной мою редкость.

ВНЕШНОСТЬ

Уличная, трактирная и кафейная жизнь Парижа во всех разгарах. Кафе эти самые через магазин, два — обязательно. До 12-ти — по кафе и ресторанам, после 12-ти и до 2-х — Монпарнасс, и после всю ночь — Монмартр или отдельные шоферские кабачки на Монпарнассе. А под самое утро — особое рафинированное удовольствие парижан — идти смотреть в Центральный рынок Галль пробуждение трудового Парижа.

Париж не поражает особой нарядностью толпы, вернее, не кричит. На центральных улицах Берлина

эта нарядность прет более вызывающе: во-первых, заметнее, наряду с массой ободранных берлинцев, во-вторых, в Берлин приезжают одеваться «середняки» из высоковалютных стран. С неделю перед отъездом носят все на себе, чтобы вещь слегка обносилась и не вызывала особой алчности таможенников.

Потрясает деятельно, очевидно, сохраняемая патриархальность парижского быта.

Где бы вы ни были: в метро, в ресторане, на рынке, в квартире — те же фигуры, давным-давно знакомые по рисуночкам к рассказикам Мопассана.

Вот в метро глухой поп уселся на самом неудобном кондукторском месте, положил у ног свои религиозные манатки, уперся глазами в молитвенник. Полная непоколебимость. По окончании молитвы — ошеломляющее сведение: проехал две станции за своей церковкой. К аскету возвращается долго сдерживаемая страстность (еще бы — обратный путь новые 50 сантимов!), рвется на ходу прямо в тоннель, отбивается от хватающих за фалды спасителей, на остановке теряет шапчонку и, блестя тонзурой и размахивая крыльями пелерины, носится по перрону, призывая бога-отца со всеми его функциями разразить громом кондуктора.

Трактир. Двое усачей в штатском, но украшенные военными орденами и огромными усищами, привязав лошадей у входа, зашли запить прогулку по Булонскому лесу. Сидят с величественностью Рамзеса, всеми зубами штурмуют омара, отрываясь только на секунду ругнуть немцев или оглядеть вновь вошедшую даму.

А в Тюльерийском саду — ряды черных старух над всевозможнейшими вязаниями.

Только изредка взвизгом контраст: у остановки метро ободранная женщина, не могущая из-за тесноты попасть во второй класс и за отсутствием сантимов — в первый, кроет заодно и хозяев метрополитена и проклятую войну.

— Раньше, когда был жив муж, небось этого не сделали бы!

Сначала меня поразило, особенно после Берлина, полное отсутствие просящих нищих. Думал, «во чело-

вецех благоволение». Оказалось другое. Какая-то своеобразная этика парижских нищих (а может, и полицейская бдительность) не позволяет им голосить и протягивать руку. Но все эти мрачные фигуры, безмолвно стоящие сотнями у стен,— те же берлинские отблагодаренные Пуанкаре герои войны или осколки их семей.

ВЕСЕЛИЕ

В Париже нет специфических послевоенных удовольствий, захвативших другие города Европы.

Есть танцы. Увлечение тустепами большое, но нет этого берлинского — «восьмичасовой танцевальный день!» — чтобы все от 4 до 7 и от 9 до 2 ночи бежали толпами в «диле».

Нет и своеобразных американских игр: 200 часов беспрерывной игры на рояли, пока играющий не умрет или не сойдет с ума.

Нет и английской игры в «бивер». Разыскивают на улице бородача, и кто первый увидел и крикнул «бивер», тот выиграл очко (в Лондоне нет бородачей, только Бернар Шоу да король Георг,— Бернар Шоу брить бороду не хочет, а Георг не может, «так как на почтовых марках $^1/_3$ мира он с бородой»).

Веселие Парижа старое, патриархальное, по салонам, по квартирам, по излюбленным маленьким кабачкам, куда, конечно, идут только свои, только посвященные.

Уличное веселие тоже старое, патриархальное. В день моего отъезда был, напр., своеобразный парижский карнавал — день святой Екатерины, когда все оставшиеся в девушках до 30 лет разодеваются в венки и в цветы, демонстрируясь, поя и поплясывая по уличкам.

Европейские культурные удовольствия «для знатных иностранцев» запрятались на Монмартр.

Если бы наш Фореггер бросился сюда, ища «последний крик», «шумовую музыку» для огорошения москвича,— он был бы здорово разочарован. Даже все «тустепы» и «уанстепы» меркнут рядом с потрясающей

популярностью... российских «гайда-троек». Танцуют под все русское. Под Чайковского (главным образом), под «Растворил я окно», под «Дышала ночь восторгом сладострастья», под «Барыню» даже! Играют без перерыва, переходя с мотива на мотив и от столика к столику за сбором франков. Раз, увидев протянутые мною 10 франков и, очевидно, угадав русского, маэстро живо перевел скрипку на «Боже, царя храни» (публика продолжала танцевать), видя, что я отдергиваю франки, дирижер с такою же легкостью перевел на «Камин потух».

И в каждом оркестре обязательно гармонь, немного, говорят, усовершенствованная, но все же настоящая гармонь.

Недаром русские не только в присутствующих, но и в служащих. Танцуют, видите ли. Хозяин нанимает пару дам и пару стройных мужчин, так вот эти мужчины из аристократов русской эмиграции. В одном кабачке вижу знакомое лицо.— Кто это? — Это —ваш москвич. Один из золотой молодежи, известный всей Москве по громкому процессу об убийстве жены.

И вот — Монмартрский кабак: 40 франков в вечер и бутерброд.

ПАЛАТА ДЕПУТАТОВ

Рвусь осмотреть высший орган демократической свободной республики.

Перед зданием с минуту не могу вручить пропуск, все глаза устремлены на карету цугом, с длиннейшим эскортом. Кто? Сержант козыряет, но едущего за жандармерией не разглядеть — не то новый английский посланник, не то сам Пуанкаре.

Бреду через десятки инстанций. Каждая «инстанция» пронзительно кричит, передавая другой, другая проверит и кричит дальше, пока не добредаю до галерки. Еще темно (одно верхнее окно — крыша); депутаты собираются ровно в два часа дня, но все хоры и ярусы уже заняты благоговейным шепотом переговаривающимися под бдительным оком медализированных капельдинеров парижанами.

— Сегодня скучно будет, разве что Пуанкаре будет говорить по бюджету, вот тогда дело другое, тогда пошумят.

Ждем долго. Рядом старик (какой-то русский генерал, всем рассказывающий о двух своих сыновьях), тихо и уверенно засыпает.

Передо мною трибуна в три яруса, секретарский стол внизу, выше — ораторская трибуна, и, наконец, самая вышка — председательский «трон». Пред — полукруг депутатских скамей, меж ними чинно расхаживающие, сияя цепями, пристава (большинство — почетные инвалиды войны). Зал наполняется туго: вопросы не интересные, да и интересные решаются не здесь — за кулисами. Из 650 депутатов еле набирается сотня. Сосед называет: вот на крайней правой седой, лысый — это Кастело — роялист, вот этот левее черный — Моро-Джафери, слева пусто. Узкая и без того коммунистическая полоска еще сузилась с отъездом коминтернцев в Москву. Ровно в два отдаленный бой барабана, пристава выстраиваются, меж их рядами пробегает и всходит, гордо закинув голову, на свое место председатель Пере. Вопрос для политиканов действительно скучный — какой-то депутат центра поддерживает свою статью бюджета — поддержка медицинских школ. Депутат — провинциал. Провинциал горячится. Очевидно, говорить ему не часто — говорит, стараясь произвести впечатление, с пафосом.

Но впечатление маленькое.

Г-н Пере читает бумаги, депутаты расхаживают, читают газеты, от времени до времени начинают на весь зал переругиваться между собой.

Г-н Пере лениво урезонивает депутатов, оратор мчит дальше. Депутаты дальше шумят. Словом — «у попа была собака».

Без всякого комплимента приходится установить — даже в наших молодых советах можно было бы поучить палату серьезности и отношению к делу.

Потеряв надежду на появление разнообразия в этом меланхолическом деле, расхожусь вместе со всей остальной расходящейся публикой.

ПОИСКИ ТЕХНИКИ

На обратном пути я стал бомбардировать руководителей моих просьбой избавить меня от политиканства депутатов и от искусства и показать что-нибудь новое из парижской «материальной культуры».

— Что у вас выстроили нового, покажите что-нибудь, что бы не служило или удовольствиям, или организации новых военных налетов.

Мои руководители задумались — такового что-то не припомним. Такого что-то за последние годы не было.

Отношу это к неосведомленности моих руководителей, но все же это показательно. Ведь вот в Москве, что ни говори, а какую-нибудь стройку, хотя бы восстановление — для нас и это много — все же любой покажет.

Наконец, на другой день художник Делонэ (опять художник!), раздумав, предложил мне:

— Поедем в Бурже.

БУРЖЕ

Бурже — это находящийся сейчас же за Парижем колоссальный аэродром.

Здесь я получил действительно удовольствие.

Один за другим стоят стальные (еле видимые верхушками) аэропланные ангары. Провожающий нажимает кнопку, и легко, плавно электричество отводит невероятную несгораемую дверь. За дверью аккуратненькие, блестящие аэропланы — вот на шесть человек, вот на двенадцать, вот на двадцать четыре. Распахнутые «жилеты» открывают блестящие груди многосильнейших моторов. С каким сверхлуврским интересом лазим мы по прекраснейшим кабинкам, разглядываем исхищрения и изобретения, любезно демонстрируемые провожающим летчиком.

Рядом второй — ремонтный ангар. Показывают одни обломки,— вот в этом летели через Ламанш, и сошедший с ума, в первый раз влезший пассажир убил выстрелом из револьвера наповал пилота. Погибли все. С тех пор пилотов и пассажиров размещаем иначе.

Рядом обивают фанерой длинненькую летательную игрушку. С гордостью показывают особый холст на крыльях — не уступит алюминию, не секрет.

Переходим через аккуратную, небольшую таможню на гладко вымощенную площадку.

Грузятся два 24-местных аэроплана. Один в Лондон, а другой в Швейцарию.

Через минуту вынимают клинья из-под колес, аэропланы берут долгий разбег по полю, описывают полукруг, взвиваются и уже в небе разлучаются: один — на север, другой — на восток.

Хорошо-то хорошо, только бы если отнять у этих человеко-птиц их погромные способности.

Перед уходом мы, с трудом изъяснявшиеся все время с нашим любезным провожатым, пытаемся с тем же трудом его поблагодарить. Француз выслушал и потом ответил на чисто русском языке:

— Не стоит благодарности, для русских всегда рад, я сам русский, ушел с врангелевцами, а теперь видите...

Серьезную школу прошли! Где только русских не раскидало. Теперь к нам пачками возвращаются «просветленные».

Что ж, может быть, еще и РСФСР воспользуется его знаниями.

Вот Франция!

А за всем этим памфлетом приходится сказать — ругать, конечно, их надо, но поучиться у них тоже никому из нас не помешает. Какая ни на есть вчерашняя, но техника! Серьезное дело.

[*1923*]

ПАРИЖСКИЕ ОЧЕРКИ

МУЗЫКА

Между мной и музыкой древние контры. Бурлюк и я стали футуристами от отчаянья: просидели весь вечер на концерте Рахманинова в «Благородном собрании» и бежали после «Острова мертвых», негодуя на всю классическую мертвечину.

Я с полным правом рассчитывал на то же в Париже, и меня только силком затаскивали на рояльные неистовства.

Мы едем к Стравинскому. Больше всего меня поразило его жилье. Это фабрика пианол — Плевель. Эта усовершенствованная пианола все более вытесняет на мировом рынке музыканта и рояль. Интересно то, что в этой фабрике впервые видишь не «божественные звуки», а настоящее производство музыки, вмещающее все — от музыканта до развозящих фур. Двор — фабричный корпус. Во дворе огромные фуры уже с пианолами, готовыми в отправку. Дальше — воющее, поющее и громыхающее трехэтажное здание. Первый этаж — огромный зал, блестящий пианольными спинами. В разных концах добродетельные пары парижских семеек, задумчиво выслушивающих наигрываемые для пробы всехсортные музыкальные вещицы. Второй этаж — концертный зал, наиболее любимый Парижем. До окончания рабочего дня здесь немыслимо не только играть, но и сидеть. Даже через закрытые двери несется раздирающий душу вопль пробуемых пианол. Тут же то

суетится, то дышит достоинством сам фабрикант г. Леон, украшенный орденом Почетного легиона. И, наконец, вверху — крохотная комнатка музыканта, загроможденная роялями и пианолами. Здесь и творит симфонии, тут же передает в работу фабрике и, наконец, правит на пианоле музыкальные корректуры. Говорит о пианоле восторженно: «Пиши хоть в восемь, хоть в шестнадцать, хоть в двадцать две руки!»

ИГОРЬ СТРАВИНСКИЙ

Душа этого дела, во всяком случае одна из душ,— опарижившийся русский, Игорь Стравинский. Музыкальная Россия его прекрасно знает по «Петрушке», по «Соловью» и др. вещам. Париж также его прекрасно знает по постановкам С. П. Дягилева. Испанец Пикассо — в живописи, русский Стравинский — в музыке, видите ли, столпы европейского искусства. На концерт Стравинского я не пошел. Он играл нам у Леона. Играл «Соловья», «Марш», «Два соловья», «Соловей и богдыхан», а также последние вещи: «Испанский этюд» для пианолы, «Свадебку» — балет с хором, идущий весной у Дягилева, и куски из оперы «Мавра».

Не берусь судить. На меня это не производит впечатления. Он числится новатором и возродителем «барокко» одновременно! Мне ближе С. Прокофьев — дозаграничного периода. Прокофьев стремительных, грубых маршей.

ШЕСТЕРКА

Сами французы говорят, что французская музыка живет под нашим сильнейшим влиянием. Главным образом под влиянием нашей «пятерки». В противовес ей и в уважение, очевидно, парижские музыканты-модернисты объединились в шестерку. Некоторые уже отошли, но название держится. Это: Орик, Пуленк, Мильо, Онеггер, Дюре, Тайфер. Интересующихся ими специально отсылаю к статье о них Лурье в последнем номере журнала «Запад». Чтобы не говорить неверно о незнакомом предмете, ограничиваюсь перекличкой.

ЛИТЕРАТУРА

И старая литература Франции, и сегодняшняя «большая» французская литература нам хорошо известны. Кажется, нет сейчас сборника, нет журнала, в котором не появлялись бы куски Анатоля Франса, Барбюса, Ромена Роллана. Просто «художественную» академическую литературу типа Бенуа также во множестве выпускает «Всемирная литература» и поразведшиеся за последнее время многие частные издательства. Здесь меня интересует бытовая сторона сегодняшней парижской литературы. Здесь, конечно, только черточки — чересчур краткое пребывание.

ПОКАЖИТЕ ПИСАТЕЛЯ!

Я обратился к моим водителям с просьбой показать писателя, наиболее чтимого сейчас Парижем, наиболее увлекающего Париж. Конечно, два имени присовокупил я к этой просьбе: Франс и Барбюс. Мой водитель «знаток», украшенный ленточкой Почетного легиона, поморщился:

— Это интересует вас, «коммунистов, советских политиков». Париж любит стиль, любит чистую, в крайности — психологическую литературу. Марсель Пруст — французский Достоевский,— вот человек, удовлетворяющий всем этим требованиям.

Это было накануне смерти Пруста. К сожалению, через три дня мне пришлось смотреть только похороны, собравшие весь художественный и официальный Париж,— последние проводы этого действительно большого писателя.

Мои шансы видеть Франса и Барбюса увеличились. Получив карточку к Франсу (странная комбинация: Маяковский — к коммунисту Франсу с карточкой какого-то архиправого депутата), мчу,— но Франс в Туре, а Барбюс, по газетам, в Питере.

Вместо всего просимого получаю Жана Кокто — моднейшего сейчас писателя-парижанина.

КОКТО

Кокто — бывший дадаист, поэт, прозаик, теоретик, пайщик «Эспри нуво», критик, драмщик, самый остроумный парижанин, самый популярный,— даже моднейший кабачок окрещен именем его пьесы «Бык на крыше». Как «провинциал» я первым делом спросил о группировках, о литературных школах Парижа. Кокто сообщил мне вразумительно, что таковых в Париже не имеется. «Свободная личность, импровизация — вот силы, двигающие Францию вообще и литературу в частности». (Генерал Галлиени, остроумнейшим маневром, вдохновением спасший Париж от немцев, до сих пор у всех примером.) «Школы, классы,— пренебрежительно заметил Кокто,— это варварство, отсталость». Бешеным натиском мне удалось все-таки получить характеристики, в результате чего оказалось, что прежде всего существует даже «школка Кокто». Отсутствие школ и течений — это не признак превосходства, не характеристика передового французского духа, а просто «политическая ночь», в которой все литературные кошки серы. Это не шагнувшая вперед литература, а наш реакционнейший, упадочный 907—908 год. Даже при первом Феврале все эти кошки получат свою определенную масть.

Вот первые признаки расцветки.

МАСТИ

Группа Клартэ, образовавшаяся еще во время войны, близкая нам, коммунистическая, во главе с Ан. Франсом, Барбюсом, Полем Ребу. Издает журнал «Клартэ». Совершенно непопулярная в салонах и так же «совершенно» популярная в рабочих французских кругах.

Группа унанимистов. Это наши символисты, но в «мировом масштабе»; к ним же отошла «залитературившаяся» часть Клартэ. Во главе этой группы — Жюль Ромен, Дюамель и др.

Центр — группа неоклассиков. Акцион — группа

интеллигентов (по выражению самих французов — не ругательно); это — вся масса охранителей и ревнителей французской классической литературы.

И, наконец, самая правая группа — роялисты, во главе с Полем Валери. Поэты этой группы, даже разбивая синтактическую расстановку в стихе, разбирают сначала — соответствует ли таковая роялистским принципам.

После этого роялизма, думаю, и Кокто придется умолкнуть о внеклассовой литературе.

[*1923*]

СЕМИДНЕВНЫЙ СМОТР ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИВОПИСИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Смотр — иначе не назовешь мое семидневное знакомство с искусством Франции 22-го года.

За этот срок можно было только бегло оглядеть бесконечные ряды полотен, книг, театров.

Из этого смотра я выделяю свои впечатления о живописи. Только эти впечатления я считаю возможным дать книгой: во-первых, живопись — центральное искусство Парижа, во-вторых, из всех французских искусств живопись оказывала наибольшее влияние на Россию, в-третьих, живопись — она на ладони, она ясна, она приемлема без знания тонкостей быта и языка, в-четвертых, беглость осмотра в большой степени искупается приводимыми в книге снимками и красочными иллюстрациями новейших произведений живописи. Я считаю уместным дать книге характер несколько углубленного фельетона. Меня интересовали не столько туманные живописные теории, философия «объемов и линий», сколько живая жизнь пишущего Парижа. Разница идей сегодняшней французской и русской живописи. Разница художественных организаций. Определение по живописи и по встречам размеров влияния Октября, РСФСР, на идеи новаторов парижского искусства. Считаю нужным выразить благодарность Сергею Павловичу Дягилеву, своим знанием парижской живописи и своим исключительно лойяльным отношением к РСФСР способствовавшему моему осмотру и получению материалов для этой книги.

Вл. Маяковский

О ЧЕМ?

Эта книга о парижской живописи+кусочки быта.

До 14 года не стоило выпускать подобной книги.

В 22 году — необходимо.

До войны паломники всего мира стекались приложиться к мощам парижского искусства.

Российские академии художеств слали своих лауреатов доучиваться в Париж.

Любой художник, побывший год в Париже и усвоивший хотя бы только хлесткость парижских картиноделателей,— удваивался в цене.

Меценаты России, напр., Щукин, совершенно не интересовались современной русской живописью, в то же время тщательно собирали искусство парижан.

Париж знали наизусть.

Можно не интересоваться событиями 4-й Тверской-Ямской, но как же не знать последних мазков сотен ателье улицы Жака Калло!

Сегодня — другое.

Больше знаем полюсы, чем Париж.

Полюс — он без Пуанкарей, он общительнее.

Еще политика и быт — описываются.

Товарищи, на неделю тайно въехавшие во Францию на съезд партии, на съезд профсоюзов, набрасываются на эти стороны французской жизни.

Искусство — в полном пренебрежении.

А в нем часто лучше и яснее видна мысль, виден быт сегодняшней Франции.

ИСКУССТВО ПАРИЖА

До войны Париж в искусстве был той же Антантой. Как сейчас министерства Германии, Польши, Румынии и целого десятка стран подчиняются дирижерству Пуанкаре, так тогда, даже больше, художественные школы, течения возникали, жили и умирали по велению художественного Парижа.

Париж приказывал:

«Расширить экспрессионизм! Ввести пуантиллизм!»

И сейчас же начинали писать в России только красочными точками.

Париж выдвигал:

«Считать Пикассо патриархом кубизма!» И русские Щукины лезли вон из кожи и из денег, чтобы приобрести самого большого, самого невероятного Пикассо.

Париж прекращал:

«Футуризм умер!» И сразу российская критика начинала служить панихиды, чтоб завтра выдвинуть самоновейшее парижское «да-да», так и называлось: парижская мода.

Критики газет и журналов (как всегда: художники, отчаявшиеся выдвинуться в живописи) были просто ушиблены Парижем.

Революция, изобретения художников России были приговорены заочно к смерти: в Париже это давно и лучше.

Вячеслав Иванов так и писал о выставке первых русских импрессионистов — «Венок» (1907 г.) Д. Бурлюка:

Новаторы до Вержболова!
Что ново здесь, то там не ново.

Дело доходило до живописных скандалов.

В 1913 году в Москве открылась совместная выставка французских и русских художников. Известный критик «Утра России» Ал. Койранский в большой статье о выставке изругал русских художников жалкими подражателями. В противовес критик выхвалял один натюрморт Пикассо. По напечатании статьи выяснилось, что служитель случайно перепутал номера: выхваляемая картина была кисти В. Савинкова — начинающего ученичка. Положение было тем юмористичнее, что на натюрморте нарисованы были сельди и настоящая великорусская краюха черного хлеба, совершенно немыслимая у Пикассо. Это был единственный случай возвеличения русских «подражателей». Это было единственное низведение знаменитого Пабло в «жалкие». Было до того конфузно, что ни одна газета не поместила опровержения. Даже при упоминании об этом «недоразумении» на живописных диспутах Бубнового Валета — подымался всеми приближенными невообразимый шум, не дающий говорить.

Достаточно было раструбить по Парижу славу художественного предприятия — и беспрекословный успех в Америке обеспечен.

Успех — доллары.

Еще и сейчас Парижу верят.

Разрекламированные Парижем, даже провалившиеся в нем, напр. театр «Летучей мыши» Балиева, выгребают ведрами доллары из янки.

Но эта вера стала колебаться.

С тревогой учитывает Париж интерес Америки к таинственной, неведомой культуре РСФСР.

Выставка русской живописи едет из Берлина по Америке и Европе. Камерный театр грозит показать Парижу неведомые декоративные установки, идеи российских конструктивистов приобретают последователей среди первых рядов деятелей мирового искусства.

На месте, в РСФСР, в самой работе, не учтешь собственного роста.

Восемь лет Париж шел без нас. Мы шли без Парижа.

Я въезжал в Париж с трепетом. Смотрел с учащейся добросовестностью. С внимательностью конкурента. А что, если опять мы окажемся только Чухломою?

ЖИВОПИСЬ

Внешность (то, что вульгарные критики называют формой) всегда преобладала во французском искусстве.

В жизни это устремило изобретательность парижан в костюм, дало так называемый «парижский шик».

В искусстве это дало перевес живописи над всеми другими искусствами — самое видное, самое нарядное искусство.

Живопись и сейчас самое распространенное и самое влиятельное искусство Франции.

В проектах меблировки квартир, выставленных в Салоне, видное место занимает картина.

Кафе, какая-нибудь Ротонда сплошь увешана картинами.

Рыбный ресторан — почему-то весь в пейзажах Пикабиа.

Каждый шаг — магазин-выставка.

Огромные домища — соты-ателье.

Франция дала тысячи известнейших имен в живописи.

На каждого с именем приходится тысяча, имеющих только фамилию. На каждого с фамилией приходятся тысячи — ни имя, ни фамилия которых никого не интересуют, кроме консьержки.

Нужно заткнуть уши от жужжания десятка друг друга уничтожающих теорий, нужно иметь точное знакомство с предыдущей живописью, чтобы получить цельное впечатление, чтобы не попасть во власть картинок — бактерий какой-нибудь не имеющей ни малейшего влияния художественной школы.

Беру довоенную схему: предводитель кубизм, кубизм атакуется кучкой красочников «симультанистов», в стороне нейтралитет кучки беспартийных «диких», и со всех сторон океаном полотнища бесчисленных академистов и салонщиков, а сбоку — бросающийся под ноги всем какой-нибудь «последний крик».

Вооруженный этой схемой, перехожу от течения к течению, от выставки к выставке, от полотна к полотну. Думаю — эта схема только путеводитель. Надо раскрыть живописное лицо сегодняшнего Парижа. Делаю отчаянные вылазки из этой схемы. Выискиваю какое-нибудь живописное открытие. Жду постановки какой-нибудь новой живописной задачи. Заглядываю в уголки картин — ищу хотя бы новое имя. Напрасно.

Все на своих местах.

Только усовершенствование манеры, реже мастерства. И то у многих художников отступление, упадок.

Попрежнему центр — кубизм. Попрежнему Пикассо — главнокомандующий кубистической армией.

Попрежнему грубость испанца Пикассо «облагораживает» наиприятнейший зеленоватый Брак.

Попрежнему теоретизируют Меценже и Глез.

Попрежнему старается Леже вернуть кубизм к его главной задаче — объему.

Попрежнему непримиримо воюет с кубистами Делонэ.

Попрежнему «дикие» Дерен, Матис делают картину за картиной.

Попрежнему при всем при этом имеется последний крик. Сейчас эти обязанности несет всеотрицающее и всеутверждающее «да-да».

И попрежнему... все заказы буржуа выполняются бесчисленными Бланшами. Восемь лет какой-то деятельнейшей летаргии.

Это видно ясно каждому свежеприехавшему.

Это чувствуется и сидящими в живописи.

С какой ревностью, с какими интересами, с какой жадностью расспрашивают о стремлениях, о возможностях России.

Разумеется, не о дохлой России Сомовых, не об окончательно скомпрометировавшей себя культуре моментально за границей переходящих к Гиппиусам Малявиных, а об октябрьской, о РСФСР.

Впервые не из Франции, а из России прилетело новое слово искусства — конструктивизм. Даже удивляешься, что это слово есть во французском лексиконе.

Не конструктивизм художников, которые из хороших и нужных проволок и жести делают ненужные сооруженьица. Конструктивизм, понимающий формальную работу художника только как инженерию, нужную для оформления всей нашей практической жизни.

Здесь художникам-французам приходится учиться у нас.

Здесь не возьмешь головной выдумкой. Для стройки новой культуры необходимо чистое место. Нужна октябрьская метла.

А какая почва для французского искусства? — Паркет парижских салонов!

ОСЕННИЙ САЛОН

2395 номеров (не считая художественной промышленности).

А ведь Осенний салон — это только одна из многочисленных выставок Парижа.

Считая в году приблизительно 4 выставки, это 10 000 картин. Примите во внимание, что выставляется не более 10% производства. Получится солидная цифра: 100 000 ежегодных картин.

Еще сто лет — и у каждого француза будет собственный Луврик. Луврики — больше ничего: самые здоровые, самые молодые люди вместо работы сидят и удваивают свое имущество сомнительным живописным путем. Раньше была одна жена, а теперь две: одна в натуре, другая на картинке (как живая!), а живая и работать не может, потому что позирует. Раньше была одна собачка, а теперь две, и т. д. и т. д.

Слабоватая промышленность!

Хотя, может быть, и это имеет значение: посещение Салона дает иллюзию занятий бесконечным выфранченным бездельникам.

Все время существования Салона — тысячные толпы.

Прохожу раз по бесчисленным комнатам, просто чтобы найти вещь, приковывающую гуляющее внимание парижан.

Только в одном месте настоящая давка, настоящая толпа.

Это номер 870, картина художника японца Фужита — «Ню». Разлегшаяся дама. Руки заложены за голову. Голая. У дамы открытые настежь подмышки. На подмышке волосики. Они-то и привлекают внимание. Волосики сделаны с потрясающей добросовестностью. Не какимнибудь общим мазком, а каждый в отдельности. Прямо хоть сдавай их на учет в Центрощетину по квитанции. Ни один не пропадет — считанные.

Еще одна толпа, уже меньше. Сюжет не такой интересный. Это 1885 номер. Елена Пердрио. Тоже дама, но в рубашке. Рубашка сеткой. Вот эту сетку, сделанную бог весть чем, но, безусловно, чем-то самым тонким, и рассматривают.

Мимо остального плывут плавно.

Прохожу еще раз медленно, хочу, чтобы меня остановила сама живопись. Но живопись висит спокойно, как повешенная. Приходится прибегнуть к каталогу, стараясь по именам искать картины.

Ищу кубистов.

Вот Брак. 18 солидных вещей. Останавливаюсь перед двумя декоративными панно. Какой шаг назад! Определенно содержательные. Так и лезут кариатиды. Гладенький-гладенький. Серо-зелено-коричневый. Не прежний Брак, железный, решительный, с исключительным вкусом, а размягченный, облизанный Салоном.

Леже. Его сразу выделишь яркостью, каким-то красочным антиэстетизмом. Но и его антиэстетизм, в его мастерской кажущийся революционной силой, здесь тоже рассалонен и выглядит просто живописной манеркой.

Смотришь на соседние, уже совсем приличные академические картинки и думаешь: если все это вставить в одну раму и чуточку подтушевать края, не сольется ли все это в одну благоприличную картиночную кашу? Кубизм стал совсем комнатным, совсем ручным.

Нажегшись на школах, перехожу к отдельным.

Матис. Дряблый. Незначительный. Головка и фигурка... Испытываю легкую неприятность, будто стоишь около картинок нашего отечественного Бодаревского.

Ван-Донжен. Картина «Нептун». Еще невероятнее: оперный старик с трезубцем. Желто-зеленого цвета — яичница с луком. Сзади пароход. Плохонькая живопись, дешевенькая аллегорийка.

Остальное еще унылее.

Некоторое исключение представляет Пикабиа. Его картина — «Принцип французской живописи» — черный мужчина на белом фоне и белая женщина на черном фоне — интересна. Но это формализм даже по заданию. Во всяком случае, это не разрешение задачи живописью.

Из «национальной вежливости» разыскиваю русских. Нелегкое занятие. Уже найдя, должен не выпускать его из глаз ни на минуту (лучше всего держаться рукой за раму), а то сейчас же забудешь и спутаешь с соседом.

Григорьев. Хороший? Нет. Плохой? Нет. Какой же он? Какой был, такой и есть. Повернет карандаш боком и водит по бумаге. От долгой практики выучился таким образом всякие фигурки делать. А так как кисть уже сама по себе повернута боком, то тут на манере не отыграешься, приходится сюжетом брать. Какой же может быть сюжет для нашего тамбовца, приехавшего в первый раз в Париж? Разумеется, Монмартр и апаши. Мне скуч-

но. Скучно французам. Григорьеву тоже. Ноет: в Москву! Интересуется: пустят ли? Напоминаю ему картинку его на какой-то заграничной выставке — какая-то непроходимая физиономия, и подпись — комиссар. Григорьев кается: это я нашего парижского фотографа рисовал, а название «комиссар» ему уже на выставке устроители для эффекта присовокупили.

Хороший пример высасывания из пальца антисоветской агитации.

Шухаев. Академическая баба. Думаю, как это он за это время успел в Африку съездить. Баба самая реальная, черная негритянка. Приглядываюсь. Оказывается, ошибся. Это тени наложены. Этим и славится — светотенью.

Яковлев. Портрет. Сидит дама. Живая. В руках и на столе книжки: Кузьмин «Вторник Мери», Ахматова «Подорожник». Заглавийки книжек выведены с потрясающей добросовестностью. Удивительно. Зачем делать от руки то, что можно напечатать (на то и Европа, на то им и техника). По причине избегания ими меня сей вопрос остался невыясненным.

До полного цинизма дошел Сорин. Портрет Павловой. Настоящий куаферо-маникюрщик. Раскрашивает щечки, растушевывает глазки, полирует ноготочки. Раньше привлекали вывески — «Парикмахер Жан из Парижа», теперь, очевидно, привлекают — «Парикмахер Савелий из Петербурга».

Адмирал Битти заказал ему портрет. Недалеко уедешь там, где вкусом правит этакий адмирал. Хорош был бы английский флот, если бы адмиралов к нему подбирал Сорин.

Я знаю, эстеты Парижа, русские тоже, обидятся на мой «отчет». Сам, мол, столько говорил о форме, а подходит со стороны сюжетца, как старый репортер «Биржевки».

Скажут:

Вы, говорящий о нашем стоянии, разве вы не видите это совершенство работы, это качество: Qualité [1] (модное сейчас словечко французов). Может быть, в вашей

[1] Качество (*франц.*).

Чухломе есть лучшие мастера картин?! Назовите! Покажите!

О нет! Я меньше, чем кто-нибудь из русских искусства, блещу квасным патриотизмом. Любую живописную идею Парижа я приветствовал так же, как восторгаюсь новой идеей в Москве. Но ее нет!

Я вовсе не хочу сказать, что я не люблю французскую живопись. Наоборот.

Я ее *уже* любил. От старой любви не отказываюсь, но она уже перешла в дружбу, а скоро, если вы не пойдете вперед, может ограничиться и простым знакомством.

Посмотрите приводимые здесь иллюстрации Салона. Они взяты из проспекта, даваемого при каталоге, ясно подчеркивая гордость выставки.

Обычное ню, где интерес голизны не менее живописного интереса.

Приглаженный, красивенький быт идеализированных рыбаков.

Пейзаж до Сезана и до Ван-Гога.

Композиция: Матис в ботичеллевской обработке, и т. д.

Но, конечно, российское производство картинок не ровня парижскому. Париж выше на много голов. Париж первый.

Конечно, я отдал бы весь наш бубнововалетский стиль за одну вариацию из этого цикла Пикассо или Брака.

Дело не в этом.

Дело в том, что время выдвинуло вопрос о существовании картинок. И их мастеров вообще. Выдвинуло вопрос о существовании общества, удовлетворяющегося художественной культуркой украшения картинами Салона. Эта культура уже изжила себя. Я охотно отдаю французам первенство в писании картин.

Я говорю: наши пентры должны бросить писать картины, потому что французы пишут лучше. Но и французы должны бросить писать, потому что они лучше не напишут.

Мелкота картиночной работы выступает со всей ясностью, когда от картин Салона переходишь к промышленно-художественному отделу.

Здесь тоже номеров пятьсот.

Книжные обложки. Драгоценнейшие. Под стеклом. Пергаменты. На всех тоненькие виньеточки и рисуночки. Многоцветные. Костер, золотой, от него голубенький дымок, разворачивающий загогулинки по всей книге, а на фоне розовые облачишки. И никакой работы ни над новым шрифтом, ни над ясностью, ни над старанием типографски подчеркнуть сказанное в книге.

Вот убранство квартирок, столики и шкафики в ампире. На дверцах бронзовые веночки, со шкафов и с полочек спущена парча с бурбонскими лилиями. На подставочке, разумеется, бюст Наполеона. И все в этом стиле. Никакого придумывания, никакого изобретения, никакой конструкции. Механическое варьирование обломков старых, великих, но изживших себя и ненужных стилей.

Попробуй, обставь дом — общежитие на тысячи рабочих — этими шкафиками.

С удовольствием выхожу из салонного гроба к автомобилям Елисейских полей.

Салоном не исчерпывается французская живопись. Это средний обывательский вкус.

Чтобы знать водителей вкуса, нужно пройти по галереям частных торговцев и по мастерским художников.

Эстеты кричат о свободе творчества! Каждый ребенок в Париже знает, что никто не вылезет к славе, если ее не начнет делать тот или иной торговец. Этот торговец всесилен. Даже Салон подбирает он. Так и делятся художники и картины. Это художники Симона, это художники Леона.

КУПЦЫ

Париж весь кишит художественными лавочками. Осматриваю две наиболее значительные из них,— это лавочка Симона Розенберга и Леона Розенберга. Конечно, французское ухо резали бы эти слова — купец, лавочка. Для него эти купцы — носители вкуса, носители художественных идей Франции. Лучшие картины художников отдаются этим купцам. У них выставлены лучшие Пикассо, лучшие Браки и т. д. Большинство при-

водимых мной иллюстраций — снимки с ихних галерей.

Эти купцы делают славу художникам. Это они намечают гения, покупают у него картины за бесценок, скапливают их в своих подвалах и после смерти через тысячи состоящих на службе рецензентов раструбливают славу умерших и за многие десятки и сотни тысяч франков распродают шедевры.

Эти купцы поддерживают славу Пикассо. Эти купцы заставляют изо дня в день интересоваться им весь мир. Это купец, в отместку другому купцу, вдруг начинает выдвигать какого-нибудь молодого Сюрважа и каждой пришедшей даме, покровительнице искусств, каждому пришедшему коллекционеру старается в лучшем освещении, с лучшими рекомендациями, с передачей лучших отзывов показать какую-нибудь весьма сомнительную картинку. Если нет живых, купцы извлекают мертвых.

Злые языки утверждают, что повышенный интерес к Энгру, этому посредственному ложноклассическому рисовальщику, объясняется тем, что у одного из этих Леонов скопилось большое количество рисунков. Во французском искусстве сразу поворот к классицизму. Это, конечно, схематическое, памфлетное изображение настроений, но франк в этой схеме все же играет первенствующую роль. Для этих купцов, или чтобы перепрыгнуть через них, прорваться сквозь их блокаду, работают все французские художники.

МАСТЕРСКИЕ

Чтобы понять действительные двигающие силы того или другого направления, того или другого художника, надо пройти закулисную лабораторию — мастерские. Здесь искание, здесь изобретаются направления, здесь в отдельных штрихах, в отдельных мазках еще можно найти элементы революционного искусства, сейчас же за дверью ателье тщательно обрезываемого вкусом

Салона, вкусом купца. Здесь настоящая борьба художников, борьба направлений; здесь Пикассо небрежным кивком отстраняет вопросы о Делонэ; здесь Делонэ с пеной у рта кроет «спекулянтом» Пикассо; здесь видишь то, чего никогда не увидишь в магазинчиках.

ПИКАССО

Первая мастерская, в которую нужно пойти в Париже, это, конечно, мастерская Пикассо. Это самый большой живописец и по своему размаху и по значению, которое он имеет в мировой живописи. Среди квартиры, увешанной давно знакомыми всем нам по фотографиям картинами, приземистый, хмурый, энергичный испанец. Характерно и для него и для других художников, у которых я был, это страстная любовь к Руссо. Все стены увешаны им. Очевидно, глаз изощрившегося француза ищет отдыха на этих абсолютно бесхитростных, абсолютно простых вещах. Один вопрос интересует меня очень — это вопрос о возврате Пикассо к классицизму. Помню, в каких-то русских журналах приводились последние рисунки Пикассо с подписью: «Возврат к классицизму». В статейках пояснялось, что если такой новатор, как Пикассо, ушел от своих «чудачеств», то чего же у нас в России какие-то отверженные люди еще интересуются какими-то плоскостями, какими-то формами, какими-то цветами, а не просто и добросовестно переходят к копированию природы.

Пикассо показывает свою мастерскую. Могу рассеять опасения. Никакого возврата ни к какому классицизму у Пикассо нет. Самыми различнейшими вещами полна его мастерская, начиная от реальнейшей сценки голубоватой с розовым, совсем древнего античного стиля, кончая конструкцией жести и проволоки. Посмотрите иллюстрации: девочка совсем серовская. Портрет женщины грубо-реалистичный и старая разложенная скрипка. И все эти вещи помечены одним годом. Его большие так называемые реальные полотна, эти женщины с огромными круглыми руками — конечно, не возврат к классицизму, а если уж

хотите употреблять слово «классицизм» — утверждение нового классицизма. Не копирование природы, а претворение всего предыдущего кубического изучения ее. В этих перескакиваниях с приема на прием видишь не отход, а метание из стороны в сторону художника, уже дошедшего до предела формальных достижений в определенной манере, ищущего приложения своих знаний и не могущего найти приложение в атмосфере затхлой французской действительности.

Смотрю на каталог русской художественной выставки в Берлине, валяющийся у него на столе. Спрашиваю: неужели вас удовлетворяет снова в тысячный раз разложить скрипку, сделать в результате скрипку из жести, на которой нельзя играть, которую даже не покупают и которая только предназначается для висенья и для услаждения собственных глаз художника?

Вот в каталоге русский Татлин. Он давно уже зовет к переходу художников, но не к коверканию прекрасной жести и железа, а к тому, чтобы все это железо, дающее сейчас безвкусные постройки, оформилось художниками.

— Почему,— спрашиваю, — не перенесете вы свою живопись хотя бы на бока вашей палаты депутатов? Серьезно, товарищ Пикассо, так будет виднее.

Пикассо молча покачивает головой.

— Вам хорошо, у вас нет сержантов мосье Пуанкаре.

— Плюньте на сержантов,— советую я ему,— возьмите ночью ведра с красками и пойдите тихо раскрашивать. Раскрасили же у нас Страстной!

У жены мосье Пикассо, хоть и мало верящей в возможность осуществления моего предложения, все же глаза слегка расцвечиваются ужасом. Но спокойная поза Пикассо, уже, очевидно, освоившегося с тем, что кроме картин он ничего никогда не будет делать, успокаивает «быт».

ДЕЛОНЭ

Делонэ — весь противоположность Пикассо. Он симультанист. Он ищет возможности писать картины, давая форму не исканием тяжестей и объемов, а только

расцветкой. (Это духовный отец наших отечественных Якуловых.) Он весь в ожесточении. Кубизм, покрывший все полотна французских живописцев, не дает ему покоя. Купцы не охотятся за ним. Ему негде и не для чего приобретать классицизм. Он весь, даже спина, даже руки, не говоря о картинах, в лихорадочном искании. Он видит — невозможно пробить стены вкуса французских салонов никакими речами, и какими-то косыми путями подходит тоже к революции. В картинах, разворачиваемых им, даже старых, 13 и 14 года, например, известной всем по снимкам Эйфелевой башни, рушащейся на Париж, между буревыми облаками, он старается найти какое-то предчувствие революции.

С завистью слушает он рассказы о наших праздниках, где художнику дается дом, где направлению дается квартал, и художник его может расфантазировать так, как ему хочется. Идея эта близка ему. Его картины даже в его мастерской выглядят не полотнами, а стенами, настолько они многосаженные. Его расцветка иллюминаций так не нужна, так не подходяща к серым стенам мастерской, но ее не вынесешь на улицу: кроме сержанта через дорогу еще и серое здание Академии художеств, откуда, по утверждению Делонэ, при проходе на него замахиваются кулаками.

Художественными путями он тоже пришел к признанию величия русской революции. Он пишет какие-то десятки адресов с просьбой передать, корреспондировать, обмениваться с ним художеством России. Он носится с мыслью приехать в РСФСР, открыть какую-то школу, привезти туда в омолаживание живопись французов.

А пока что и к его ноге привязано ядро парижского быта, и он разрешает вспышки своего энтузиазма раскрашиванием дверей собственного ателье. Тоже кусок жизни.

Не думаю, чтоб он делал это «от души». Во всяком случае, он определенно завидовал моему возврату в страну революции, он просил передать привет от революционеров французского искусства русским, он просил сказать, что это — те, кто с нами, он просил русскую,

московскую аэростанцию принять в подарок два его огромных полотна, наиболее понравившихся мне: цветной воздух, рассекаемый пропеллерами.

БРАК

Брак — самый продающийся (фактически, а не иносказательно) художник Парижа. Во всем — в обстановке, фигуре, старание охранить классическое достоинство пентра. Он все время балансирует, надо отдать ему справедливость — с большим вкусом, между Салоном и искусством. Темперамент революционного французского кубизма сдавлен в приличные, принимаемые всеми формы. Есть углы, но не слишком резкие, кубистические. Есть световые пятна, но не слишком решительные и симультанистические. На все мои вопросы, а что же можно было бы получить из последнего, чтобы показать России, у него горделивое извинение: «Фотографий нет, у купца такого-то... Картин нет, извиняюсь, проданы». Этому не до революции.

ЛЕЖЕ

Леже — художник, о котором с некоторым высокомерием говорят прославленные знатоки французского искусства,— произвел на меня самое большое, самое приятное впечатление. Коренастый, вид настоящего художника-рабочего, рассматривающго свой труд не как божественно предназначенный, а как интересное, нужное мастерство, равное другим мастерствам жизни. Осматриваю его значительную живопись. Радует его эстетика индустриальных форм, радует отсутствие боязни перед самым грубым реализмом. Поражает так не похожее на французских художников мастеровое отношение к краске — не как к средству передачи каких-то воздухов, а как материалу, дающему покраску вещам. В его отношении к российской революции тоже отсутствие эстетизма, рабочее отношение. Радует, что он не выставляет вперед свои достижения и достиженьица, не старается художественно втереть вам очки своей революцион-

ностью, а, как-то отбросив в сторону живопись, расспрашивает о революции русской, о русской жизни. Видно, что его восторг перед революцией не художественная поза, а просто «деловое» отношение. Его интересует больше не вопрос о том, где бы и как бы он мог выставиться по приезде в Россию, а технический вопрос о том, как ему проехать, к чему в России его уменье может быть приложено в общем строительстве.

Как только я заикнулся о том, что товарищей моих может заинтересовать его живопись, то увидел не дрожащего над своими сокровищами купца-художника, а простое:

— Берите всё. Если что через дверь не пролезет, я вам через окно спущу.

— До свидания,— выучился он по-русски на прощание,— скоро приеду.

Этими вот четырьмя перечисленными художниками исчерпываются типы художников Парижа.

ГОНЧАРОВА И ЛАРИОНОВ

Русские художники не играют, во всяком случае об этом не говорят, особой роли в живописи Франции. Правда, влияние их несомненно. Когда смотришь последние вещи Пикассо, удивляешься красочности, каким-то карусельным тонам его картин, его эскизов декораций. Это несомненно влияние наших красочников Гончаровой и Ларионова. Высокомерное отношение победившей Франции к каким-то не желающим признавать долгов русским сказывается и в этом. Не хотим считаться ни с какими фактами. Париж во всем лучше.

В лавках купцов Парижа вы не найдете картин Гончаровой или Ларионова. Зато на заграничных выставках, при свободной конкуренции, в Америке, в Испании или в Голландии — сразу бросается в глаза непохожесть этих русских, их особенный стиль, их исключительная расцветка. Поэтому они продаются в Америке. Поэтому у Гончаровой десятки учеников американцев

и японцев, и, конечно, хочет-не хочет Пикассо, а влияние русской живописи просачивается. Но когда дело переходит на работу в Париже, сразу видишь, как художественный темперамент этих русских облизывают салоны. Их макеты и костюмы до неприятности сливаются с Бакстом.

Радует отношение этих художников к РСФСР, не скулящее и инсинуирующее отношение эмигрантов. Деловое отношение. Свое, давно ожидаемое и ничуть не удивившее дело. Никаких вопросов о «сменах вех». Приезд в Россию — техническая подробность.

Приятно констатировать на этом примере, что революционеры в области искусства остаются таковыми до конца.

БАРТ

Если высокомерное отношение Франции не отразилось на Ларионове и Гончаровой, сумевших продвинуться в другие страны, то русским без энергии Париж — крышка. Я был в мастерской Барта, очень знакомого нам художника до войны, человека серьезного, с большим талантом,— в его крохотном поднебесном ателье я видел десятки работ несомненно интересных и по сравнению с любым французом.

Он голоден. Ни один купец никогда не будет носиться с его картинами.

Эта группа уже с подлинным энтузиазмом относится к РСФСР. Барт рассказывает мне грустную повесть о том, как он был единственным офицером, не соглашавшимся после Октября с культурной манерой французов хоронить не желающих идти против революционной России в африканских ямах. Худоба и нервное подергивание всем телом — доказательство результатов такого свободолюбия. Эти, конечно, нагрузившись жалким скарбом своих картин, при первой возможности будут у нас, стоит только хоть немножко рассеять веселенькие французские новеллы о том, что каждый переехавший русскую границу не расстреливается ГПУ только потому, что здесь же на границе съедается вшами без остатка.

ВЫВОД

Начало двадцатого века в искусстве — разрешение исключительно формальных задач.

Не мастерство вещей, а только исследование приемов, методов этого мастерства.

Поэты видели свою задачу только в исследовании чистого слова: отношение слова к слову, дающее образ, законы сочетания слова со словом, образа с образом, синтаксис, организация слов и образов — ритм.

Театр — вне пьес разрешается формальное движение.

Живопись: форма, цвет, линия, их разработка как самодовлеющих величин.

Водители этой работы были французы.

Если взять какую-нибудь отвлеченную задачу — написать человека, выявив его форму простейшими плоскостными обобщениями,— конечно, здесь сильнее всех Пикассо.

Если взять какое-то третье измерение натюрморта, показывая его не в кажущейся видимости, а в сущности, развертывая глубину предмета, его скрытые стороны,— конечно, здесь сильнейший — Брак.

Если взять цвет в его основе, не загрязненной случайностями всяких отражений и полутеней, если взять линию как самостоятельную орнаментальную силу,— сильнейший — Матис.

Эта формальная работа доведена была к 15 году до своих пределов.

Если сотню раз разложить скрипку на плоскости, то ни у скрипки не останется больше плоскостей, ни у художника не останется неисчерпанной точки зрения на эту живописную задачу.

Голый формализм дал все, что мог. Больше при современном знании физики, химии, оптики, при современном состоянии психологии ничего существенного открыть (не использовав предварительно уже добытого) нельзя.

Остается или умереть, перепевая себя, или...

Остается два «или».

Первое «или» Европы: приложить добытые резуль-

таты к удовлетворению потребностей европейского вкуса. Этот вкус не сложен. Вкус буржуазии. Худшей части буржуазии — нуворишей, разбогатевших на войне. Нуворишей, приобретших деньги, не приобрев ни единой черточки даже буржуазной культуры. Удовлетворить этот вкус может только делание картин для квартиры спекулянта-собственника, могущего купить «огонь» художника для освещения только своего салона (государство не в счет, оно плетется всегда в хвосте художественного вкуса, да и материально не в состоянии содержать всю эту живописную армию). Здесь уже не может быть никакого развития. Здесь может быть только принижение художника требованием давать вещи живописно не революционнее Салона. И мы видим, как сдается Брак, начиная давать картины, где благопристойности больше, чем живописи; мы видим, как Меценже от кубизма переходит к жанровым картинкам с красивенькими Пьерро.

Мы видим гениального Пикассо, еще продолжающего свои работы по форме, но уже сдающегося на картиноделание, пока еще полностью в своей манере, но уже начинаются уступки, и в его последних эскизах декораций начинает удивлять импотенция приличного академизма.

Нет, не для делания картинок изучали лучшие люди мира приемы расцветки, иллюминирования жизни. Не к салонам надо прикладывать свои открытия, а к жизни, к производству, к массовой работе, украшающей жизнь миллионам.

Но это уже второе «или» — «или» РСФСР. «Или» всякой страны, вымытой рабочей революцией. Только в такой стране может найтись применение, содержание (живописное, разумеется, а не бытовое) всей этой формальной работе. Не в стране буржуазной, где производство рассматривается капиталистом только как средство наживы, где нельзя руководить вкусом потребителя, а надо ему подчиняться. А в стране, где производят одновременно для себя и для всех, где человек, выпустивший какие-нибудь отвратительные обои, должен знать, что их некому всучить, что они будут драть его собственный глаз со стен клубов, рабочих домов, библиотек.

Это оформление, это — высшая художественная инженерия. Художники индустрии в РСФСР должны руководиться не эстетикой старых художественных пособий, а эстетикой экономии, удобства, целесообразности, конструктивизма.

Но это второе «или» пока не для Франции.

Ей нужно сначала пройти через большую чистку французского Октября.

А пока, при всей нашей технической, мастеровой отсталости, мы, работники искусств Советской России, являемся водителями мирового искусства, носителями авангардных идей.

Но... это все еще из теории должно перейти в практическое воплощение, а для этого надо еще поучиться, и в первую очередь у французов.

[*1923*]

ПАРИЖСКИЕ ПРОВИНЦИИ

Раньше было так: была в России провинция, медвежьи углы и захолустье. Где-то далеко были российские столицы — широкие, кипящие мировыми интересами. А совсем над всеми был Париж — сказочная столица столиц.

И здесь, как и во всем, Октябрьской революцией сделан невероятный сдвиг.

Мы даже не заметили, как наши провинциальные города стали столицами республик Федерации, как городки стали центрами огромной революционной культуры и как Москва из второсортных городов Европы стала центром мира.

Только в поездке по Европе, в сравнении, видишь наши гулливеровские шаги.

Сейчас Париж для приехавшего русского выглядит каким-то мировым захолустьем.

Все черты бывшей нашей провинции налицо:

Во-первых, страшно куцее, ограниченное поле зрения, узкий круг интересов. Как раньше какое-нибудь Тьмутараканье смотрело, только чтоб его чем-нибудь не перешиб Тьмуклоповск, так теперь у Парижа все взоры только на Берлин, только на Германию. Лишь бы Пуанкаре не помешали отдыхать на его Версальских лаврах. Лишь бы Германии не стало лучше.

Во-вторых, провинциальная, самая затхлая сплетня: кому сейчас в Москве придет в голову интересоваться,

курица или телятина была сегодня у Иванова в супе?— а в Париже мои случайные знакомые лучше знали, сколько я получаю в России построчных, нежели даже я сам. Париж — пристанище мировой эмиграции. Эмиграция, что ли, эту гадость рассадила!

В-третьих — разевание рта на столичных,— так сейчас Париж разевается на москвичей. Обладатель нашей красной паспортной книжечки может месяц оставаться душой парижского общества, ничего не делая, только показывая эту книжечку. А если дело дойдет до рассказов, то тут и за 10 часов не оторвешь.

И во всем боязнь: как бы Москва не переинтереснила Париж и не выхватила бы влияние на американцев и их... доллары. А это уже начинается!

И, наконец, древнепровинциальное обжорство! Нам, выучившимся и любящим насыщаться еще и хлебом работы, нам, привыкшим довольствоваться — пока — самым необходимым, нам, несмотря ни на какой голод не предающим своих идей и целей,— нам просто страшно смотреть на общую, знаемую всеми и никем не прекращаемую продажность, на интерес огромных кругов, упертый только в еду — в кафе и трактиры.

Но — возразят — есть ведь и во Франции пролетариат, революционная работа. Есть, конечно, но не это сегодня создает лицо буржуазного Парижа, не это определяет его быт.

Хорошо — скажут — но ведь есть огромная культура Франции! Есть, конечно, вернее, не «есть», а «была». Со времени войны эта культура или стала, или выродилась в истребляющую пропаганду империализма.

Я обращался ко всем моим знакомым с просьбой указать какую-нибудь стройку, какое-нибудь мирное сооружение последних лет, которое можно было бы поставить в плюс французам. Нет!

Но, конечно, все сказанное мною относится главным образом к духовной опустошенности, к остановке роста. В материальной культуре Франции, даже во вчерашней, есть на что разинуть рот, есть чему поучиться. Взять хотя бы огромный аэродром Бурже под Парижем, с десятками

грандиозных эллингов, с десятками огромных аэропланов, ежедневно отлетающих и в Лондон, и в Константинополь, и в Цюрих! Но это подготовка и работа веков. Для России, разгромленной голодом и войной, придавленной всей предыдущей безграмотностью, ничуть не меньший факт — первая электрическая лампочка в какой-нибудь деревне Лукьяновке.

Учись европейской технике, но организуй ее своей революционной волей — вот вывод из осмотров Европы.

[*1923*]

СЕГОДНЯШНИЙ БЕРЛИН

Я человек по существу веселый. Благодаря таковому характеру я однажды побывал в Латвии и, описав ее, должен был второй раз уже объезжать ее морем.

С таким же чувством я ехал в Берлин.

Но положение Германии (конечно, рабочей, демократической) настолько тяжелое, настолько горестное — что ничего, кроме сочувствия, жалости, она не вызывает.

Уже в поезде натыкаешься на унизительные сцены, когда какой-нибудь зарвавшийся француз бесцеремонно отталкивает от окна стоявшую немку — ему, видите ли, захотелось посмотреть вид! И ни одного протеста — еще бы: это всемогущие победители.

Здесь наглядно видишь, какой благодарностью к Красной Армии должно наполниться наше сердце, к армии, не давшей сесть и на нашу шею этим «культурным» разбойникам.

При въезде в Берлин поражает кладбищенская тишь. (Сравнительно.) Прежде всего результаты того же Версальского хозяйничанья. Например, около Берлина есть так называемое «Кладбище аэропланов» — это новенькие аэропланы, валяющиеся, ржавеющие и гниющие: французы ходили с молотками и разбивали новенькие моторы!

Так во всем. Конечно, не удивляешься, что постепенно тухнут, темнеют и омертвечиваются улицы, из-под рельс начинает прорастать трава, пунктуальность, размеренность жизни — дезорганизуется.

Рядом с этими внешними причинами страшная внутренняя разруха!

У прекрасного берлинского художника Гросса есть рисунок — что будет, когда доллар дойдет до 300 марок: нарисована полная катастрофа. Легко понять, что делается в Германии сейчас, если принять во внимание, что этот самый доллар стóит уже 26 000 марок!

Доллар это тот термометр, которым мир измеряет тяжкую болезнь германского хозяйства. Отражение этой болезни внутри Германии: страшный рост спекуляции, рост богатства капиталистов с одной стороны и полное обнищание пролетариата с другой. Ни в одной стране нет стольких, до слез расстраивающих, нищих — как в Германии. Отбросы разрухи и обрубки бойни. Понятно поэтому, что Германия наиболее вулканизированная революцией страна. Здесь еженедельно вспыхивают революционные выступления (во время моего пребывания, например, был целый бой у цирка Буша: рабочие выгоняли засевших националистов); ежедневно нарастают различнейшие забастовки — борются все от кондукторов подземной железной дороги до актеров.

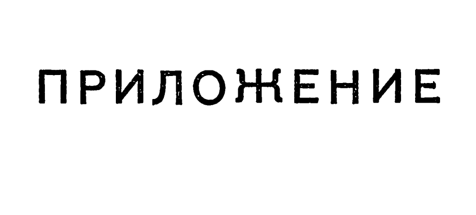
Конечно, низкая валюта принесла Германии целый поток иностранцев. Особенно много в Берлине русских эмигрантов — тысяч около двухсот. Целый Вестен (богатая часть Берлина) занят чуть ли не одними этими русскими. Даже центральная улица этого квартала Курфюрстендам называется немцами — «Нэпский проспект».

Эта русская эмиграция уже не старая, не воинственная. Надежды на двухнедельность существования РСФСР рассеялись «аки дым», вывезенные деньжонки порастряслись, все чаще и чаще заворачивают наиболее бедные и наиболее культурные из них (многие бежали ведь просто с перепугу) на Унтерденлинден 7, в наше посольство, за разрешениями на возврат в Россию. Да и Германия, разумеется, после Рапалльского договора, только с нами, с советскими, считается как с настоящими русскими.

Конечно, к России, к единственной стране, подымающей голос против наглого Версальского грабежа, у Германии самое дружеское, предупредительное отношение.

И для нас эта дружба имеет колоссальные выгоды. Разоренная Германия напрягает все усилия на восстановление своего разрушенного хозяйства, поражая по сравнению с Францией своей изобретательностью, своим культурным напряжением. Присмотреться к ней, учиться у ее технического опыта — большая и благодарная задача.

1923

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВЫСТАВКА ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА РСФСР В БЕРЛИНЕ

В настоящее время в Берлине открыта наша выставка. Выставка картин, плаката, фарфора. Выставка не дала лучшего, что есть в области изобразительного искусства в России, так как главные вещи российских художников приобретены музеями; вывезено было только то, что могли дать художники сверх своих основных вещей. Кроме того, трудность устройства выставки, трудность перевозки картин не давала возможности направить большое количество и большие произведения. Тем не менее выставка пользуется за границей огромным успехом, как факт первого прихода искусства Советской России в Европу.

По окончании выставки в Берлине выставка будет перевезена в Италию, во Францию и в Америку, откуда уже получены соответствующие официальные приглашения.

Наша революционная выставка открылась как раз в тот день, когда на улицах Берлина, у цирка Буша, немецкие коммунисты дрались с националистами. Это сильно действовало на революционное настроение, и выставка была открыта с большим подъемом. От имени германского министерства просвещения выступал заведующий отделом искусств Ренцлов, приветствовавший выставку. Отвечал зав. отд. изобразительных искусств т. Штеренберг.

Выставка помещается в центральном месте на Унтерден-линден. Нижний этаж занят так называемой правой

живописью. Здесь все, начиная с Бубнового Валета Машкова, Кончаловского и кончая Малявиным и Кустодиевым.

Верхний этаж занят левой живописью и образцами промышленного искусства.

Особенным успехом пользуется верхний этаж, так как образцы искусства левых художников определенно принимаются европейцами, как подлинное, свое, искание нового искусства, как искусство, характерное для Советской России. Много способствовало такому убеждению то, что левые художники, приезжающие за границу, определенно, на всех собраниях, во всех статьях и интервью, выступают как защитники и пропагандисты Советской России. Маститые же часто по приезде соблазняются чечевичной похлебкой американских миллиардеров и стараются выслужиться инсинуациями по адресу Советской России. Такой необычайный скачок произвел известный художник Малявин. Тщательно оберегаемый в России, заботливо препровожденный с нашего согласия и содействия за границу, он не нашел ничего лучшего, как напечатать интервью в беленькой газетке «Руль»,— интервью, наполненное жалобами на Советскую Россию, где ему, видите ли, не давали возможности работать. Очевидно, в доказательство этой невозможности, он выставил два своих огромных полотна, писанных на прекрасном холсте, прекрасными красками. Еще до закрытия выставки он потребовал выдачи этих картин обратно и, когда представитель Наркомпроса отказался, он утром сам стащил свои картины с выставки! Берлинская полиция нашла эти картины уже отданными для отправки на американскую выставку спекулянту Когану. С таким же письмецом в редакцию выступил и правенький художник Синезубов.

Ясно, что все это (не говоря уже о том, что и живопись их давно известна Европе и успела порядком надоесть) создало левым художникам большой моральный и политический авторитет.

Американцы приобретают конструкции, живопись и промышленные изделия, сделанные этими художниками. Газеты определенно указывают, что именно из этих вырастет живописное искусство грядущей России.

Конечно, по такой выставке нельзя судить о том, что делается в России. Главная наша сила не в картинах, даже очень хороших, может быть, а в той новой организации искусства, главным образом, школы, промышленности, профдвижения, которая дает нашему искусству новое, неизвестное Европе движение. Необходимо всяческим образом показывать эту сторону работы РСФСР.

Пытающаяся отстраниться от нас политически Европа не в силах сдерживать интереса к России, старается дать выход этому интересу, открывая отдушины искусства.

Например, Франция, с таким трудом пускающая к себе русских, визирует паспорта Художественному театру, и сама Мильеранша чуть не становится во главе комитета, устраивающего приезд нашей выставки в Париж.

Мы должны вдуть в эту отдушину максимальное количество наших коммунистических идей.

[*1923*]

ВАРИАНТЫ,
РАЗНОЧТЕНИЯ
И
ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ

Прозаседавшиеся (стр. 7)

Газ. «Известия ВЦИК», М. 1922, № 52, 4 марта.

Заглавие — Наш быт. Прозаседавшимся (*разночтения по тексту см. далее*).

Газ. «Известия», «Маяковский издевается», 1-е и 2-е изд., «13 лет работы», т. I, «Стихи о революции», 1-е и 2-е изд., «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается», «Избранный Маяковский», «Избранное из избранного», «Школьный Маяковский».

35 А-бе-ве-ге-де-кома.
54 Поневоле приходится разорваться[1].
61 О, хоть бы

Спросили раз меня: «Вы любите ли НЭП?...» (стр. 10)

Черновой автограф в записной книжке 1922 г., № 17.

Заглавие отсутствует.

1—3		*отсутствуют.*
4—5		на иную арену нынче иди
11		Буржуй никогда пролетарию не мил
12—13	I	А все побаивался как бы не сбросили
	II	Да раньше побаивался как бы не сбросили
21	I	Из-под пуза их вылезши груза
	II	Из-под ихнего пуза груза
22—23	I	поднялась раскачалась осиновый кол
	II	поднялась раскачалась и вклинила кол
24		в разжиревшее вбила в пузо
26—27		и вечекой и эмчекою вынянчена
29		благим нэпом покрикивает нынче нам
35	I	научись арифметике их научись
	II	научись арифметикам их научись

[1] В «Школьном Маяковском» строка 54 — как в тексте.

36—37	I	Бить их цифрами их ненавидя
	II	Бить их цифрами в сто крат ненавидя
46—51		*отсутствуют.*
52—54		Сами скелетами голодные сами открывая жрущим двери Гротеска
58		и соусами
61—65		*отсутствуют.*
66—71		Хоть и раньше буржуй жирен и толст Хоть и брал на тыщу тыщи
73		в магазине тебе
77—81		*отсутствуют.*
84—86	I	Сапог
	II	ни сапог ни соху
	III	ни сапог ни сохи ни ситец ни гвоздь
91—94		*отсутствуют.*
95—97	I	Пусть ваш лоб бороздят морщины рвы
	II	Пусть проходит по лбу морщины ров
98		в мозг вбирайте купцовский опыт
102		революций бешеный топот

Сволочи (стр. 14)

Черновой автограф в записной книжке 1922 г., № 17.

2—3		уставьтесь в эти строчки немы
5		едва сдерживаемый поэмой
6—13		Возьму самого лоснящегося и плешивого носом в Известия ткну за шиворот Не понимаете быль⟨ю⟩ одену голый отчет Помгола
16		и снова снегами сгреб
18		мильонокрыший
20—21	I	гробов⟨ые?⟩
	II	Трубы гробовые свечи.
23	I	улетают
	II	исчезают
31—33		Матери сына отца
35		*отсутствует.*
36	I	чья в людоедчестве нынче очередь
	II	чья в людоедчество очередь
44		а не то что куст

45		*отсутствует.*
46		не поможет
51		*отсутствует.*
52—53		ложитесь и вымрите
54—55	I	И только опять волчьим голосом
	II	И только одна осипшим голосом
56		сумасшедшие проклятья мятелью меля
57—58		Рек и дорог поседевшие волосы
63		Сам смотрящий в смерть воочию
65		чтоб только не сдох
67		с горстью сухих крох
71		бросаем за стран границы
73—74		страшные нелепицы сыпятся в газетные страницы
После 75	I	9 ⟨ноября⟩
	II	11 ноября
78	I	то то едами ломились покоев их хлева⟨ы⟩
	II	то то едами ломились их покоев хлева⟨ы⟩
79	I	п⟨рокляты?⟩
	II	Буд⟨ьте?⟩ про⟨кляты⟩
	III	Будьте прокляты
81	I	Пусть придут
	II	Пусть
85—87	I	Гори над вами зарево
	II	Пусть горит над королевство⟨м⟩ зарево
88—90	I	выжги дотла
	II	пусть столицы ваши будут выжжены дотла
91—93		пусть из ваших наследников и наследниц варево варят в коронах котлах
94—100		*отсутствуют.*
101—105	I	Пусть канатом оплетут вас вместо речи
	II	Пусть канатом оплетут не речью человечьей
106—107	I	Из подвалов выходите эй
	II	нет идите эй
108	I	закрутите им веревкой вместо речи
	II	закрутите им канатом вместо речи
109		жир бычачьих шей

111—118 Фермеры до того доевшие допившие
что у них лебедками подымают пузо
от избытка пшеницу в океане топившие
125 I место где больн<?>
II место где боле<е> больно
128—132 По Северной и по Южной
катают брюха мячище футбольный
134—142 В связи с голодом зашевелилась эмиграция
Вооружает Врангеля с Советами драться
Вижу вас в ресторане
Покручивая усики
хвастаетесь Я патриот Я русский
145—147 людей отвращая предателей видом
Преследуемые золота французского звоном
скитайтесь вечным жидом
153 на поднебесной осине [1]
155—157 Жалуются сборщица<ы>
В Гротесках
в Ампирах
публика морщится
И после дадут
159 вышедшую из употребления в 1919 году
161 I Пусть каждый
II Пусть будет так
165—166 чтобы ножницами оборачивался бифштекс сочный
вспарывая стены кишок
169 I Именем всех умерщвленных тут
II Именем всех упокоенных тут
170—171 I Проклинаю отныне и вовеки
II Проклинаю Вас отныне и вовек
172 от Волги отвернувшие щек толстоту
173—174 ни к жирному пузу
ни к царскому трону
175 I в сердце в таком
II в таком
176—177 Эти слова ничего не тронут
Их трогать надо революции штыком
179 всехсветной армии частицам малым
181 I те <м?>

---

[1] Описка — вероятно, надо читать: сини.

II Силой чьей
185 I Мир вс<ехсветных?>
II мир несметных богачей
189—190 помещающимися едва
запишите это буржуазии на счет.
После 190 *зачеркнутые строки*:
Дети голодающих
отданные чехословакам
пусть
эхом
донесутся эти слова к вам
191—193 I И когда всемирного пожара
час настанет чадный
II Будет день
Вселенную пожар окружит чадный
195—197 Будьте так же будьте беспощадны
В час отмщения
и в час расплаты

Газ. «Известия ВЦИК», М. 1922, № 60, 15 марта.
Заглавие — Слушайте!

Газ. «Известия», «13 лет работы», т. I, «Стихи о революции», 1-е изд., «Для голоса»:
109 Толщу непроходимых шей
196 будьте беспощадны (в обоих изданиях сб. «Стихи о революции)

Бюрократиада (стр. 20)

Газ. «Известия ВЦИК», М. 1922, № 75, 2 апреля:
2 Машинка
8 из машинки вылазит трехкопеечная шоколадка.
18—19 раздул машинку в миллиарды крат
и расставил машинку по всей РСФСР.
45 Через шесть секретарш от младшей до старшей.
48 Потеряла след.
52—53 Бумажка плыла, шевелясь еле.
Лениво ворочались машинки валы.
75 бумага на подпись вернулась опять.
128 работали в праздники и в день субботний.
135 вновь вопрос обсуждался в пленуме.

«Маяковский издевается», 1-е и 2-е изд.; «13 лет работы», т. I; «Стихи о революции», 1-е и 2-е изд.; «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»:

75 бумага на подпись вернулась опять.

Мой май (стр. 30)

Газ. «Известия ВЦИК», М. 1922, № 96, 30 апреля:

6 спинам плугами потруженным,—
9 встретьте, товарищи,
12 В солнце снежное тай!
31 Я солдат —
33 Я матрос —
41—44 занесенным снегами,
голодом сглоданным нивам —
47—50 славьте трудом,
плодородием славьте,
славьте любви разливом.
52 пар гудков вздымай.

«Стихи о революции», 1-е и 2-е изд.:

2 на улицу вышедшим,

«Для голоса», «Избранное из избранного»:

26 славьте
31 Я солдат
33 Я матрос
42—44 селам,
степям,
нивам
47—50 рождений трудом (*«Избранное из избранного»* — рожденьем трудов)
плодородий разливом.
52 Дым гудков вздымай.
53 Я земля
55 Я завод.

Как работает республика демократическая (стр. 32)

Газ. «Известия ВЦИК», М. 1922, № 112, 23 мая:

178 В России и не встретишь такой рот

«Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»:

23 поезда от границы отходят ночью.

Стих резкий о рулетке и железке (стр. 43)

Журн. «Крокодил», М. 1922, № 5, 24 сентября:

Заглавие — «Напечатайте, братцы, дайте отыграться».

Подзаголовок — «От редакции. Выдержка из письма Маяковского крокодильцам.»

60 Рулетка — это стол.

76 должна быть польза для московского рабочего.

Германия (стр. 49)

Черновой автограф строк 1—7 в записной книжке 1922 г., № 18:

1—7 Это тебе Германия
от русского революционера
Это не от Рапалло
не счетам Наркомвнешторжьим внял
Никогда язык мой не трепала
комплиментщины официальной болтовня

Газ. «Известия ВЦИК», М. 1923, № 2, 4 января:

47 *отсутствует.*

После строки 49 заглавие песни — Песня немецких рабочих

«Вещи этого года»:

Заглавие первой части (строки 1—49) — «Немцам», *второй части* —«Немецкая песня» *(строки 50—97). Стихотворные строки напечатаны не одна под другой («столбиком»), а ступенчатой разбивкой («лесенка»).*

20—22 отстранял
на вас нацеленные
пули.

25—38 Голос мой
взрывался
песней о свободе,
руки фронта
вытянув
брататься.
Теперь
хожу
по твоей земле, Германия,
и любовь моя
к тебе
романнее цветет и романнее.
Вижу
цепенеют верфи на Одере.

Вижу
фабрики
сковывает тишь.
Нет
не верю
63 Мы пройдем
из Нордена
67—68 Из унтер ден линденских отелей вылазят,
73 за теперь
86—88 Будет
снова
в веселии
каждая улица
92—98 Будет
песня
из окон каждого Шульца.
И в ответ
свободный откликнется Рейн.
Это
тебе, Германия.
101 Этой
песне
счета с голодом
не свесть.

На цепь! (стр 53)

Газ. «Известия ВЦИК», М. 1923, № 10, 16 января, «Стихи о революции», 1-е изд.:

67 Но каждый шаг наш верный

Товарищи! Разрешите мне поделиться впечатлениями о Париже и о Моне (стр. 56)

Газ. «Известия ВЦИК», М. 1923, № 11, 17 января:

14 Подзевываю зевотой сладкой

«Вещи этого года»:

Напечатано со ступенчатой разбивкой строк.

23 Постоишь...

Пернатые (стр. 58)

Беловой автограф (ЦГАЛИ)

Заглавие — Пернатым товарищам.

Подзаголовок — Известинцам посвящаю.

6 Действующая Армия Газет
12 Темь
13 Косятся звездные лучики
18 Сенсации в плен берем на разведке
39—41 Сквозь стены
по армии вражьей
снарядом —
грохай стереотип!
54 разбитый петитом и корпусом
55 лежит на полях газетных территорий

Журн. «Красная Нива», М. 1923, № 3, 21 января:

40 снарядом
55 в полях газетно-журнальных территорий

О поэтах (стр. 60)

Журн. «Красная нива», М. 1923, № 7, 18 февраля; *«Вещи этого года»*:

Заглавие: Стихотворение это — одинаково полезно и для редактора и для поэтов.

8 тысяч двадцать поэтов изогнулись в дуги.
42 (редактора, от ямбов тающие)
47 например, «м л е к о п и т а ю щ е е»!
75 и затыкает стихами дырку за дыркою,
103 откидывается на решето
108 5) Сушится недолго
(успело перевечниться)
117 да смотри, чтоб рифмы не сбивались в кучку!
118—121 Чтоб «кровь» к «любови»,
128—131 чтобы их не тянуло портить бумажки,

«Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»:

Заглавие — Стихотворение это одинаково полезно для редактора и для поэтов.

8 тысяч двадцать поэтов изогнулись в дуги.
42 (к ямбу привык редактор лающийся!)
69 прошлогоднюю
75 и затыкает стихами дырку за дыркою
103 откидывается на решето
108 5) Сушится недолго
(успело перевечниться)
117 да смотри, чтоб рифмы не сбивались в кучку
118 чтоб «кровь» к «Любови»

131 Семашке

«Стихи о революции», изд. 2-е:

8 тысяч двадцать изогнулись в дуги

108 Сушится (не успело перевечниться)

117 да смотри, чтоб рифмы не сбивались в кучку.

119 «тень» к «дню».

О «фиасках», «апогеях» и других неведомых вещах (стр. 64)

Беловой автограф

Заглавие: I О:
«фиасках»
«апогеях»
и про ⟨другие неведомые вещи⟩.

II О:
«фиасках»
«апогеях»
и других неведомых вещах.

28 I А это терпит.
II А этого терпит.

Париж (Разговорчики с Эйфелевой башней (стр. 75)

Черновой автограф строк 1—14 в записной книжке 1922 г., № 18,

1 I Обшаркан миллионом ног
II Обшаркан тысячами ног

2 исшелестен миллионом шин

13—14 Стою один на Place de la Concorde

Журн. «Красная нива», 1923, № 9, 4 марта и «Вещи этого года»:

61 вьюнам богатых

78 На помощь придет Rive Gauche

90 прохожих ссыпят на камни быков.

142 к нам в РСФСР.

Стихи о революции (2-е изд.)

74 Я поднимаю рельсовый бунт.

Давиду Штеренбергу Владимир Маяковский (стр. 79)

Беловая рукопись с поправками

9 I Вбе⟨жали⟩
II Влетели сея смех и крик

13 I и Ося Брик
II и Оська Брик
III и Ося Брик

33 I выхваливали комкрасоты
II выхваливаете комкрасоты
35—36 I Казалось бы —
Что толку тут?!
II Хорош<о>
III Ладно
а много ли толку тут?!
41 I Митинги вот все
II Митинги вот и все

Люблю (стр. 85)

Черновой автограф строк 6, 14—80, 119—126, 134—157, 177—238, 243—246, 250—262, 267—280 в записной книжке 1922 г., № 10: Заглавие и названия главок отсутствуют.

6 очерствевает
14—21 I Под старость с испугу
прямится мажется
Морщины щеками облезлыми множатся
И под гусячею кожицей кажется
душа сама кулаченкой кукожится
II Под старость спохватятся
Женщина мажется
Мужчина в гимнастике мельницей машется
Но поздно морщинами множится кожица
Минуту любовь поцветет и скукожится
22 Мне тоже любовь равно дарована
25 отцами муштровано
30 ругалась мама
32 Отец грозился поясом выс<т>рекать
33—34 I А я с моей трехрублевкой фальшивой
II А я разживясь трехрублевкой фальшивой
35 играл с солдатьем на задворках в трилистика
41 пока под ребрами не заноет
43 В аршин был весь-то
В аршином весь-то <?>
44—46 а тоже бьется серденышком малым
47—49 откуда в этом аршине место
54 И юноше тоже занятий масса
55 грамматике учим дурней и дур мы
56—57 Меня ж из четвертого вышибли класса
58 швырять во все московские тюрьмы

59—61		В уютном вашем крохотном мирике
62		Для спален рождаются чахлые лирики
После 62		фыркаю
		Бутыркою
63		Кака⟨я⟩ ж любовь в болонках лириках
64—67		Любить как я учитесь в Бутырках
68		Что толку в каком-то Булонском лесе
69		Что толку в восторгах от видов на море
70—71		Люблю я бюро похоронных процессий
72—73		В глазке моей 103 камеры
74—75		Все время солнце глядит и зазнается
76	I	Что толку
	II	Чего мол стоют лученышки эти
77—79	I	За одного за оконного зайца
	II	За не ⟨го за оконного зайца⟩
	III	А я его оконного зайца
80		люблю превыше всего на свете
119—120		сидят в квартирках
122		мыслишкой звенят лбенками медненькими
123—125		Я шлялся
		лишь говоря с домами
126		пассажи были мне собеседниками
134		У взрослых доходы
136—138		Любить пожалте рубликов за сто
143		карман засунув
144		смотрел лишь глазасто
145—146		В ночи одеваем лучшее платье мы
147		отыгрываетесь на женах на вдовах
148—149		Меня же Москва душила объятьями
151—153		Любовницы серденками тикают
154		К ним никнут партнеры брачная⟨ого?⟩ ложа
155	I	Столиц сердцебиение дикое
	II	Столицы сердцебиение дикое
156		я слушал
157		с Страстною площадью лежа

После 157 строфа, не вошедшая в окончательный текст:

Я слушал ветров и ливней признание
Одарен мильоном фонарных улыбок
И ребрам в сводчатое здание
вмещалась еле сердечная глыба

177—178	И скоро больше чем можно чем надо

179—180		Как будто поэтовым бредом во сне навис
181	I	Любовный
	II	Сердечный комок разросся громадой
	III	комок сердечный разросся громадой
183		и громада ненависть
187—188	I	Я же вы знаете
	II	А я же вы знаете
190—191	I	Но рядом с сердцем я просто придатком
	II	Но я под сердцем я просто придатком
192	I	Сгибаю под тяжестью плеч моих сажень
	II	тащусь
		подгибая плеч моих сажень
193—194		стихов молоком удастся вылиться
195		Но сердцу не легче полнится заново
196—197	I	замучен я лирикой мира кормилица
	II	замучен лирикой мира кормилица
198—199	I	гипербола образа Мопассанова
	II	гипербола праобраза Мопассанова
200		Подняв силачом
201		Неся акробатом
206		Сзывал
207		Любовь
208		а вот
213	I	в лужи
	II	лужей
219	I	нам чтобы полегше
	II	нам бы полегше
220		вот вроде танго бы
221	I	нести не хочу
	II	нести не могу
223		хочу ее сбросить
225		не сброшу
226	I	Ломались от тяжести ребер дуги
	II	распор не удержат ребровы 〈дуги〉
227		И жилы взрывались в предсмертной натуге
228		А ты деловито
232—233		увидела просто огромного мальчика
234		пришла
237		пошла играть им
243		Такова полюбишь
244		этакий ринется

245—246 I Таких только Труцци
укротительница
II Таки<м> только
место в большом зверинце
III нашлась укротительница
должно из зверинца
250—252 Я только индейцем от радости прыгал
258 I Конечно мне не снесть и рояли
II Я ж даже не дотащу и рояли
262 сердце снесу обратно взяв
263—272 железо
раями
Креза
несгораями <аемый>
267—269 любовь в тебе как богатство в железо
278 Кутнув с другими.
280 рублей на десять любовной мелочи.

Беловой автограф:

I Официальное название
<ЛЮБЛЮ>
Неофициальное название
Дорогим Кисам
вместо объяснений и писем
II Официальное заглавие
ЛЮБЛЮ
Неофициальное
Милым Кисам
заместо объяснениев и писем
2 Но между дел,
12 манжет наделал
Название главки: Я мальчишкой
25 отцами муштровано,
30 Ругалась мама
32 Грозился папа поясом выстегать,
35 играл у реки с солдатьем в трилистика
Название главки: Юноша
57 из четвертого вышибли класса
69 Что мне восторги от видов на море
74—75 Глядят ежедневно солнце
зазнается

Главка «Мой университет» (строки 81—133) отсутствует.

Строки 119—126 вставлены в главку «Взрослое», после строки 144.

119—122 Сидят квартирками.
Нравятся даме.
Мыслишки звякают лбенками медными
146 I Надеваете лучшие платья
II Надеваете лучшее платье
147 отыгрываетесь
на женах
на вдовах
148 Меня же
151—153 Любовницы сердцами тикают
155 Столицы сердцебиение дикое
После 155 Вбирая ветров бредовое признанье
вселяя сиянье фонарных улыбок
росла
и ребрам в колонное здание
вмещалась еле сердечная глыба

Строки 158—176 отсутствуют.

195 Сейчас же сердце полнится заново
227 Грудная клетка гнулась с натуги
233 разглядела простого мальчика.
240 I чудо ей
II чудо будто ей видится
254 так было легко мне
Название главки: Отчего невозможно
265 Карман не удержит
269 Как в богатство железо
275 улыбку займу
280 I рублей пятнадцать любовной мелочи
II рублей пятнадцать лирической мелочи
Название главки: Так и со мною
282 Поезд и то к вокзалам гонит
286 К себе
скупой
спускается рыцарь
302—304 I Так я к тебе тащусь неуклонно
II Так я к тебе тянусь неуклонно

Черновой автограф строк 81—176 на 5 листках из блокнота.

84—85 I Спрягаете чудно славно склоняете
II Склоняете чудно ну и склоняйте

86—88 I А вы говорить с пассажами можете
II Небось с пассажем спорить не можете
III С пассажем спорить небось не можете
89 I Язык то трамвайный вы понимаете
II Язык трамвайский вы понимаете
93 I за бумажные ⟨дести⟩
II за тетрадные дести
102 боками учил географии
105 ночевкою хлопаюсь
106 I Мутят Иловайских большие вопросы
II Мутят Иловайских больные вопросы
108—109 I А мне — пускай не копаюсь в пропыленном вздоре я
II Пускай не копаюсь в пропыленном вздоре я
110 I любая в Москве мне известна история
II любая в Москве известна история
111 I Другим марксизм чтоб злое видеть
II Другим Добролюбов чтоб злое видеть
112 фамилия против,
117 с детства себя
122 в мыслишки звякают лбенками медненькими
133 вертя
язык свой
флюгер
147 Отыгрываетесь
на женах
на вдовах
155 Столицы сердцебиение дикое
158—159 В распашку с сердцем почти что снаружи
163 I У страсти всяческой весь я во власти
II Я
III Отныне я сердцем править не властен
165 заперто в грудь любому известно

IV Интернационал (стр. 95)

Черновой автограф строк 41—43, 65—72, 136—142 в записной книжке 1922 г., № 11:

41 С фарами марки марксовой
43 и время раздвигало мрак свой
136—137 И тотчас подъемля газетный вой
141 да едой

Черновой автограф в записной книжке 1922 г., № 12.
Заглавие и подзаголовок отсутствуют.

2—3 I Булок более было
чем звезд
II более
чем звезд
4—5 I в маленьких самых по фунту
II в маленьких и то по фунту
6—7 I А мы уходили в подполье
II А вы уходили в подполье
9 I Пили и ели пели
II Пили и жили
III Жили жрали и ржали
IV Жили жря и ржа
12 I Лифт франтих возил
II Лифт франтих винтил по этажам спокойным
13—14 I А мы в подпольи таились
II А вы в подпольи таились

После строки 14 незаконченный, дважды перечеркнутый отрывок.

I Море мира мрело,
II Мирно мир колесил
I И в море в этом мир
II был незыблем мир
Кокетничал вертясь на оси
в небо любуясь собою
I А мы уходили в подполье
II А вы уходили в подполье
16—18 I Капитализма незыблемый зад
В кресла времен валясь
II а капитализма незыблемый зад
В кресла времен ввалился
III В кресла времен ввалился
Незыблем
Капитализма зад
19 Жизнь ему
23 Глядели в глаза
24 I Набега⟨ющим⟩
II Атакующим дням революции
После 24 I А мы
готовились к баррикадному бою

II А мы
учились барикадному бою
27 I Гонялись изгнанники
II гоняли изгнанники
29 I В непомерные души
II В колизеи души
30 I в необъятные головы
II в стадионы головы
31 I еле еле внеся их в парижский чердак
II еле еле их втиснув в парижский чердак
32 I Собирали для битв
II Собирали в циф⟨ры⟩
33 I Всехсветную голь вы
II кругосветную голь вы
34 I Собирали к сраженьям
и строили так
II Так
После 34 I Маршем у мозга в лоне
II Маршем у масс в лоне
III У масс в голове лоне
IV Маршем в голове лоне
I Череп громя в гуле
II Голову громя в гуле
III Череп громя в гуле
I Шли негритосы колоний
II Строились негритосы колоний
I Шли китайские кули
II Стекались китайские кули
Приходил нищ нищ шел
I Приходил хил
II Шел хил
Косолапый шел и неловкий
шел от станка
шел от сохи
и бросившие винтовки
36—37 с плантаций и заводов
39 шли в марше
40 стройных пролетарских взводов
47 и коней огня
55 скакали прямо
56 вбок

58—60	I	Кронштадт на дыбы вставал над Невою
	II	Кронштадтом вставал на дыбы над Невою
61—62		Бедой Ярославля плескал огнегривый
		свивал Царицын в кольцо огневое
64		Махнет через гору
67		Взовьется над бездной
После 68		Но смело
70—72	I	коневый загривок вцепясь
	II	в коневый загривок вцепившись
		мчался наездник
74—76		восторжен до боли
		я мчался за бешеным темпом галопа
77	I	ударами сердца в слова колоколил
	II	по меди слов языком колоколил
79		Теперь доскакали
81	I	Пусть чадом мещанства
	II	Пусть чадом мещанство
83—86		Мы крепко сидим на обузданной туше
		дыхание частое ширит боками
87—88	I	Доехали
		Слезли
		и нынче ж сменили коня
	II	Сменили
		Битюг трудовой
89	I	Не мешкая
	II	И не мешкая
90—91		опять за поиск вселенского мая
92		и головешку за головешкою
94		дымы иные вздымая
103		пути сияньем зальет электричество.

Вариант строк 104—111 был записан раньше, слева от строк 79—99

104—111		И высверлит пулей поля и горы
		Пойди битюгами Россию промеряй-ка
		Но будет миг
		Ну что ж что не скорый
		У нас паровозная встанет Америка
112		В Поволжье въезжаем
115—116		Выжжен и чахл
		Но будет же час
120		и в калачах
124—128		Уткнулся в грядущее пальцем строчкой

В грядущее глазом образом вросся
130—131 Кто пьет молоко из реки ея
Кто берег кисель хлебает в покое
136—137 И тотчас
подъемля газетный вой
140—141 будет спаньем да едой
144—150 Зальют асфальтами улицы
Совдепы отстроют в несколько лет
и в праздники будут играть пролеткультцы
перед совдепом
в сквере

После строки 151 записана строфа 176—182.

152—154 Что ж
И для меня
этот вид как плеть
И я считаю, что октябрь не выгорел
155—160 I Если и через сто лет млеть
II Если коммунисты
будут млеть
оперой наслаждаясь
в Игоре.
161—168 И я посчитаю что дошли до дырки
И пятак не соглашусь за коммуну
дать
Если в ней от всей лирики
одно останется
Идем спать
169—175 И я в два счета из коммуны выселюсь
Съеду
Как осенью дачники с дач
Если и в коммуне будут работать мыслью
Только для счета кухаркиных сдач
176—178 I По⟨смотрите⟩
Смотрите
Настало идет уже
вот оно
179 I на месте на⟨ших⟩
II на месте ваших возвышенных чаяний
181 сидя за пироженью рвотн⟨ой⟩
183—185 Любовь какой обеспечит Собес
I Кто нам поможет душ калекам

II Кто вам поможет душ калекам
186—190 I Довольно Я
Я это сделаю
если без
меня
об этом подумать некому
II Довольно
мы
футуристы
если без
нас
об этом подумать некому.
191—196 Отряд наш одним желанием юн
Дряхлую душу б из мира вытрясти
Поднять коммунаров на новый бунт
После строки 198 записана строфа 209—220
199 *отсутствует.*
201 одарите домом
202—203 не так и не даром
209—212 Бегу и растет за мной эмигрантом
214 Я знаю
218—220 загнанный собственной голове на чердак
222 Грядущие восстания и бунты славлю
228—229 Молотами мысли головы содрогая
артиллерией артерий ухая
236 I на изготовку уши
II на перевес уши
241 подтянись эй-ка
242 I Смирно
II вперед
III Смирно
250—252 К правде величавой
пришел
чтоб ею и вас учить
Беловой автограф с поправками в записной книжке 1922 г., № 13. Заглавие и подзаголовок отсутствуют.
62 Царицын берет в кольцо огневое
71 I вцепившись
II вцепившийся
83 Крепко
115—116 выжжен и чахл

124—126	I	Уткнулся
	II	В грядущее тыкаюсь пальцем строчкой
131		Кисель берега расхлебает опоен
152—154	I	Разве вас не хлещет афиш плеть
		Октябрь кончился
	II	Свистит любой афиши плеть
		Капут Октябрю
166		одно остается
170		в коммуну ли мещанина выселим мы
175	I	орудует лишь при счете сдач
	II	только над счетом кухаркиных сдач
181		нажравшись пироженью рвотною
185	I	Семашко ль поможет духовным калекам
	II	Семашко ль поможет душой калекам
186—189		Молчание
		Я
		возьмусь
		если без
		меня
191—194	I	Зову
		идите все кто юн
		седую душу из мира вытрясти
	II	Кажд⟨ого?⟩ омолаживаю
		Кажд⟨ый⟩ омолаживайся
		Спеши
		юн
		седую душу из мира вытрясти
199—200	I	Академиком называй⟨те⟩
	II	Академиком награждайте
	III	Во имя этого
		Академиком награждайте
201		Одарите домом
203		ни даром
214		Я знаю
218		А нынче
После 240		Подтянись
250—252	I	К правде величавой
		пришел
		и вас хочу учить
	II	Миры величавые
		вижу

Любой приходи и учись

Журн. «Красная новь»:

161—168 заменены точками.

192—198 заменены точками.

V Интернационал (стр. 105)

Черновой автограф строк 35, 38—40 в записной книжке 1922 г., № 11

35 обкормлен досыта

39 Я буду говорить просто

Две не вошедшие в текст строки:

Нарком передался рассыпался веером
Он пьет коньяк с Конрад Мейером

Черновой автограф I и II части в записной книжке 1922 г., № 15. Заглавие, подзаголовок и прозаический текст отсутствуют.

5—6 ах как возвышенно
как божественно

8 I Я двенадцать лет не ходил в церковь
II Я двадцать лет не ходил в церковь

9—10 и я уже никогда не буду ни в каких церквах
В октябре
при разгроме Василия Блаженного

13 выбежал на пушечный зов

16 богу поэзии для о̀бразов образо̀в

21 I Я тридцать лет оттачивал мозг
II Я тридцать лет отращивал мозг

23 а для создания роз

27—29 I моей словостройки конструкция взвеена
II эта моя словостройка взвеена

30 I Я встать бы хотел
II Я встать хочу

31 I Эди<ссонам>
II в ряды Эдиссонам

35 Я обкармливался стихами досыта

40 фразами подстрочника Марго

Первоначальный вариант строк 41—45 записан после строки 33 и зачеркнут.

41—43 I Я дам поэзии вашу форму
II Я даю стихам новую форму
III Я
поэзии
одну разрешаю форму

46 Я к поэтической болтовне привык
52 I атакующей
II атакующему будущему труба
53—54 если я говорю бе
55 I это бомба новая человечеству в борьбе
II это новая бомба в человеческой борьбе
После 55 прозаический текст отсутствует.
63—64 Не правда ли
I для начала благополучно
II начало благополучно
68 покручу
70 и вновь довинчиваю
75 похоже на самоусовершенствование иога
После 75 Словом
81—82 причина и коренится
почему мне не нужна никакая заграница
83 I Ездить в вагоне
II Ехать в духоте
86—87 чтоб потом на Париж какой-нибудь пялиться
Да я его из Пушкина вижу
91 руки в карманы заложи и стой
99 Прохожие повозмущались
103 мало ли мол какие у футуриста блажи
105 даже пользоваться стали
107—108 Идите мол прямо
тут еще стоят такие большие безголовые ноги
110—111 по шоссе направо
потом налево
тут вот и покажется Акулова гора
После 111 прозаический текст отсутствует.
123 обозреваю окрестность
После 124 прозаический текст отсутствует; сначала записаны строки 130—133, за ними строки 125—129 и затем переставлены:
125—129 Акуловка
Чанчикова<о>
и прочие села
Крыши железные
Народ веселый
131—133 Как не путаются не вмещает ум
Станция увеличилась раза в четыре минимум
134—136 I Серпозность

приходит поздно

II Серьезность

поздно

является

137—140 А молодежь известное дело забавляется

Я нагнулся

и глядя на рельсовый путь

стал в трубу паровозу сверху дуть

141—144 *отсутствуют.*

145 Дамы по пыли

147—149 I бегут расфыркавшись как насморк верблюжий

II бегут расфыркавшись в насморк верблюжий

После 149 прозаический текст отсутствует.

150 Пушкино измельчилось

153 как пожарная лестница

154 I и голову уже

II и голова уже

После 158 Москва по ихнему

Великая строительная эпоха

А по моему

просто

стой и охай

После 158 прозаический текст отсутствует.

159—160 Дом Нирензее видели

162 над лачугами крышу взвеивая

165—167 под домами

лачужкой крыша нирензеевая

После 167 прозаический текст отсутствует; четыре следующие строки вошли в измененном виде в предшествующий прозаический текст:

Дым домов.

Дым асфальтной варки

Дым богородских фабрик

Дым пароходов Москва-реки.

168 I Лубянс<кий>

II Водопьяный переулок отыскиваю пока

169 Москва рассыпалась

171—175 и отзмеилась Ока

Горизонт бровей лесов хмурится

Еще вытянулся

и становища Муромца

из глаза вон
178 I одуряющ и пьян
II одуряющ и прям
181 I а направо зигзаги<ще>
II а направо зигзажище Днепра
После 181 прозаический текст отсутствует.
182—184 Голос просторов разветривается
Басов
185—186 I и мнятся над ордами облачных гульб
II И кажется над сечью облачных гульб
199 и те пе
политические опилки
200 I Гущью тел по копям скрученная
II Гущью тел искалеченных по копям скрученными
212 закованная в горы-панцырь
219 Шею оборачиваю в полоборотца
224 луч оттачива<я? ет?>
о горы Гималайские
225—230 *отсутствуют.*
После 231 прозаический текст отсутствует.
231 Пользуя<сь> случаем
240—241 I И <Куки>
II Куки и Пири
242 I за<воевывают>
II отвоевывают за шажком шажок
243 в пуп земли
246 Смотрю
252 I Растираю льдышки обмороженных щек
II Растирая льдышки обмороженных щек
253 I выпрямился
II разогнулся
254 и завинтился еще
После 262 прозаический текст отсутствует.
280 I Наглядевшись дивес
II Наглядевшись американских дивес
После 283 прозаический текст отсутствует.
286 туманностью земля
288 I голоса в единое мелево смеля
II голоса в елиное шумливо смеля
307 Ничто не разрежут времени ножи
После 312 прозаический текст отсутствует.

После 319 прозаический текст отсутствует.

320		Мое ж пребывание небэм не считано
321—322	I	и от ⟨зорь⟩
	II	и я
		От зорь его
326		тело лазорево
		тело сквозное
327		Я так растянул мою материю
332—333		титаном боролся с потерею
334—335	I	моего
	II	привычнейшего
340		рухнет
341	I	прах рассеется в пух
	II	прах развеется в пух
342—343	I	Я оковался мыслей каркасом
	II	Но я оковался мыслей каркасом
344		И выметаллизировал дух
352	I	Каждая ⟨мысль⟩
	II	Тончайшая мысль
358—359	I	А ухо
		просто невероятно⟨е⟩ ухо
		не знаешь это ухо
		или штопор
		Я
	II	Штопором развинчивается напрягшееся ухо
		Я мог бы насквозь просверлить им

После 362 прозаический текст отсутствует.

363		Здесь тихо до жути
366		и уши привыкли
367		Сперва не разбирал и разницы нот.
368	I	всего развинтившись версты на три!
	II	это всего-то развинтившись версты на три!
372		И вот
373	I	не то что полет расслышу муший
	II	не то что мухин полет расслышат уши
374—375	I	Слышу пульса биенье на лапке мушьей,
	II	Слышу пульса биенье на каждой лапке мушьей.
377—378		вздор муха
		Я слышу
383		выворачиваясь на оси
386	I	Наворачивается валун на валун им

II Наворачивается облачный валун на валун им

Строки 391—392 записаны после строк 393—397 и затем переставлены:

391—392 Каждая по
своему голосила
небесная сила

407 I А солнце
дирижер

II Солнце
дирижер

410 шипеньем обливаемой сковороды

412 как с чудовищного пера

414 I покрыва⟨ет⟩

II пронизывает оркестр весь

415—416 I Это выворачивают чудовищную спираль

II Это выворачивает чудовищную спираль

III Это выворачивая чудовищную спираль

418—419 Какофония
И вот

423 вдруг
нащупываю какие-то буковки

435 I Нью-Йорк

II Чикаго

439 Ловя долетавшее сюда извне

441 *отсутствует.*

442 От каждой пылинки гудел и звенел

443 I антеннами уха

II антеннами глаза

445 и носа

После 445 прозаический текст отсутствует.

446 Так
миров одоления ради

447 I охвата ради
веков дистанция

II охвата ради
веков дистанций

449 огромной радиостанции

После 449 прозаический текст отсутствует.

После 449 Что же это такое

451—452 I просто не поверят что есть такая машина

II просто не поверят какая такая машина

453—461 I а из ув...
II Поэты любящие только то что мглисто
скажут
это просто
направление унанимистов
христиане скажут
это
немного
похоже на всемогущество бога
Коганы скажут
463—465 Это символизирована посмертная слава
466—467 Марксисты всесторонне обсудив диво
скажут
468—469 I это мощь коллектива
II это
это мощь коллектива

После 469 прозаический текст отсутствует.

473—474 А я говорю
что это
только это
475 I И есть
называемое настоящим поэтом
II и есть
называемое коммунистическим поэтом

В первоначальном варианте строки 476—481 были записаны после строк 482—486. Затем весь вариант (476—486) был зачеркнут и переработан.

476—477 I Непоколебимостью уподобьтесь горам
Влейте всю вселенную в то что мы орем
II Неколебимей и выше гор
III Стою неколебимей и тверже гор
479 Выше
482—486 I Забывая и обедов
и историй сроки
1 будто дуб
питаться мог
2 будь я дуб
я питаться б мог
миром всем
вливающим соки
в корни вросших ног

II 1 Мы переживем через ⟨все сроки⟩
2 Мы переживем ⟨все сроки⟩
чтобы я вот
1 прожить мог
2 прожить один мог
Вся Россия в меня вливает соки
корнями вросших ног
488—490 У кого лет двести свободных есть
может свободно мой опыт произвесть
а захотелось вниз

После 492 прозаический текст отсутствует.

495 свободно разгуливали в тридцатом веке

После строки 495 отсутствуют весь прозаический и поэтический текст до строки 530. Отсутствующие поэтические строки находятся в записной книжке № 16 (см. стр. 302) и включены в текст позднее.

531—532 отсюда видны только общие пятна
Внизу
сейчас подо мною
535 I моя родная страна
II моя любимая страна
536—540 *отсутствуют.*
541 Только еле-еле
543—544 А это должно быть Польша
из кусочков ссучена
546 Чтоб этакое склеить
548 I Слюней одних тысячу литров
II Слюней одних с тысячу литров
549—553 Стоит потянуть лоскуточек вам
и вся она разлезется по швам
554—555 I А рядом кратера огнедышащий зной
II Германия — кратера огнедышащий зной
556—557 камней и пепла вечное сеянье
558—559 То лава застывает соглашательской желтизной
I А то красная
II то красная
взрывается революцией землетрясением
А дальше
565 сплошной ростовщичий фрак
567 I даже синий
II прямо синий

568 только сорочки блестят
569 I как солнце на маслине
II как блик на маслине
573 А на горизонте
577 I И то
II Иногда лишь
578 туч горы
579 I опалялись
II вспыхивали звездой света
583—584 А когда сворачивали лучей веер
586 какой открывался фейерверк
588 I взрыв огнистый
II вид огнистый
III огнистый

После 588 прозаический текст отсутствует.

I и он⟨и⟩ горят линиями рядовыми
II Подо мной развертываются огней параллели
597—598 I А там вон линий огни поредели
II А там вон в линиях огни поредели
609 Руж

После 616 прозаический текст отсутствует.

После 617 моя станция
618—619 рвения
I веяния
II радостно принимала малейшее веянье

Строки 620—627 записаны после строк 628—637.

623 I инт⟨ересуясь⟩
II волнуясь и дрожа
628—637 I Судите
не радио а мат
выдержанный в сплошном рыде
Ллойд Джордж приглашает
вас на конференцию в Мадриде
II Дальше
уже
не радио а мат
выдержанный в сплошном рыде
Чего ж не едете
а еще дипломат
Послезавтра в Мадриде

После 637 прозаический текст отсутствует.

639		Из Лондона несколько слов
640—646	I	Лондон отставка надуло лоб
	II	Ллойд Джордж Болезнь Надуло лоб
	I	В Конотоп
	II	Конотоп
650—651	I	Радио Париж Пуанкаре
	II	Париж Берлину
	III	Пари⟨ж⟩
	IV	Берлину Париж
653—654	I	Из ⟨Берлина?⟩
	II	Берлин Парижу
	III	Парижу Берлин
655	I	Отстаньте нету
	II	Монет нету
657		пишет Фош
662		и заплатим
664—672		*отсутствуют.*
673—676		Надоели мне эти радио-сплетни Виноват Я вам не дачник летний
678—679	I	с облаками покамест
	II	Не будет нового покамест затянусь облаками с

После 689 прозаический текст отсутствует.

681		тучами застит
685	I	одной головой плыву головастить
	II	горой головы плыву головастить
	III	Горой головой плыву головастить
687—690		Эскадрой Верблюдо Корабле Драконьей Засыпаны золотом Солнечным Крезом
692	I	об лоб разбиваются — облакорезом
	II	об лоб разбиваемы — облакорезом
694—696	I	закатится тучам по скату
	II	закатится с туч⟨и⟩ по скату
697—698	I	лязгами ⟨расчересчурясь⟩
	II	визгами расчересчурясь
	III	над ухом грохотом расчересчурясь
699		Втыка⟨ю⟩ в уши облако вату
700	I	Стою в тишине на облако щурясь

II Стою в тишине на молнии щурясь
701—703 I И дальше б⟨ежит?⟩
II И дальше летит эта самая Лета
704 I и дни текли не злобясь и не больствуя
II не злобствуя дни текли и не больствуя
III не злобствуя дни текут и не больствуя
После 707 прозаический текст отсутствует.
708 I Лишь чутьем подсознательным
II Лишь в чутье подсознательном
709—713 проселка окольней
мысль о культурном росте поколений
раньше аэро еле шуршали о голени
719—721 Но вот
однажды
случилось такое
725—726 что твои стебли
землетрясением колеблет
728 I в эту разнеженную няньку
II в эту облакову няньку
731 I Буд ⟨то?⟩
II Все законы мира вывернув наизнанку
732—733 с земли пустили в небо грозу
737 I Англия
II Париж
738 Версаль забыли
740 I Германия
II Венгрия
743 I Кровь
II Фош
746 Deutschland [1]
749—750 Закрываем Европе кредит
Предлагаем долги возместить взносом
752—754 I А ну иди
тк⟨нись⟩
II А ну иди
сунься носом
755 Радио за радио пляшет
756—758 I Воздух в сплошном громобуквом ералаше
II Воздух в сплошном грозобуквом ералаше

---

[1] Германия (*немецк.*).

После 758 прозаический текст отсутствует.

759 Пальцами дредноутов

762 I Гер⟨мания⟩

II Г.С.Р.— РСФСР — руку жала

763—766 а под пальцами было чуть-чуть мокро
(Здесь Польша когда-то коридорами лежала)

После 766 прозаический текст отсутствует.

767 Под пламенем крики

773—774 Вот один конец

777—780 врезался в сердце земли французской
Сжались
стараются
в черноту б поймать

784—788 Кайма эта
эффектнее не видел ничего я
тянется и тянется на острие лучевое
И смазали черное
друг в друга влив они
пламя
как капли на стеклах в ливни

793 вгрызается зубец краснозвездный

794—802 *отсутствуют.*

803—805 Сметая границ норвежских следы
и севером рвется красная буря

Дальнейшие строки записаны отдельно в такой последовательности: 813—820, 809—812, 825—831.

810—811 Сибирью лился третий лучище
и красный поток его

813 Луча четвертого жар

814 вонзил в юго-запад зубец длинный

Вместо строк 815—817 записана рифма:

раджа

818—820 то перекидывается в долины

821—824 *отсутствует.*

825—828 А справа пятый
растет такой же
блеснул краснотой у негров по коже
и по Сахаре

После 831 прозаический текст отсутствует.

Строки 832—838 записаны отдельно, на несколько страниц раньше.

832 Видит Америка

835—838 Впрочем это сегодня
не моя тема
это уже описано в знаменитой поэме 150 000 000

После 838 прозаический текст отсутствует.

839—843 Не дышу заколдован
смотрю
и я
вижу наконец
844 I вся земная масса
II земная масса
845 сплошь попавшая под краснозвездные острия
847 засияла вторым Марсом

Дальнейший порядок строк нарушен.

Строки 848—936 записаны в следующей последовательности: 915—936; 898—914, 888—897, 848—856, 875—880, 857—864, 881—887, 865—874.

860—861 Голодный — мне — надоел человек
868—869 Воздух рот восторженно пьет
870—872 I И только иногда вычесываю лениво
II Только иногда вычесываю лениво
III И только иногда вычесываю лениво
878—879 I Не знаю текло
не текло оно
II текло
не текло оно
не знаю
880 должно быть текло
881 *отсутствует.*
882—885 Тучи в клочики в клочечки
клочишки
и вдруг исчезло все
все до последнего

После 887 прозаический текст отсутствует.

888—889 I На всем
II На все⟨й⟩ земле
901—903 Лила наводнения буйна и гола
911—913 I росло из земного из каждого дюйма
II росли из земного из каждого дюйма
914 I каналы строения и зеленя
II строения и зеленя
916 восторженный на феерии рей

917 I Вон
II Реальнейшая
923—924 Маяковский снова человеком будь
925—927 I Напря<жением>
II Силой мускулов нервов и жил
928 *отсутствует.*
931—933 Пусть кажется небылицей кое-кому
Это я
в конце XXI века
935 I в сердце объединенных коммун
II в сердце Федерации коммун

После 936 прозаический текст отсутствует.

Черновой автограф начала второй части поэмы (строки 496—529) в записной книжке 1922 г., № 16.

Заглавие, часть, прозаический текст и подзаголовок отсутствуют.

502—504 и чтоб была поэзия коллективистичней чем у футуриста
511 не вытащишься из лирической ямы
516—517 Год за годом как карты в око
518—519 I с высоты
II с прошлых многовековых высот
520 видит высоты грядущих веков
521—524 Если подо мной
и города муравейников менее
то мне наплевать на всякие местоимения

После 524 подзаголовок и прозаический текст отсутствуют.

525—528 Земля подо мной
каплей из-под микроскопа
загогулина и палочка и загогулина
I лежит грудой раскопок
II лежит Европа грудой раскопок

Газ. «Известия ВЦИК», М. 1922, № 203, 10 сентября.

Заглавие: Тридевятый Интернационал.
8 частей.
Первая.

Посвящение: Л. Ю. Б. *(Л. Ю. Брик)*

В конце первой части примечание автора:

«Продолжение следует!

Дальше будет говориться о слышанном и виденном маяковской радиостанцией с 1950 по 2050 год».

200 гущей тел искалеченных, по копям скрученными

247 чуть не носом тыкаюсь в ледовитые пятна,
383 выворачивается на своей оси

Газ. «Известия ВЦИК», М. 1922, № 214, 23 сентября.

Примечание автора к заглавию «Пятый Интернационал»: «Четвертый», «тридевятый», «пятый» Интернационал — названия одной и той же вещи. На заглавии «Пятый Интернационал» остановлюсь окончательно».

Посвящение: Л.Ю.Б. *(Л. Ю. Брик)*

758 и грузобуковом ералаше.
После 758 Что это! Скорее! Скорее!
777 врезается в край земли французской.
793 вгрызается зубец краснозвездный
После 936 Самое интересное, конечно, начнется отсюда

Сб. «Избранный Маяковский»

134 Серьезность
После 230 Я человек ужасно любопытный. С детства.
247 чуть не носом тыкаюсь в ледовитые пятна.
383 Выворачивается на своей оси.

Сб. «О Курске, о комсомоле...»

200 гущей тел искалеченных, по копям скрученными,
247 чуть не носом тыкаюсь в ледовитые пятна,
788 Красное и красное — слились как ртуть
После 936 Самое интересное, конечно, начнется отсюда.

Черновые наброски к поэме «Пятый Интернационал».

Черновой автограф первого наброска к поэме «Пятый Интернационал» в записной книжке 1922 г., № 14.

Дома. Дома. Дома
искуснейшей стилистик⟨и⟩
⟨Каменщики⟩ над сорокаэтажными потели
колонки
у колонок листики
в капители
52 года назад обнародовано декретом
человечеству
всему все дома
⟨Человечество⟩ жило из лета в лето
задарма
Ныне город пустынен
Какая ж разверзлась под ним преисподня

Кто с пуховиков
пролежавшихся поднял?
Бежа от тяжелого
ломая комкая
бросаются лестниц головоломкою
Те
кто не мог пробиться сквозь толщу тел
по подоконникам
на корточки
трясли окно
за перекладины
за форточки
и выдрав рамы
с тридцатого этажа
на землю
прямо
Разрывалось тело пузырь
трескались головы арбузы́
Попадающееся выломив
улицы за́ город
за город Нилами
Дорога ревет
не дорога
ревога
Тревога в городе
тревога
тревога
Затянул было волынку
какой-то Уитмен демократ
На земле мир в человецех благоволение
Я всему и всегда рад
Но люди раскрутив
его собственные вирши
на шею ему и вздернули повыше
Магазины даровые пит<ь>е
пища
20 на дом
не менее
А люди
на улицы
вгрызли зубища

в каменья
Ваня не надо не надо
Что ты
Дам калач не плачь
Я никогда не съем такой
желтый
с паршивым названьем калач
Почему не автобусом
отчего не поездом
пешком чего
Улицы ж
столетия культурою протопанные
отчего за городом
ордою кочевой
остановилось становье допотопное

Варианты чернового автографа первого наброска.

1—2 Дома и дома. Дома
всевозможной стилистик⟨и⟩
3 I Комнаты чтоб спали
чтоб мылись
чтоб ели
II Комнаты чтоб спали
мылись
ели
III Каменщики
над сорокаэтажными потели
4 I снаружи колонки
II Самые желтовские
колонки
III Самые разжелтовские
колонки
10 Человечество жило из лета в лето
30 Разрывался тело ⟨а?⟩ пузырь
67 выбежало за городом
69 встало становье допотопное

Черновой автограф второго наброска к поэме «V Интернационал» в записной книжке 1922 г., № 14.

Я не окончил речь еще
еще бросались слова ругуны
Ленин
медленно

подымает ве́чища
Разжимаются губ чугуны
Раскатываясь пустотою города гулкова
на мрамор цоколя обрушивая вес
загрохотали чугунобуково
ядра выпадающих
пудовых словес.
Садитесь товарищ
а где-то в уме там:
носит чушь такую пороть его
видят занят
стою монументом
за чем только смотрит эта Фо́тиева
Владимир Ильич
Напрасно зовете
Что ей воскресать пустяковины ради
Меня ль секретарша и дверь озаботит
И сквозь грудь я пролезу
Радий.
Расставьте кругом сторядие стражи
Духовный весь испугаюсь кого я
Стража <у?> пройду и у стражи даже
Лучом разблещу острие штыковое
Меня никакая ограда не сглушит
Хоть вчетверо вымножись стенка кремлева
С асфальтов взовьюсь и врежусь в уши
восставшим кипящим песенным ревом
Заткните уши
глаза заладоньте
не слышать бы и не видеть ни зги
чувствуете тонете
из воздуха
качкой вздымаю мозги
Здесь мировой революции рейд
Я якорь бросаю
стану как дома
Не отмахнетесь
Сегодня я пред
Совнаркома
— Про Вас Маяковский
не слышал я

кроме
того
что вы ничего стихошлеп
Я вас не встречал
ни в каком Совнаркоме
Вы может быть не нарком а наркомик
вы хоть бы мандат нацепили на лоб

Варианты чернового автографа второго наброска.

2 еще вздымались ⟨слова ругуны⟩
Ленин
3—8 вечища приподымает
22 Сквозь грудь я пролезу
I Расставьте кругом трехрядную стражу
II Расставьте кругом трехрядие стражи
34 Не знать не видеть не слышать ни зги
35 почувствуете тонете
37 качкой влезаю в мозги

Про это (135)

Черновая рукопись

Черновая рукопись поэмы «Про это» более полно, чем другие рукописи, отражает процесс работы Маяковского над стихом и представляет важный материал для изучения «творческой лаборатории» поэта. Ввиду этого в настоящем томе публикуются не только варианты рукописи, но весь ее текст с соответствующими вариантами, отражающими последовательные стадии «обработки слова».

В левом столбце страницы печатается текст рукописи, справа — варианты. Последовательность вариантов обозначена римскими цифрами. Нумерация строк соответствует нумерации основного текста поэмы. Строки рукописи, не вошедшие в основной текст поэмы, печатаются в левом столбце без нумерации, с указанием: после строки такой-то. Если в числе этих строк находятся зачеркнутые — они помещаются в правом столбце. Рукопись публикуется с сохранением пунктуации автографа, а также орфографии, имеющей стилистическое значение. Если один и тот же вариант записан в автографе в двух или нескольких местах, он печатается один раз, но в сопроводительном тексте указывается, на каких листах и оборотах велась предварительная работа. Также отмечается место тех заготовок в рукописи, которые намного опережают текст или, наоборот, записаны позже.

Окончания слов и строк, дописанные составителями, ставятся в ломаные скобки; предположительно дописанные окончания сопровождаются вопросительным знаком в ломаных скобках.

Черновая рукопись поэмы «Про это» записана карандашом на 38-ми двойных листах линованной бумаги, в основном без разбивки строк; часть строк разбита «столбиком».

Текст поэмы расположен на одной стороне листа. Вся предварительная работа над стихом (поэтические «заготовки») находится на 30-ти оборотах. Вступление, написанное позже, чем начало первой части поэмы, занимает отдельный двойной лист. Остальные листы сложены тетрадками по 6, 5, 3 и 2 листа в каждой. Последние шесть листов (лл. 33—38) разрознены, их чистая половина оторвана.

Про что про это

Первоначальный вариант строфы 1—7 записан на обороте листа 6.

1—3	В этой теме и личной и мелкой		Этой темой и личной и мелкой
4—5	повторенной не раз и не пять	I	повторенной не раз и не пять
		II	перепетой не раз и не пять
6	я кружил поэтической белкой		я кружил дрес<сированной>
7	и кружиться буду опять		покружил и кружусь опять
8—10	Эта тема сейчас и молитвой у Будды		
11	и у негра вострит на хозяина нож		
12—13	Если Марс населяет один сердцелюдый		Если Марс населяет хоть один сердцелюдый
14—17	то и он сидит и скрипит про то ж		он вот так же сидит и скрипит про то ж
18—19	Эта тема придет калеку за локти	I	Эта тема придет калеку за локти
		II	Эта тема калеку притянет за локти
20—22	подтолкнет к бумаге прикажет скреби		

23—25	и калека с бумаги срывается в клёкоте	и срываются буквы с бумаги в клёкоте
26	только строчками в солнце песня рябит	
27—28	Эта тема придет позвонится с кухни	
29—30	повернется и сгинет шапчонкой гриба	
31—33	и гигант постоит секунду и рухнет	Чело<век>
34	под записочной рябью себя погребя	
35—37	Эта тема придет и укажет Истина	
38—40	Эта тема придет и велит Красота	Посмотри как прекрасно веки расставь
41—42	и пускай перекладиной кистираскистены	I и висит человек … II и течет человек …
43	только вальс под нос мурлычешь с креста	I Только вальс под нос мурлычу с креста II Только вальс под нос мурлычет с креста
44	Эта тема азбуку тронет разбегом	I Эта тема азбуку тронет в разбеге II Эта тема азбуку тронет с разбега
45	уж на что б казалось книга ясна	Уж чего б казалось чиста и ясна
46—48	и становится А недоступней Казбека	и простое А недоступней Казбека
49—50	Замутит оттянет от хлеба и сна	
51—52	Эта тема придет и вовек не износится	
53—54	только скажет отныне гляди на меня	только скажет мальчишке гляди на меня
55—56	и глядишь на нее и идешь знаменосцем	
57	красношелкий огонь над землей знаменя	

58—59	Эта хитрая тема нырнет под события	
60	в тайниках инстинктов готовясь к прыжку	тайниками инстинкта готовясь к прыжку
61—62	и как будто ярясь что посмели забыть ее	
63—64	затрясет и посыпятся души из шкур	

Первоначальный вариант строк 65, 69 был записан в обратной последовательности:

		эта тема взглянула в мое ежедневно
		. . . .
		искривила губу и отбросила гневно
65	Эта тема ко мне явилась и гневная	I Эта тема ко мне явилась и гневная II Эта тема ко мне явилась и гневно
66—68	приказала дать ей дней удила	
69	Посмотрела скривясь в мое ежедневное	Посмотрела скривясь мое ежедневное
70	и грозой раскидала людей и дела	
71—72	Эта тема пришла остальное оттерла	
73—74	и одна безраздельно стала близка	
75	эта тема ножом подступила к горлу	
76—77	эта тема дулом стоит у виска	
78	Эта тема день истемнила и в темень	Эта тема пришла истемнила и в темень
79	колотиться велела строчками лбов	колотись велела строчками лбов
80	имя этой теме любовь	

Строки 84—87 отсутствуют.

88—93	Лубянский проезд Водопьяный вид вот вот фон	
94—95	в постели она она лежит	I Лиля в постели Лиля лежит II В постели Лиля Лиля лежит
96—97	он на столе телефон	I у меня на столе телефон II У него на столе телефон III Он дать велит телефон

Строки 98—111 вначале отсутствовали. Работа над ними началась после того, как была написана вся страница (строки 88—149). Справа на полях записаны черновые варианты строк 98—111.

98	Он и она баллада моя	I Она и он трагедия моя II О нем и о ней баллада моя
99	не страшно нов я	I не темой трагичен я II не темой страшен я
100—101	Страшно то что он это я	Трагичен тем что он это я
102—103	и то что она — моя	I она — это жизнь моя II а она — любовь моя III и тем что она — моя

Первоначальный вариант строфы 104—111 записан справа на полях:

А при чем телефон надежда дурман
I Он в несчастьи соломинка Ясно.
II Телефон соломинка Ясно.
I А при чем в этой драме ⟨тюрьма⟩
II А при чем в балладной драме тюрьма
III А при чем в балладовой драме тюрьма
I Это Вас совершенно не касается

		II Это никого кроме меня не касается это дело мое частное

Переработанная строфа 104—111 записана ниже чернилами:

104—106	Где тюрьма рождество кутерьма	При чем тюрьма рождество кутерьма
107	Где решетки в окошке домика	I без решеток оконце домика II без решеток окошки домика
108—109	Это вас не касается Говорю тюрьма	
110—111	стол. Телефон соломинка	на столе телефон соломинка
112	Тронул еле волдырь на теле	Трубку тронул еле ожог на теле
113	Трубку из рук вон	I из ладони трубка вон II Горящую трубку вон
114—115	две стрелки яркие фабричной марки	I из фабричной марки две молнии яркие II фабричной марки две стрелки яркие
116	омолниили телефон	I окружили огнем телефон II обвили огнем телефон III изэлектричели телефон IV драконом хранят телефон V обмотали огнем телефон

Строки 117—121 записаны позже на полях.

117—119	Из соседней комнаты бурчат спросонок	
120—121	откуда это у Маяковского живой поросенок	
122	А это с ожогов звонок визжит	Звонок от ожогов уже визжит
123	добела раскален аппарат	
124—125	больна она — она лежит	а она в постели она лежит
126—128	Скорей опоздаешь пора	I И это сказать пора II А это сказать пора III Скажи опоздаешь пора

129 Мясом дымясь сжимаю жжение	I Прожженный до кости забыл про жжение II Прожженный до кости забыв про жжение III Прожженный до кости презревши жжение
130 взъяренная молния телом забегала	I про то что молния телом бегала II Забыв что молния телом бегала
131 Трясясь от тысячи вольт напряжения	я стиснув тысячи вольт напряжения
132 уткнулся губой в телефонное пекло	

Первоначальный вариант строфы 133—144 зачеркнут:

Высверлив дыры в доме
пулей пробив кабель
выстрелом номер
влетел к телефонной бабе

133—135 Дыры сверля в доме	
136—138 взрыв Мясницкую пашней	I Мясн⟨ицкую⟩ II вздымая Мясницкую пашней III вспахав Мясницкую пашней IV взрыв Мясницкую пашней V взмыв Мясницкую пашней
139—141 рвя кабель номер	
142—144 пулей летел к барышне	
145 Смотрел осовело барышнин глаз	Смотрел внима⟨тельно⟩
146—149 Под праздник работай за двух Красная лампа опять зажглась позвонила огонь потух	

Первоначальный вариант строфы 150—154, совпадающий с основным текстом поэмы, переделан: строки переставлены и две из них вычеркнуты.

I 1 И вдруг как по лампам пошло куролесить

		2 И видит по лампам пошло куролесить
		3 По всем по лампам пошло куролесить вся сеть телефонная рвется на нити
		67—10 Соедините
		II 67—10 Соедините По всем по лампам пошло куролесить вся сеть телефонная рвется на нити
150—154	67—10 По всем по лампам пошло куролесить	
155—157	В проулок скорей Водопьяному в тишь	
158—159	Ух а то с электричеством станется	Готово а то с электричеством ста-нется
160—161	Под новый год на воздух взлетишь	
162—165	со всей со своей те-лефонной станцией	со всей своей телефонной станцией

Строки 166—170 в тексте на листе 4-м отсутствуют. Они записаны позднее на обороте листа 3-го.

166	Был на Мясницкой один старожил	Ж⟨нл⟩
167	сто лет после этого жил	
168—170	про это лишь через сотню лет рассказывал внукам дед	

Работа над строфой 171—178 велась на листе 4-м. Переработанный текст записан на обороте предыдущего листа (л. 3).

171—172	Было суббота под воскресение	I В лавках Мясницкой под воскресенье

		II Лишь знает Мясницкая под воскресенье III Мясницкая помнит под воскресенье IV Было с субботы под вос кресение
173—174	Хочу окорочек ищу чтоб дешево	I Все искавшие чтоб много и дешево II Всех искавших чтоб много и дешево III купить старавшихся много и дешево IV Почем окорочки пожалте дешево V Почем окорочóк пожалте дешево VI Торгую окорочек пожалте дешево
175—176	Как вдарит кто-то землетрясение	I всех земли и полов трясенье II Мясницкой земли и полов трясенье
177—178	Ноге горячо качает подошву	I ошеломило качает подошвы II ошеломило качало подошвы
179—181	Не верили внуки чтоб так-то и там-то	
182—184	землетрясенье зимой у почтамта	
185	Протиснувшись чудом сквозь тоненький шнур	
186	раструба трубки разинув оправу	
187	погромом звонков громя тишину	
188	изверг телефон дребезжащую лаву	низверг телефон дребезжащую лаву
189—190	Это визжащее звенящее это	И это визжащее звенящее это

191—192	пальнуло в стены старалосьвзорватьих	стрельнуло в стены старалось взорвать их
193—196	Звоночинки тыщей от стен рикошетом	
197—198	под стулья закаты- вались и под кровати	
199	Об пол с потолка звоночище хлопал	
200—201	и снова звенящий мячище точно	
202	взлетал к потолку ударившись об пол	
203	и сыпался вниз дре- безгою звоночной	

Работа над строфой 204—211 велась на листе 5-м. Переработанная строфа записана чернилами на обороте предыдущего листа (л.4).

204—205	Стекло за стеклом за вьюшкою вьюшку	I Казалось из печек сыпались вьюшки II Из печек с треском сыпались вьюшки III стекло за стеклом и вьюшка за вью⟨шкой⟩
206—207	тянуло звенеть те- лефонному в тон	Летели шкафы на паркет- ные лона
208—210	Тряся ручоночкой дом погремушку	I Весь дом трехэтажный дро- жа погремушкой II Весь дом трехэтажный дро- жал погремушкой III Качая в ⟨ручоночке⟩
211	тонул в рыданьи звонков телефон	I гремел в исступленно⟨й⟩ II гремел в сумасшедшей руке телефонной III гремел в ручоночке теле- фонной
212—214	Со сна чуть видно точка глаз	
215	иголит щеки жаркие	I дырявит щеки жаркие II булавит щеки жаркие

216	Ленясь кухарка поднялась	
217—218	идет кряхтя и харкая	
219	Моченым яблоком она	
220	Морщинят мысли лоб ея	
221—224	Кого Владим Владимыч А Пошла туфлею шлепая	
225—226	Идет отмеряет шаги секундантом	I Аннушка шлепает идет секундантом II Уже не Аннушка идет секундантом
227—228	Шаги кончаются слышатся еле	
229	Весь мир остальной отодвинут куда-то	
230	лишь трубкой в меня неизвестное целит	

Строки 231—244 отсутствуют.

245	Окаменели сиренные рокоты	I Москва отодвинулась сиренные рокоты II остекленели сиренные рокоты III замерли сиренные рокоты IV примерзли сиренные рокоты
246	Колес и шагов суматоха не вертит	Ни ног ни колес суматоха не вертит
247—248	Лишь поле дуэли да время доктор	
249	с бескрайним бинтом исцеляющей смерти	
250—251	Москва. За Москвой поля примолкли	I Ряды городов за ними примолкли II За городами моря примолкли
252—253	Моря	I Моря

	за морями горы стройны	За морями горы стройны II За морем новые встали стройны
254—256	вселенная вся как будто в бинокле	вселенную вижу как будто в бинокле
257	В огромном бинокле с другой стороны	
258—259	Горизонт распрямился ровно ровно	Лежит вселенная ровно ровно
260—261	Тесьмой натянут бичевкой тугой	I течет горизонт распрямленной дугой II Тесьма натянут бичевкой тугой
262—263	Край один это я в моей комнате	I Я II С одной стороны я в моей комнате III Край один я в моей комнате стою с телефоном
264	ты в своей комнате край другой	ты с другой
265—267	А между такая какая не снится	
268	какая-то гордая белой обновой	I какая-то светлая с снежной обновой II сияя рождественской снежной обновой III какая-то гордая снежной обновой
269—270	через вселенную легла Мясницкая	I по всей земле протянулась Мясницкая II через вселенную тянулась Мясницкая III через вселенную лежит Мясницкая
271	миниатюрой кости слоновой	от снега будто из кости слоновой

272—273	Ясность прозрачнейшей ясностью пытка	I Ясность чудовищной ясностью пытка II Ясность прозрачною ясностью пытка
274—275	В Мясницкой деталью искуснейшей выточки	Меж нами деталью чудовищной выточки
276—278	кабель тонюсенький ну просто нитка	I кабель тонюсенький телефонная нитка II кабель тонюсенький просто нитка
279—280	все вот на этой вот держится ниточке	I и мир вот на этой вот держится ниточке II и жизнь вот на этой вот держится ниточке

После строки 280 была записана строфа 299—306 и затем переставлена.

281—286	Раз трубка<у> наводит Брось надежду Два как раз	I По трубка пошла подыматься Надежду брось как раз II Наводит<.> трубка пошла вздыматься Надежду брось как раз
287—289	остановилась не дрогнув между	
290—291	моих мольбой обволокнутых глаз	
292	Зрачками кричу медлительной бабе	I И хочется крикнуть медлительной бабе II Глазами кричу медлительной бабе
293—294	Чего задаетесь стоите Дантесом	I Гордись Ты сегодня известней Дантеса II Чего задаетесь Стали Дантесом

295—296	Скорее скорей прострелите сквозь кабель	I Скорей скорей II Скорей лишь скорей пускай сквозь кабель III Скорей лишь скорее пускай сквозь кабель IV Скорее скорей просверлите сквозь кабель
297—298	пулей любого яда и веса	I пули любого яда и веса II словом любого яда и веса III словами любого яда и веса
299—301	Страшнее пули оттуда сюда вот	I Спокойней! Смотрите! Оттуда сюда вот II Спокойней! Вижу! Оттуда сюда вот III Ко мне хладнокровие! Оттуда сюда вот IV Стой хладнокровие! Оттуда сюда вот V Стою не моргая оттуда сюда вот VI Страшнее пули оттуда сюда вот VII Но пули страшнее оттуда сюда вот
302	кухаркой оброненное между зевот	I кухаркой оброненное между зевот II кухаркой оброненное середи зевот
303	проглоченным кроликом в брюхе удава	I как кролик II проглоченным кроликом по брюху удава
304—306	ко мне по кабелю слово ползет	I по кабелю вижу фраза II по кабелю вижу слово ползет
307	Страшнее слов из древнейшей древности	I Но вместо слова из древнейшей древности II Но вместо слов из древнейшей древности

308—309	где самку клыком добывали люди еще	
310—311	вползло из шнура	пол⟨зло⟩
312	тогдашней ревности,	I проснувш⟨ейся⟩ II восставшей ревности
313	тогдашних времен троглодитское чудище	I звериной ревности косматое чудище II медвежьей ревности косматое чудище III времен троглодитских косматое чудище
314—315	А может быть наверное может	А может быть и это может
316	Никто в шнуры не лез и не лезет	I Никто в II Никто не лез никто и не лезет III Никто из шнура не лез и не лезет
317	Нет ничьей чудовищной рожи	и нет ничьей чудовищной рожи
318—319	а зеркалюсь сам в телефонном железе	I себя в полированном вижу железе II себя в полированном вижу в железе III а я в телефонном зеркалюсь железе IV я сам в телефоне зеркалюсь в железе

Строки 320—326 отсутствуют.

327—329	Красивый вид художники взвесьте	
330	В Париж на гастроли едущий летом	В Париж собиравшийся ехать на лето
331—332	поэт почтенный сотрудник «Известий»	
333	царапает пол когтем из штиблета	I царапаю пол когтем из штиблета II в шерсти и коготь торчит из штиблета

334—335	Щенок вчерашний единым махом	В<черашний>
336	в медведя свой трансформировал вид я	клыками свой размедведил вид я
337—338	косматой шерстью свисает рубаха	взлохмаченной шерстью свисает рубаха
339—340	Туда ж в телефоны по дамам бабахать	I Таким голосиной не II Туда ж в телефоны голосиной бабахать
341—342	К своим пошел в моря ледовитые	I Такому место — моря ледовитые II Пошел к своим в моря ледовитые

Первоначальный вариант строфы 343—349 записан на обороте предыдущего листа. В окончательном тексте рукописи последовательность строк изменена (сперва идут строки 345—347, затем 343—344).

345—347	На телефон свою грудь на врага тяну	I Повадкой медведя который сердится на телефон свою грудь на врага тяну II На телефон я грудь на врага тяну
343—344	медведем когда он смертельно сердится	повадкой медведя который сердится
348—349	а сердце глубже уходит в рогатину схватила рогатина зубьями сердце	I зубцами любви издирается сердце II рогатина

После строки 349:

нотному
животному

I Людей
телефонные тешат сети
II Ловите любовь
в телефонные сети
I Искусством тешатся
игрищем нотным

		II	Искусством тешатся пением нотным
		III	по радио тешьтесь романсом нотным
		I	но горе и все отходит на свете
		II	А в горе все отходит на свете один трясешься промерз- шим животным
350—351	Течет ручьями крас- ной меди	I	Звенящими каплями крас- ной меди
		II	Ручьями звенящими крас- ной меди
		III	Ручьями натекшими крас- ной меди
		IV	Ручьями натекшей красной меди
		V	Ручьями красной меди
352—353	Рычанье и кровь лакай темнота		Рычанье и кровь течет Темнота
354—356	не знаю плачут ли нет мед- веди		
357—358	но если плачут то именно так	I	но если плачут то именно так
		II	но если плачут то только так
359—360	То именно так без сочувственной фальши		
331—362	ревет заливаясь реч- ною длиной	I	ревут без мелодий речною длиной
		II	скуля заливаясь речною длиной
		III	речною длиной заливайся и ной
363	И именно так их медвежий Бальшин		то именно так их медвежий Бальшин
364	скуленьем разбужен ворчит за стеной		

365	Вот именно так медведи могут	Вот так медведи именно могут
366—368	недвижно задравши морду как те	I как те II Задравши морду недвижно как те
369—371	повыть извыться и лечь в берлогу	
372	царапая логово в двадцать когтей	I когтей II в берлогу вонзивши двадцать когтей
373—375	Сорвался лист обвал беспокоит	I Обвалом случайны⟨м⟩ II Обвалом сорвавшийся лист беспокоит
376—377	Винтовки шишки не грохнули б враз	I Не ружья ли шишки II Винтовки шишки не грохнули б враз III Винтовки шишки как треснут враз
378	ему лишь взмедведиться может такое	
379	сквозь слезы и шерсть бахромящую глаз	

Первоначальный вариант строфы 380—388, записанный в тексте на листе 9-м, зачеркнут и переработан на обороте предыдущего листа (л. 8).

Рифмы к этой строфе записаны на обороте листа 6:

Вяло
жалость
одеяло
лежало

На обороте листа 7 записана еще рифма к этой строфе:

Плеска
железка

380—388	Одеяло лежало лежало вяло	I Мое одеяло подмятое вяло II Взмедведилось вот что: подмятое вяло III Мое одеяло лежавшее вяло IV Одеяло лежало лежало и вяло

	кроватным покорно железкам.	I тряпьем прижавшись к кроватным железкам II тряпьем прижимаясь к кроватным железкам III послушно кроватным железкам IV слуга<?> кроватным железкам V покорно кроватным железкам VI покорность кроватным железкам
	И стало вдруг дышать одеяло	I чего-то вздыматься пошло одеяло II волной вздыматься пошло одеяло III вздыматься и падать пошло одеяло
	блестеть и шептаться плеском	I переливаться размеренным плеском II блестеть и шептаться плеском III блестит и шепчется плеском

Строфы 389—396 и 397—403, записанные в тексте на листе 9-м, зачеркнуты и переработаны на обороте предыдущего листа (л. 8).

389—396	Лизнуло немного водой ногу	Волна облизала холодом ногу
	Я баба плакса и слякоть	I Пусть я неврастеник плаксивая слякоть II Я баба я плакса я слякоть
	Но я и то так много много	I Всамделе столько много много II Но это слишком так много много III Но это слишком так много IV Но я и то так много
	не мог б за вечер наплакать	I не мог же я за вечер наплакать II не мог я в вечер наплакать

397—398	Вот чертоза ванна вода за диваном	I	Какое наплакать За диваном
		II	Какое наплакать Уже за диваном
		III	Что за черт вода за диваном
		IV	Чертова ванна вода за диваном
399—400	Под столом за шкафом вода		уже за столом за шкафом вода
401—402	С дивана сдвинут воды задеваньем	I	воды задеванием
		II	с дивана сдвинут воды задеванием
403	в окно поплыл чемодан	I	к ⟨окну?⟩
		II	по комнате мимо проплыл чемодан
404—406	В камине окурок я сам его кинул	I	*⟨неразборчиво⟩* это окурок ведь я его кинул
		II	Ведь это окурок я сам его кинул
407—409	К нему потушить разгорается! Страх!		Я лапой к нему разгорается! Страх!
410—411	Куда к какому такому камину		
412—413	на том берегу это пламя костра		
414—415	Исчезло все Даже запах капустный		
416—418	с кухни всегдашний приторно сладкий		
419—421	Река Вдали берега Пусто		Река Вдали берега Как пусто
422	Как ветер хлещет вдогонку с Ладоги		
423—425	Река. Большая река Холодина		Зима. Большая река Холод⟨и?⟩на
426—427	Течет разлилась и я в середине	I	Река течет и я в середине
		II	Река Бурлит и я в середине
428—429	Медведем белым взобравшись на льдину		Я белым медведем взобравшись на льдину

430	Плыву на своей подушечной льдине	
431—432	Бегут берега за видом вид	I Бегут берега меня⟨ют вид?⟩
433	подо мной подушки лед	подо мной подушка-плот
434—435	С Ладоги дует вода бежит	Дует ветер вода бежит
436	несется утлый плот	несется подушка плот
437—438	Плыву трясусь на льдине подушке	I Плыву и трясусь на льдине подушке II Плыву трясусь я на льдине подушке
439	и мысль одна наводненьем не вымыта	I осталась мысль потопом не вымыта II ⟨*неразборчиво*⟩ мысль потопом не вымыта III Одна только мысль потопом не вымыта
440—441	Я должен не то под кроватные дужки	
442—443	не то под мостом проплыть под каким-то	

Строки 444—453 отсутствуют.

454—455	Растет эта мысль не справлюсь с нею	I Мысль растет не справлюсь я с нею II Мысль растет и не справлюсь с нею
456—457	Вернуться вода не выпустит плот	I Вот II Вода не отпустит мой крохотный плот
458—459	Видней и видней ясней и яснее	
460—462	теперь неизбежно он будет он вот.	как смерть неизбежно он будет он вот.
463	Волны устои железные моют	
464—466	Недвижный и страшный упершись в бока	Железные и страшные упершись в бока

467—468	столицы в отчаяньи созданной мною	столицы в безумии созданной мною
469—470	стоит на своих стоэтажных быках	
471	Все небо воздушными скрепами вышил	
472	Из вод феерией стали восстал	 восстал
473—474	Глаза подымаю выше и выше	
475—477	Вон вон опершись о перила моста	I моста II встают из воды очертанья моста III сейчас начнутся перила моста
478—480	Прости Нева Не прощает Гонит	I Льдину гонит II Льдину гонит гонит гонит III Нева гонит гонит гонит IV Нева разъярилась гонит гонит
481—482	Сжалься Не сжалился бешеный бег	I Нева бег II Нева пощади III Сжалься Верни свой бешеный бег IV Сжалься Сдержи свой бешеный бег
483—485	Он Он у небес в воспаленном фоне	I Вот фоне II Вот он сияющем фоне III Он Он на небесном сияющем фоне
486	оставленный мною стоит человек	I человек II прикованный мною стоит человек III по⟨кинутый?⟩
487—488	Стоит разметал иседевшие волосы	I Стоит развил иседенные волосы II Стоит разметал иседенные волосы

489—490	Я уши облапил Напрасно мнешь	
491—493	Я слышу мой мой собственный голос	
494	мне лапы дырявит голоса нож	

Первоначальный набросок строфы 495—503 записан на обороте предыдущего листа (л. 9) в обратной последовательности: вторая половина строфы после первой.

495—497	Мой собственный голос он молит он просится	Мой собственный голос он молит и просится
498—500	Останься приди помоги не покинь	I Приди не ⟨покинь⟩ II Приди пом⟨оги⟩
501—502	Зачем ты тогда не позволил мне броситься	Зачем мне тогда не позволил сорваться
503	с размаху сердце разбить о быки	с размаху мне сердце разбить о быки

Первоначальный вариант строфы 504—509 записан на обороте листа 9. Окончательный текст на листе 11-м.

504—505	Семь лет я стою Я смотрю в эти воды	I Семь лет я стою и смотрюсь в эти воды II Пять лет я стою и смотрюсь в эти воды III Пять лет я стою Я смотрю эти воды
506	к перилам привязан канатами строк	I привязан к перилам веревкою строк II к перилам привязан веревкою строк
507	Семь лет с меня глаз эти воды не сводят	I Пять лет с меня глаз эта пропасть не сводит II Семь лет с меня глаз эта бездна не сводит

508—509	Когда ж когда ж избавления срок		

Рифма к строке 513 и 517 записана на обороте листа 9-го, вариант на обороте листа 10, текст на листе 11-м.

510	Ты может быть к ихней примазался касте		
511—513	Целуешь ешь отпускаешь брюшко		брюшко
514—516	Сам в ихний быт в их семейное счастье	I II	счастье Сам в ихний быт в семейное счастье
517	намереваешься пролезть петушком	I II	петушком рассчитываешь пролезть петушком
518—519	Не думай Рука наклоняется вниз его		Не думай Рука опускается вниз его
520—522	грозится сухой в подмостную кручу		грозится костлявый в подмостную кручу
523—525	Не думай спастись это я тебя вызвал		Не думай спастись нет я тебя вызвал
526	Найду		Найду Догоню Доконаю замучу
527	Загоню		
528	Доконаю [1]		
529	Замучу		

Строки 530—538 отсутствуют.

539—542	Пока по этой по невской по глуби	I II	Пока вот по этой по невской глуби Пока не увижу по этой вот глуби
543—544	спаситель любовь не придет ко мне	I II	любовь-спасительницу мчащей ко мне спаситель любовь не шагает ко мне
545—546	скитайся и ты и тебя не полюбят		скитайся один и тебя не полюбят

[1] В рукописи описка: «Законаю».

547—548	греби тони меж домовых камней	I один умирай меж домовых камней II плыви как сейчас меж домовых камней III плыви греби меж домовых камней

Первоначальный набросок строфы 549—556 записан на обороте листа 10. Окончательный текст на листе 12-м.

549—550	Остановиться напрасное тщение	I Я налегаю напрасное тщение II Я стать хочу напрасное тщение
551—552	Я лапой гребу плохое весло	лапой весло
553—554	Мост сжимается невским течением	I а мост удаляется Стра⟨шным?⟩ II а мост удаляется в не⟨вском⟩ III а мост удаляется невским течением IV Мост удаляется невским течением
555—556	подушку несло несло и несло	I несло несло и несло II меня несло несло и несло

Первоначальный вариант строфы 557—562 записан на обороте л. 10. Окончательный текст на листе 12-м.

557—558	Уже я далеко я может быть зá день	Я же Я далеко я может быть за день
559—560	за дéнь от ужасной фигуры с моста	I за дéнь от проклятой фигуры с моста II за дéнь от зовущей фигуры с моста III за дéнь от моей фигуры с моста
561	но гром его голоса гонится сзади	но зву⟨к⟩
562	В погоне угроз паруса распластал	I погоней угроз голоса [1] распластал II погони угроз паруса распластал

[1] Повидимому, описка: «голоса» вместо «паруса».

Строки 563—567 в тексте на листе 12-м отсутствуют. Они записаны позднее, на обороте листа 23.

563 Забыть задумал Невский блеск	Я дважды видел этот блеск
564—565 Ее заменишь некем	I некем II Замени<шь> III Его заменишь некем
566 По гроб запомни переплеск	переплеск
567 Плескавший в человеке	

Первоначальный вариант строк 568—569 записан на обороте листа 10. Текст на листе 12-м.

568—569 Начал кричать разве это осилите!	I Буря басит разве бурю осилите II Буря басит разве это осилите
570—571 Буря басит не услышат вовек	
572 Спасите Спасите Спасите Спасите	
573—576 Там на мосту на Неве человек	

Строфа 577—583 записана после строфы 584—589. Затем строфы переставлены.

577—578 Бегут берега за видом вид	
579—580 подо мной подушка лед	подо мной подушки лед
581 Ветром ладожским гребень завит	
582—583 Все дальше подушка плот	Не<сется>
584 Спасите! Сигналю ракетой слов	I Взвивая ракеты спасательных слов II Кидаю ракеты спасательных слов
585 Качаюсь качкой побитый	I мечусь качкой побит II качаюсь качкой побит

586—587	Речка кончилась море росло	I А <речка кончилась>, II Речка кончилась и море росло III И речка кончилась и море росло
588—589	океан большой до обиды	I в океан II и уже океан обид III океан горь и обид
590—593	Спасите Спасите Сто раз подряд реву батареей пушечной	
594—596	А внизу подо мной растет квадрат	Растет и растет подо мной квадрат
597	в остров растет подушечный	остров квадрат подушечный
598—599	Морской замирает замирает гул	I Замирает замирает замирает гул II Замирает замирает моря гул
600	Глуше глуше глуше	
601—603	Никакой воды стою на снегу	Я даже не заметил что я на снегу
604—605	вокруг версты суши	и кругом версты суши
606—607	Суша слово. Снегами мокра	Для суши слишком снегами мокра
608	подкинут метельной банде я	I О<тдан?> II Метелей III Отдан метельной банде я IV Какой подкинут метельной банде я
609—610	Что за земля какой это край	
611—613	Грен Лап Люб ландия	
614	Из тучи вызрела лунная дынка	Слегка освещенный лунной дынкой
615	стену постепенно в тени оттеня	со стен и с поля <?> тени стеня
616—620	Я парком Петровским бегу Ходынка	

за мной впереди
Тверской простыня

Первоначальные варианты строф 621—628 и 629—633 в тексте зачеркнуты. Окончательный текст записан справа на полях.

I Спасите! К Садовой закинул свой
II Спасите! К Садово<й>
III Спасите! К Страстному выкинул плач
I Катило эхо
II Разгрохало эхо У гу гу гу гу
I Толчок Тра тата та та та Лихач
II Толчок Дышло Лихач
Минуту фразы дымились в снегу

621—622 Спасите! К Садовой аж выкинул гул
623—624 оглоблей или машиной
625—627 но только я мордой аршин в снегу
628 и пулей слова с матершиной

I Нэп!
Она уже много налажена
II Нэп!
жизнь налажена.
I Помните раньше голод цынга.
II А в восемнадцатом голод цынга
III А в восемнадцатом цынга
I И весело ж нынче стоял вот ряженый
II А нынче веселье Этот вот ряженый
III Нынче веселье Даже ряженый

	I Пьяный Тут много таких от цыган II От цыган
629 От нэпа ослеп	I От цыган ослеп II От Стрельны ослеп
630 для чего глаза впряжены	
631—632 Эй ты мать твою разнэп	
633 Ряженый	

После строки 633 записаны три двустишия. Два двустишия зачеркнуты, вместо них введено новое, следующее непосредственно за строкой 633:

Спасите и чувствую чем-то обнюхан Глаза подымаю ноздри и ухо	
Я ткнулся к псу — обычная ласка	I ласка II Я ткнулся к собаке — обычная ласка
Пес в подворотню шмыгнул и заляскал	I ляскал II Но пес в подворотню шмыгнул и заляскал
	I милыми II Крестьяне Я к ним называю их милыми III Крестьяне Бородки под лицами милыми
	I вилами II Спасите! Они в Хорошово за вилами
	I Я всем расскажу я сумею разжалобить II Я знаю III Я знаю Москву. Я сумею разжалобить IV Я знаю Москву. Я сумею сжалобить
	I не может быть что спасти не бежали бы

		II	Скажу чтоб на помочь бежала бы
		III	Скажу чтоб к Неве на помочь бежала бы
		IV	Устрою туда чтоб на помощь бежала бы
634—636	Да ведь я медведь ах! Уткнулся за камень. Такой. На Бегах.		ах да ведь я медведь ах
637—639	Я выйду я выскажу первым прохожим		Я спрячусь я выскажу первым прохожим
640—641	что я не медведь только вышел похожим	I	что я не медведь только вышел похожим
		II	я сам не медведь только вышел похожим

Последовательность строк в строфе 642—650 менялась четыре раза. В тексте рукописи в двух первых вариантах последовательность строк одинаковая, не соответствующая основному тексту поэмы. С ним совпадает четвертый вариант.

		I	человечек венчик короткий в лодке
642—644	Вон там от заставы идет человечек	II	Вон там от заставы пошел человечек
646—647	Луна ему голову вправила в венчик		К затылку лунный приклеился венчик
645	За шагом шаг вырастает короткий		все ближе растет приближаясь короткий
648—650	Я уговорю чтоб сейчас же чтоб в лодке		Я уговорю чтоб немедля чтоб в лодке
		III	Я уговорю чтоб немедля чтоб в лодке Вон там от заставы идет человечек За шагом шаг вырастает короткий Луна ему голову вправила в венчик

IV Вон там от заставы идет
человечек
За шагом шаг вырастает
короткий
Луна ему голову вправила
в венчик
Я уговорю чтоб сейчас же
чтоб в лодке

Рифмы к строкам 652, 656 записаны на обороте листа 4; рифмы ко всей строфе 651—659 записаны на листе 13-м, в текст введены на листе 14-м.

I Исуса
безусо

II Исуса
юней
безусо
луне

651—652 Спаситель идет идет Инсусо<м>	Вот это спаситель и вид Иисуса
653—654 Спокойный и добрый венчанный в луне	
655—656 Он ближе лицо молодое безусо	
657—659 Совсем не Исус грубей и юней	
660—661 Он ближе стал он стал комсомольцем	комсомольце<м>
662—663 без шапки без шубы обмотки и френч	френч
664—665 То сложит руки как будто молится	
666—667 То машет как будто на митинге речь	

Строки 668—675 отсутствуют.

676 Мальчик шел в закат глаза уставя
677 Был закат непревзойдимо желт
678 Даже снег желтел к Тверской заставе

679	Ничего не видя мальчик шел	
680—685	Шел вдруг встал	
683—685	в шелк рук сталь	
686	С час закат смотрел глаза уставя	Час закат смотрел лучи уставя
687	за мальчишкой легшую кайму	на идущую от мальчика <кайму>
688	Снег хрустя разламывал суставы	Снег хрустел заламывал суставы
689—691	Только грязь от них Зачем? Кому?	Загрязнили. Для чего? Кому?

Первоначальные наброски строфы 692—697 записаны на обороте листа 9-го. Следующие варианты в измененной последовательности строк (694, 693) на листе 15-м. Там же записан окончательный текст строфы.

692	Был вором ветром мальчишка обыскан	I обыскан II ветром обыскан III Был ветер Был мальчик ветром обыскан IV Был ветер Мальчик был ветром обыскан V Был ветер мальчика ветром VI Был ветер Мальчик был вором обыскан
693	попала ветру мальчишки записка	I записка II Шестнадцать лет а тоже записка III нашел и скомкал записку IV нашел и скомкал и бросил записку
694	Стал ветер в Петровском парке звонить	I звонить II И ветер пошел по парку звонить

		III А после пошел по парку звонить IV Стал ветер в Петровском парке звонить V Стал ветер Петровскому парку звонить VI Стал ветер Петровским парком звонить
695—697	Прощайте кончаю... прошу... не винить	I Любил прошу не вин<ить> II Любил прошу никого не винить III Любил умира<ю> IV Любил и умер никого не винить V Кончаю Прошу никого не винить VI Кончаю пишет прошу не винить VII Кончаю пишет прошу никого не винить VIII Он пишет Кончаю... Прошу... не винить...

Строки 698—699 отсутствуют.

700—702	Меня осенило Я дернулся к луже
703	С лежащего куртку стягивать стал
704—705	Ну что ж голубчик Тому еще хуже
706	пять лет он вот в это же смотрит с моста

Первоначальные варианты строфы 707—713 записаны на обороте листа 13-го. Окончательный текст на листе 15-м.

707—708	Напялил еле другого калибра	I стибрил II Я френч надел у мертвого стибрил
709—710	Никак не намылишься зубы стучат	I стуча II Намылился стуча

711—712	Шерстищу с лапищ и с мордищи выбрил	I выбрил II Я в льдины глядясь выбрил III Со щек и лапищ выбрил бритвой луча
712—713	Гляделся в льдину Бритвой луча.	
714—715	Теперь почти что такой же самый	I самый II И вот я почти что такой же самый III Теперь я почти что такой же самый
	Вот те на Мясницкой Вот те на Арбате	
716—717	С трудом в уме шевеля адресами	I адресами II С трудом в голове шевеля адресами
	Бегу лечу созывать и набатить	I бегу набат<ит>ь лечу созывать II Теперь не зевай Вперед созывать

Рифмы к строфе 718—722 записаны на обороте листа 14. Текст на листе 16-м записан сначала в обратной последовательности (первая половина строфы за второй), затем строфа переработана и строки переставлены.

718—722	Отчаянье память, ум отымет Но этим всегда оставляется норка Инстинкта нитью притянут родными Во первых бегу по всяким задворкам	I Отним<ет> II Безумие память, ум отымет Но этим в душе оставляется норка родными бегу через поле по всяким задворкам

Строки 723—727 отсутствуют.

728—729	Володя На рождество!
730—731	Вот радость радость-то вот!
732—733	В прихожей тьма в электричестве комната

734—735	И сразу	
	наискось лица родни	родни
736—739	Володя	I Володя
	Господи	II Володя господи в чем это
	что это	
	в чем это	
740—741	Ты вымазан весь по-	
	кажи воротник	Воротник

Наброски к строкам 742—751 записаны на обороте предыдущего листа (л. 15).

		Вода
		I Вы
		II Ведь вы меня любите
		любите да
742—743	Не важно мама	
	Я дома вымою	
744—745	Теперь у меня раз-	
	долье — вода	
746—748	Не в этом дело	
	Родные	
	Любимые	
749	ведь вы меня любите	
750—751	Любите	
	Да	

К строфе 752—763 записана рифма, не использованная в тексте:

		Елку
		толку
752—755	Так слушайте ж те-	Слушайте тетка сестры и
	тя сестры и мама	мама
756—757	Тушите елку	
	заприте дом	дом
758—760	Я вас поведу	
	вы пойдете	
	мы прямо	прямо
761—763	сейчас же все возь-	
	мем и пойдем	пойдем

После строки 763 на листе 17-м записаны две строфы, не вошедшие в окончательный текст поэмы. Предварительные наброски к ним записаны на оборотах листов 14-го и 16-го:

		страх
		чепчик
		сестра
		крепче
	Я встал	С испуга
	У тетки задвигался чепчик	у тетки задвигался чепчик
	У мамы смешной старушечий страх	
	Куда он Оля держи его крепче	Оля Люда держите крепче
	Я выдернул руку	я вырвал руку
	не трогай сестра	
	Поэтовы штучки думаешь	I Поэзия думаешь Этакий Ленский
	Ленский	II Поэтовы штучки
	Второе облако пишет в штанах	
	Сегодня	Сегодня я кладезь вселенской воли
	я слиток силы вселенской	
	Я дуб с корнями выверну вмах	

Первоначальный вариант строфы 764—769 и рифмы к ней записаны на обороте листа 14-го. Введены в текст на листе 17-м:

764—765	Пойдемте	
	Это совсем недалеко	недалеко
766	600 с небольшим этих крохотных верст	верст
767	Мы будем там во мгновение ока	ока
768—769	Он ждет	I мост
	Мы вылезем прямо на мост	II Мы взлезем прямо мост III он там мы взлезем мост IV он там мы вылезем прямо на мост
770—773	Подходят	I Дрожа под<бегают>
	Родной	II Они подбегают утешить но я им
	Успокойся	
	Но я им	

774 на этот семейственный писк голосков	на их семейственный писк голосков
775—776 Так что ж любовь подменяете чаем	I Семья ты любовь подменяешь чаем II Семья ты любовь заменившая чаем III Ну что ж Вы любовь подменяете чаем
777 любовь подменяете штопкой носков	I любовь заменяешь штопкой носков II любовь подменившая штопкой носков

После строки 777 на листе 17 записана строфа, впоследствии зачеркнутая. Первоначальные варианты записаны на оборотах листов 14-го и 16-го:

Будь проклято
мама
не наше семейство
не ваше
вы лучше
не эта моя
I В лю<бое>
II Время любое в любое место
Любая в этом месте семья
III Во время любое
в любое место
Любая в этом мире семья

Строки 778—795 и две следующие за ними строфы записаны на полях листа 17-го. Рифма к строкам 782, 785 находится на обороте листа 10-го:

778—779 Не вы не мама Александра Альсеена	Не ваша вина Александра Альсеена
780 Вселенная вся этой жизнью засеяна	Вселенная вся этой <нудью?> засеяна
781—782 Смотрите мачт корабельных щетина	мачты щетиня
783 В Германию врезался Одера клин	
784—785 Слезайте мама уже мы <в> Штеттине	Штеттине

786—788	Сейчас мы мама несемся в Берлин	
789	Сейчас летите мотором урча вы	Сейчас несетесь мотором урча вы
790—792	Париж Америка Бруклинский мост	
793—795	Сахара смотрите смотрите курчавый	
796	чаи с негритоскою пьет негритос	с своей негритоской пьет чай негритос

Строки 797—804 отсутствуют. Вместо них за строкой 796 записана следующая строфа:

Весь мир разодрала семья на клетушки	I клетушки II Весь мир семьей клетушки III Весь мир разодрала семья клетушка
Что дом?	дом
В нем льня к самчихе ежатся душки	I душки II и льня к самчихе ежатся душки
Сидят у крыши под курьим крылом	I крылом II У крыш под курьим крылом III У крыш триллиона под курьим крылом IV Пьют чай у крыши под курьим крылом

За предыдущей строфой записан вариант строфы, вынесенной впоследствии в конец поэмы:

I Чтоб слезть с моей любвищи дырам
II Бегу кричу квартирным дырам
III Любовь несу не дома дырам
I Должны роднею нынче стать
II Должны родне<й> сейчас же стать
III Должны в сек<унду?>
IV Должн<а> семья сегодня стать
V Семьей должна сегодня стать

VI Семья должна сегодня стать
Отец по крайней мере миром
Землей по крайней мере мать

Строфа 805—812 записана вне текста на обороте листа 16:

805—807 Прошел Октябрь карающий судный
808—809 Семья под его огнеперым крылом
810—811 расставила тихо в эмалях посудины
812 И сеть паутин не расчешешь колом

Работа над строфой 813—819, записанной в тексте на листе 18, велась на оборотах листов 14-го, 16-го, 17-го:

813—814 Исчезни дома родимого место

I Из мозга вытрав<ь>это место
II Из сердца вытравлю это вот место

815—816 Иду
отбросил ступеней последок

I хлопнувши дверью
уже напоследок
II И хлопнувши дверью
уже напоследок
III Будь проклята
Ждет он
Иду напоследок
IV Иду ступеней последок
V Иду под ногами ступеней последок
VI Иду
под ногою ступеней последок

817 Тебе и ему
не поможет семейство

Тому
какое поможет семейство

818—819 Любовь цыплячья
Любовь наседок

I наседок
II О будьте вы прокляты гнезда наседок
III Любвишку цыплят и любвишку наседок
IV Любовь цыплят
Любовь наседок

После строки 819 в текст вставлена строфа:

	Такую жди когда еще	Такой отец когда еще
	а тот стоит пока там	а он стоит пока там
	Гудела мысль кидающая	вертелась мысль кидающая
	по Пресням покатым	

Строки 820—826 отсутствуют.

Строфа 827—831 записана в четырех вариантах, следующих один за другим. Последовательность строк в вариантах менялась:

827—831	Мачт крестами на буре распластан Корабль кидает балласт за балластом И видит опустошенная легкость домами оскалила скалы далекость	I Тем лучше С одними покончено баста Я с легкостью кинусь в любую далекость Так думает шхуна кидаясь балластом Будь проклята опустошенная легкость II 1 Так что ж! Кораблекрушение <баста> 2 Так мачтой крестом на буре распластан 1 Так прокл<ята?> 2 Корабль кидает балласт за балластом Оскалясь скалою затихла далекость Будь проклята опустошенная легкость III И видит опустошенная легкость 1 Оскалил<а> 2 домами оскалила скалы далекость
832	Ни люда ни заставы нет	Застава где Заставы нет
833—834	горят снега и голо	
835	и только из-за ставенек	
836	в огне иголки елок	I горят верхушки елок II горят иголки елок

После строки 836:

Стена ведет глаза огнем
Лучами колет бок она
иди к знакомым за окном
друзьям исстукай окна

837—838	Ногам вперекор тормозами на быстрые	I К <ногам?> II Ногам вперекор тормозами под быстрые
839	вставали стены окнами выстроясь	стена за стеною окнами выстроясь
840—842	По стеклам тени фигурками тира	Фигуры знакомых фигурками тира
843—844	вертелись в окне зазывая в квартиры	качались
845—846	С Невы не сводит глаз продрог	
847—848	Стоит и ждет помогут	Стоит и ждет помогу
849	за первый встречный за порог	н<а>
850	закидываю ногу	
851	В передней пьяный проветривал бредни	
852	Стрезвел и дернул стремглав из передней	
853	Зал заливался минуты две	Неслось по
854—857	Медведь медведь медведь медвееe!	Медведь медведь медвееe!
858—861	Минут через пять изогнувшись в вопрос хозяин просунул полглаза и нос.	

Строки 862—881 в тексте на листе 19-м зачеркнуты и переработаны на обороте листа 18-го. Первоначальный набросок строк 862—864 записан на обороте листа 14-го:

862—863	Господа Маяковский Хорош медведь	I Горничная не узнала говорит медведь II Да ведь это Маяковский а говорят медведь
864	пошел хозяин в комплиментах медоветь	I медовесть II И пошла любезностями медоветь III пошел и пошел комплиментами медоветь IV и пошел и пошел в комплиментах медоветь
865—868	Пожалуста прошу-с ничего я боком	Пожалуста прошу петушком да боком
869	Нечаянная-с радость-с как сказано-с у Блока	Нечаянная радость как сказано у Блока Пожалте Господа Маяковский имя Разрешите познакомлю со своими
870	Жена-с Роза Видна дочь	I Жена дочь II Жена Роза Видна дочь
871	дочка	
872—873	вылитая точь-в-точь	в меня точь-в-точь
874	шестнадцать с половиной годочков	
875—877	А это со страха к мышам ушедшие в норы	Вот это страхом забитые в норы
878	из-под кроватей полезли партнеры	I из-под роялей лезут партнеры II из-под роялей полезли партнеры
879—880	Усища к стеклам ламповым пыльники	I Усища ла<мповым?> II Усища стеклам ламповым пыльники

III Усища от стекол ламповых пыльники

881 из-под столов пошли собутыльники — вылазят из-под столов собутыльники

Два первых варианта строк 882—883 в тексте зачеркнуты и переработаны на обороте предыдущего листа.

I Поклонников тысяча щерится тщится
Встают почитатели чтица за чтицей
II Читателей тысяча щерится тщится
Парад почитательниц чтица за чтицей

882 Ползут с под шкафов чтецы почитатели
883 Такой безлицый парад подсчитать ли

I Не то что обздравствовать— смогу подсчитать
II Могу ль обздравствовать могу подсчитать ли

Строки 884—903 отсутствуют. Вместо них в тексте записана строфа, затем зачеркнутая:

I Качают в поклонах зады по-утиному
II Качая в поклонах зады по-утиному
III То задом в радуш⟨ьи⟩
IV То задом в поклоне трясут по-утиному
То лоб
V Кокетницы дамы плывут по-утиному
Мужчины пыжат достойнейший вид
I Во всех волосах у всех паутинами
II в усы и волосы всех паутинами
III в усах в волосах у всех паутинами

I их подкроватный подшкафный быт
II дрожит подкроватный пропыленный быт

Строки 904—912 записаны на обороте листа 18-го после строки 883:

904—905 С матрацев вздымая постельные тряпки	
906 клопы приветствуя подняли лапки	
907 Сам самовар рассиялся в лучики	I Тянутся высияв медные лучики II Сам самовар рассиявшийся в лучики
908 лезут обнять самоварные ручки	I тщатся обнять самоварные ручки II взвил самовар самоварные ручки III хочет обнять в самоварные ручки
909—911 Огромные чайные розы с обоев	
912 вылазят и стелятся сами собою	

Строфа 913—918 отсутствует. Строки 919—927 записаны вне текста на обороте листа 18-го: строки 919—921 отдельно, в верхнем углу листа, строки 922—927 после строки 912.

919—920 Сам Ленин вставленный в алую рамку
921 Велят тянуть обыденщины лямку
922—923 Запели птицы на каждой на жердочке
923 Герани в ноздри лезут из кадочек
924—926 Как были сидя сняты на корточках
927 осклабясь предки лезут из карточек

928—929	И все поклонившись осклабились враз	
930—932	Кто басом фразу кто в дискант дьячком	
933—936	С праздничком с праздничком с праздничком с праздничком	
937—939	С праздничком с праздничком с праздничком с праздничком	
940—942	Хозяин то тронет стул то дунет	Хозяин то крошки смахнет то дунет
943	Сам со скатерти крошки вымел	
944—945	Да я не знал Да я б накануне	
946—948	Да думаю заняты Дом со своими	
949—951	Мои свои Большие особы	I Какие свои? Большие особы II Мои свои Большие особы III Мои свои народ особый
952	Их ведьма разве найдет на венике	I Пусть ведьма к ним летает на венике II Пусть ведьма к ним летит на венике III Их ведьма одна найдет на венике
953—955	Мои свои с Енисея да с Оби	I Мои свои с Енисея да с Оби II такие свои с Енисея да с Оби
956—957	идут сейчас следя четвереньки	
958—961	Какой мой дом!!! Я сейчас с него Подушкой льдом я мчался Невой	I дом там льдом льдам II Мой дом там Он льдом по льдам

III Он льдом
он там
в мой дом
по льдам

IV Какой мой дом
Я вот с него
Подушек льдом
идет Невой

V Какой мой дом
Я сам с него
Подушек льдом
он мчался Невой

962 Мой дом
963 меж дамб
964 мчал льдом
965 и там

966—967 Я брал слова то самые вкрадчивые

Я брал словечки самые вкрадчивые

968—969 То страшно рыча то вызвоня лирово

970—971 От выгод на вечную славу сворачивая

972—975 Молил Грозил Просил Агитировал

976—978 Ведь это для всех для самих для вас же

Ведь это для всех для самих для се<бя же?>

979—980 Ну скажем Мистерия ведь не для себя ж

981—982 Поэт там и пр. ведь каждому ж важ<ен>

I важен

II каждого важен

III Я ж не для себя Каждого важен

983—984 не только себе ж ведь не личная ж блажь

I не только себе ведь не личная блажь

II не только себе ж ведь не личная блажь

Рифмы к строфе 985—992 и первоначальный вариант записаны на обороте листа 19-го. Текст на листе 21-м:

		I ту ж шубы душ шкуру
985	Я скажем медведь выражаясь грубо	
986—987	Но можно стихи ведь сдирают же шкуру	I Ведь II но ведь можно снять стихами шкуру III но можно ж снять стихами шкуру
988—989	Подкладку из рифм поставишь и шуба	I поставить подкладку и душе шуба II подкладку из рифм поставишь и шуба
990—992	Потом у камина... там кофе... курят...[1]	
993—994	Дело пустяшное ну минут на десять	Дело пустяшное но минут на десять
995—996	Но нужно сейчас пока не поздно	Но нужно сейчас же пока не поздно
997—999	Ну может похлопать сказать надейся	
1000—1001	Но чтоб теперь же чтоб это сериозно	
1002	С улыбками слушали именитого скомороха	С улыбками слушали Нашли скомороха
1003	Катали по столу хлебные мякиши	
1004—1006	Слова об лоб и в тарелку горохом	
1007—1008	Один расчувствовался вином размягший	
1009—1010	Постой Постой	
1011	И очень даже просто	

[1] В рукописи запись фонетическая: «курют» (рифма к «шкуру»).

1012—1014	Я пойду	
	Говорят он ждет на мосту	говорят она ждет на мосту
1015—1016	где	
	на углу Кузнецкого моста	I Я знаю угол Петровки и Кузнецкого моста
		II Это
		посреди Кузнецкого моста
		III Это
		в каком месте Кузнецкого моста
1017—1021	Даже кажется выжал слезу	I Только один слезу
		II Только он один ронял слезу
		I вырвался и стукался
	грозил рвался нукося	II вырывался стукался
		III рвался грозил стукался
	А по углам рос обо мне зуд	I По углам начался зуд
		II А по углам рос зуд
	Назюзюкался	I Зюзюкался
		II тоже назюзюкался
1022	Бу<д>е ныть	
1023	Надо есть	
1024	пойти попить	I е<сть>
		II поесть попить
1025	и за 66	
1026	Теорию к лешему	
1027—1028	Да здравствует практика	
1029—1030	Налей нарежь ему	ветчин нарежь ему
1031—1032	Футурист налягтека	
1033	Ничуть не смущаясь челюстей целостью	Ничуть не заботясь о че<люстей>
1034	пошли греметь о челюсть челюстью	
1035—1036	Шли из артезианских прорв	Из артезианских ихних прорв
1036—1038	меж рюмкой слова поэтических споров.	

Рифмы и первоначальный вариант к строкам 1039—1042 записаны на обороте листа 20-го. Введены в текст на листе 22-м:

1039—1042	в матрац поздоровавшись влезли клопы	I клопы
		II враждебно ушли в матрацы клопы пыль
	на вещи насела столетняя пыль	

После строки 1042:

	Отчаянным штурмом с позиций сбит	Минутным штурмом с позиций сбит
	опять окопался привычками быт.	I опять окопался стенами быт
		II опять окопался тарелкам<и> быт
1043—1044	А тот стоит в перила вбит	
1045—1047	Он ждет он верит скоро	
1048—1049	Я снова лбом Я снова в быт	I И снова лбом и снова в быт
		II И снова лбом Я снова в быт
1050	вбиваюсь слов напором	вбиваю слов напором
1051—1052	Я атакую и вкривь и вкось	I Еще я доказывал вкривь и вкось
		II Я вновь атакую вкривь и вкось
1053—1054	Я вижу слова проходят насквозь	Но странно слова проходили насквозь

После строки 1054:

	Сквозь тыщи читающих пьющих и евших	Сквозь тысячи слуша<ю>щих пивших и евших
	проходят слова никого не задевши	неслись слова никого не задевши
1055	Бас мой затих в комариные трельки	Мои слова комариные трельки
1056	подбитые ватой стихают тарелки	
1057—1060	Обои и стены блекли и блекли	

Рифмы к строкам 1061, 1065 записаны на обороте листа 19-го. Текст на листе 22-м:

1061 Тонули в каких то[1] тонах офортовых	I офортовых II И дом в каких-то тонах офортных III И дом в каких то тонах офортовых
1062—1064 Внезапно на город разросшийся Беклин	I Со стенки внезапно разросшийся Беклин II С обоев внезапно разросшийся Беклин
1065 Москвой расставил Остров мертвых	I мертвых II Москвой расставил свой Остров мертвых
1066—1073 Давным давно подавно	славном
теперь и нету проще	I проще II бессмысленней нет но и нету проще
Вон в лодке скутан саваном	саваном
недвижный перевозчик	перевозчик
1074—1075 Не то моря не то поля	
1076 Их шорох тишью стерт весь	Приб<ит?>
1077—1078 И за морями тополя	
1079 вздымают в небо мертвость	

После строки 1079:

Назад моя смерть не хочу не ступлю	
Живому своих не навяжете воль вы	воль вы
Смотрите бросаю смотрите топлю	
Я в вашем мертвом море револьвер	револьвер

[1] В тексте описка: «как то».

Предварительная работа над строками 1080—1086 и 1090—1092 началась на обороте листа 21-го и продолжалась в тексте на листе 23-м:

1080—1083	Только швырнул и сразу тополи	I тополи II Швырнул револьвер и сразу тополи
1084—1086	сорвались с мест пошли и затопали	I затопали II сорвались с мест и ногами затопали

Строки 1087—1089 записаны вверху листа 23-го и вставлены в текст:

1087	тополи стали спокойствия мерами	И тополи стали спокойствия мерами
1087—1089	ночей сторожами милиционерами	
1090—1091	Расчетверившись белый Харон	I Харон II Рассыпался вчетверо белый Харон III Расчетверился белый Харон IV Расчетверившись посеревший Харон
1092	стал колоннадой почтамтских колонн	I почтамтских колонн II И встал колоннадой почтамтских колонн III встал колоннадой почтамтских колонн
1093—1097	Так с топором взлезают в сон наметят спящелобых И сразу исчезает все и видишь только обух	
1098—1099	Так барабаны с улиц в сон	
1100—1101	войдут и сразу вспомнится	I войдут и сразу вспомнится II войдут и ужас вспомнится
1102—1103	что вот тоска и угол вон	I тоска II так вижу белый угол вон III Так ужас вот и угол вон

1104—1106 за ним она виновница	и вот она виновница
После строки 1106:	
Мне кажется вижу не глазом ина́че	И вижу не глазом а как то ина́че
белою ночью насквозь на Неве	I Как видел тогда насквозь на Неве II А <?> белою ночью насквозь на Неве
Ломает руки ломает и плачет	
Затихла а если это навек	Теперь
Нет окна глотает глотками впадин	Нет окна глотает глазами впадин
глазных не сводит взора и ждет	I глазных не сводит взора и ждет II глазных не сводит с улиц гла<з>
Ежесекундно изо дня на день	Я жду Я тоскую я изо дня на день
смотрит за угол загну и вот	I стою ты за́[1] угол ступишь и вот II смотрит за у́гол загну я и вот
Убивший любовь не успевший и вылезти	
Я рвусь но как посмотреть мне в глаза	
Как буду просить о несбыточной милости	
Она не пойдет не надейся назад	
Валю на память беспамятства глыбы	
но мозг покрывает сердечную дробь	
Найди надежду из черепа выбей	I Узнай<?> надежду из черепа выбей

[1] В тексте ударение ошибочно поставлено на «о» («за уго́л»).

II Уйди<?> надежду из черепа выбей

Уйди в Лубянский
проезд или в гроб
Но только назад
надрывается рот
А сердце ногам при-
казало Вперед

I Бывает гору поставишь на карту
II Поставишь гору на третью на карту
I Когда у тебя и горсточки нету
II У самого и горсточки нету
I и смотришь спокойно в морду азарту
II спокойно смотришь в морду азарту
Загипнотизировал вырвал
Но это...

1107 Прикрывши окна
ладонью угла
1108 окно за окном вы-
тягивал с краю
1109—1110 Вся жизнь на карты
окон легла
1111—1112 Очко стекла и я
проиграю
1113—1115 Скажите какой это
шулер по окнам

Побит какой это шулер по окнам

1116 разметил нагло ве-
селия крап
1117—1118 Колода стекла тор-
жеством многоогним[1]

I Колода окон дождем многоогним
II оконная метка дождем многоогним

[1] Ниже этой строки на полях записано слово «лампами» и обведено кру́гом.

1119	победой горит у дома из лап	
	После строки 1119:	
	Так как же... об снег об воду об камень глаза не сводя с веселящихся рам о камень о снег спотыкаясь шажками, лунатиком тенясь тянулся к дверям	я шел неуклонно к знакомым дверям
1120—1126	Как было раньше б вырасти стихом в окно влететь нет пикни к стенной сырости и стих и дни не те	Теперь как раньше б вырасти
1127—1128	Морозят камни дрожь могил	I Окурки холод дрожь мо<гил> II Плевки окурки дро<жь могил> III Мороз от камня дрожь могил IV <*неразборчиво*> камни дрожь могил
1129—1138	И редко ходят веники Плевками снявши башмаки вступаю на ступеньки Не молкнет в сердце боль никак Кует к звену звено Вот так убив Раскольников	Так убив Раскольников
1138	пришел звонить в звонок	

Строки, примыкающие по смыслу к строфе 1139—1144, записанной на листе 24-м, находятся на обороте листа 17-го:

		Крадусь потихоньку чуть дышу Но там гульба пианино да шум
1139	Гостьё идет по лестнице	
1140—1141	Ступеньки бросил стенкою	ступенькою
1142	стараюсь в стену вплесниться	I со стенкою сплесниться II я сырость III Я в стенную сырость стараюсь вплесниться
1143—1144	и слышу струны тенькают	За стенкою тенькают

После строки 1144:

Звенят в замок в штукатурную зелень
Куда чтоб подслушали чтоб подглазели

1145—1147	Быть может села вот так невзначай она	I Быть может села вот так невзначай она II Быть может играет вот так невзначай она
1148—1149	лишь для гостей для широких масс	
1150—1152	а пальцы сами в пределе отчаяния	
1153	ведут бесшабашье над сердцем глумясь	
1154	А вороны гости?	Но вороны гости
1155	Дверье крыло	сто раз подряд дверье крыло
1156	раз сто по бокам коридорным исхлопано	
1157—1158	Горлань горланья оранья орло	
1159	сюда доплеталось пьяное допьяна	

Строки 1160—1163 записаны на полях и вставлены в текст:

1160 Полоса
1161 щели
1162 Голоса
1163 еле
1164 Аннушка
1165 ну и румянушка
1166 Пироги
1167 Печка
1168—1170 Шубу должно снимает с плечика

Рифма к строкам 1171—1172 записана на оборотах листов 17 и 24-го, введена в текст на листе 25-м:

	темп уанстеп
1171 Сглушились слова уанстепным темпом	Слова заглушились бешеным темпом
1172 И снова слова сквозь темп уанстепа	И снова слова сквозь шум уанстепа
1173—1175 Чего это вы так сегодня развеселились Разве? Слились	

Строки 1176, 1185, 1187 намечены на обороте предыдущего листа (л. 24) тремя словами:

	полосы Голоса Прирос
1176 Опять полоса осветила фразу	
1177—1178 Слова непонятны — особенно сразу	Проч<?>

Строфа 1179—1183 записана на обороте листа 17-го, введена в текст на листе 25-м:

1179—1180 Проооcто так (не то чтобы со зла)	I Просто так не то чтоб со зла II Просто так (не то чтобы со зла)
1181 Один тут сломал ногу	
1182 Так вот веселимся чем бог послал	

1183	Танцуем себе понемногу	
1184	Да	
1185	Их голоса	
1186	Знакомые выкрики	
1187—1188	Застыл в узнаваньи расплющился нем	
1189	Я фразы крою по выкриков выкройке	
1190—1192	Да это они они обо мне	
1193—1194	Шелест Листают наверное ноты	
1195—1196	Ногу говорите вот смешно то	
1197—1198	И снова стаканы в тостах исчоканы	И снова стаканы целуются в чоканьи
1199	и сыплют стеклянные искры из щек они	
1200—1201	И снова пьяное	
1202	Ну и интересно	
1203	Так говорите пополам и треснул	
1204	Должен огорчить как ни грустно	
1205—1206	не треснул говорю а только хрустнул	

Рифмы и вариант к двум строкам, записанным после строки 1206, находятся на оборотах листов 17 и 24, введены в текст на листе 26-м:

I На треть
смотреть

II На треть
надо посмотреть

Так говорите и отхватило на треть	
Вот весело надо поехать посмотреть	Господа надо поехать посмотреть
Господа грех ведь не собака дворовая	Господа грех ведь не собака *⟨неразборчиво⟩*

	Ладно	
	Ура	
	За его здоровье	
1207—1208	И снова хлопанье двери и карканье	карканье
1209	и снова танцы полами исшарканные	I шарканье II И снова танцы полами исшарканы

Рифма к строкам 1210—1211 записана на обороте листов 17-го и 24-го, введена в текст на листе 26-м:

		I степь тустеп II степи тустепе
1210—1211	И снова стен раскаленные степи	И снова стены раскаленные степи
1212	под ухом звенят и вздыхают в тустепе	
1213—1214	У стенки в страхе я не я	I Приста⟨влен?⟩ II Стою у стенки я не я
1215—1217	Пусть бредом жизнь смололась но только б только не ея невыносимый голос	
1218—1219	Я день я год обыденщине предал	I Предал II Пусть я любовь обыденщи⟨не⟩ III Пусть день не IV Пусть
1220	Я сам задыхался от этого бреда	Бреда
1221—1222	он жизнь дымком квартирошным выел	но дым квартирный сердце не выел
1223—1226	он звал решись с этажей в мостовые	Я целил лбом с этажей в мостовые
1227	Я бегал от зова разинутых окон	Я убегал от этих разинутых окон
1228—1229	Любя убегал. Пускай однобоко	I Любил пускай любил однобоко II Любил убегал Пускай однобоко

1230—1231	Пусть лишь стихом, лишь шагами ночными	
1232—1233	Строчишь и становятся души строчными	
1234—1235	И любишь стихом а в прозе немею	
1236—1237	Ну вот не могу сказать не умею	
1238—1239	Но где любимая где моя милая	
1240—1242	где в песне любви моей изменил я	
1243—1246	Здесь каждый звук чтоб признаться, чтоб кликнуть	I проникнут II стих который любовью проникнут III Скрипел я любовью пронзен и проникнут IV Ведь каждый звук он тобою проникнут
1247	А только из песен ни слова не выкинуть	I ни годы не выкинут II Из песен ни слова не выкинут III А только из песни ни слова не выкинуть
1248—1249	Вбегу на трель на гаммы	
1250—1251	В упор глазами в цель	
1252	Гордясь двумя ногами	упершись в пол ногами
1253—1254	ни с места крикну — цел!	скажу смотрите цел
1255—1257	Скажу смотри даже здесь дорогая	I Дорогая II Смотри даже здесь дорогая III Скажу смотри сейчас дорогая IV Скажу смотри даже сейчас дорогая
1258	стихами громя обыденщины жуть	Словами громя обыденщину жуть

1259—1262	имя любимое оберегая тебя в проклятьи моем обхожу	оберегая
1263—1264	Приди и отзовись на стих	Откликнись отзовись на стих
1265—1266	Я всех оббегав тут Теперь лишь ты могла б спасти	I Сейчас лишь ты б могла спасти II Сейчас лишь ты могла б спасти
1267—1268	вставай бежим к мосту	Вставай бежим пос<*неразборчиво*>

Рифма и наброски строк к строфам 1269—1275 записаны на оборотах листов 25 и 26, введены в текст на листе 27-м:

1269—1270	Быком на бойне под удар	Как бык на бойне под удар
1271	башку мою нагнул	I Нагну II И голову нагнул III я голову нагнул
1272—1273	Сборю себя пойду туда	I Сейчас пойду II Сборю себя шагну <туда>
1274—1275	Секунда и шагну	I Сейчас шагну II шагну

После строки 1275 сначала была записана строфа 1298—1303, затем зачеркнута и переписана внизу. Строфа 1276—1282 вставлена на полях:

1276	Последняя самая эта секунда	Последняя именно эта секунда
1277—1278	секунда эта стала началом	
1279—1280	началом невероятного гуда	I началом стала ужасным II началом стала ужасного гуда
1281—1282	Весь север гудел гудения мало	

Рифмы к строкам 1283—1294 записаны на обороте листа 25, введены в текст на листе 27-м

Колебанье
Любанью
Тверью
дверью
Клину

		I ‹*неразборчиво*› II кинул
1283—1284	По дрожи воздушной по колебанью	
1285—1286	догадываюсь теперь над Любанью	
1287—1288	По холоду по хлопанью дверью	
1289—1290	догадываюсь это теперь над Тверью	догадываюсь это над Тверью
1291—1292	По шуму что настежь окна раскинул	
1293—1294	догадываюсь кинулся к Клину	
1295—1297	Теперь грозой Разумовское залил На Николаевском теперь на вокзале	
1298	Всего дыхание одно	Еще дыхание одно
1299—1300	А под ногой ступени	I Ступени II Но под ступней ступени III А под ступней ступени
1301—1302	пошли поплыли ходуном	
1303	вздымаясь в невской пене	в пене
1304—1305	Ужас дошел в мозгу уже весь	в мозгу уже весь
1306	напрягая натягивая нервов строй	
1307	Раструбливаясь все и разгуживаясь	раструбливаясь и разгуживаясь
1308—1310	взорвался и пригвоздил стой	I грозой пригвоздивши Стой II Взорвался и лег Стой
1311	Я пришел из-за семи лет	
1312	Из-за верст шести ста	
1313—1314	Я пришел приказать нет	
1315—1316	Пришел приказать оставь	Я пришел сказать нет

Строка 1317—1320 записана за строкой 1321—1324:

1321—1324	Ну что ж что пошла б одному удалось бы	Ну что ж что пошла б одну
1317—1320	Подачек не надо не понял ты просьбы	

Рифма и набросок к строкам 1325—1334 записаны на обороте листов 25 и 27, введены в текст на листе 28-м.

		I вместе двести
		II Семь лет я стою я буду и двести любовь во всей человеческой гуще Со всеми с землей обезлюбленной вместе
1325—1334	Со всей землей обезлюбленной вместе Любовь во всечеловеческой гуще Семь лет я стою я буду и двести стоять пригвожденный стихами и ждущий	

Варианты к строфе 1335—1342 записаны на оборотах листов 26 и 27, введены в текст на листе 28-м.

1335—1337	У лет на мосту на презренье на смех	Вот здесь на смех
1338	Небывшей любви искупителем значась	I значась II бредо<вой> III забытой любви искупителем значась
1339—1340	должен стоять стою за всех	Я должен стоять Я стою за всех
1341—1342	За всех расплачу́сь За всех распла́чусь	
1343—1344	Тустеп за стеной заливается на три	Тустеп заливается на три
1345—1346	на четверть тона разбился на сто	

1347—1348	Я стариком на каком-то Монмартре	Седой старикашка сидит на Монмартре
1349—1351	Я рвусь (стотысячный случай) на стол	он рвется взлезть для речи на стол
1352	Давно посетителям осточертело	
1353—1354	Знают впер<ед> все как по нотам	Все знают вперед все как нотами[1]
1355—1356	Я буду звать их новое дело	Я буду звать их новое <дело> куда-то идти и спасать кого-то
1357—1358	куда то идти спасать там кого-то	
1359	В извинение самобичеваний и пьяной нагрузки	
1360—1361	хозяин перед посетителями извинится русский	
1362—1363	Женщины мяса и тряпок вязанки	А женщины мяса и тряпок вязанки
1364—1366	смеясь стащить стараются за ноги	смеясь стара<ются>

Рифма к строкам 1367—1369 записана на обороте листа 10-го, введена в текст на листе 29-м:

		дудки проститутки
1367—1369	Никуда не пойдем дудки мы проститутки	

В тексте за строкой 1369 записана строфа 1374—1384, за ней строфа 1370—1373:

1374—1379	Саженный обсмеянный, саженный битый по паркам кричу через шапки военщины	
1380—1382	чтоб знаменем красным шагали по быту	что знаменем красным пройдет он по быту

[1] Возможно, описка и следует читать «по нотам».

1383—1384	сквозь мозг мужчины сквозь сердце женщины	

Рифма к строкам 1371, 1373 и вариант строки записаны на обороте листа 26-го, введены в текст на листе 29-м:

1370—1373	Быть Сены б полосе Невой Грядущих лет брызгой иду по мгле по Сеновой всей нынчести изгой	 I Брызгой II От будущей жизни брызгой изгой

Рифма к строкам 1387, 1388 записана на обороте листа 27-го, введена в текст на листе 29-м:

1385—1387	Сегодня гнали в особенной ражи	I раже II Однажды после особенной ражи
1388	ну и жара же	I жара же II Скажу ну и жара же Сегодня только обветрить бы лоб
1389—1390	только б немного обветрить лоб	
1391—1392	Пойду пойду куда ни вело б	
1393	Внизу свистят сержанты трельщики	
1394—1396	И тело с панели уносят метельщики	I тело метельщики II А тело с панели уносят метельщики
1397—1398	Рассветом вздымаюсь сенскою сенью	I В рассвет над утренней сенскою сенью II В рассвет домами сенскою сенью
1399	синематографской серою тенью	I вздымаюсь серою серою тенью II вздымаюсь серою кинематенью

После 1399:

Загнувшись у ножек
решетюсь по Эйфелю
Большой даже звезды
высокие сдрейфили

1400—1402	Вот гимназистом смотрел я с парты	I Я помню мальчишко<й> учил их с парты II Я помню мальчишко<й> смотрел в них с парты III Ка<к гимназистом?> IV Вот гимназистом смотрел их с парты
1403	мелькают сбоку всехсветные карты	мелькают стран всехсветные карты
1404	Воспоминаний последним током	Каким то воспоминания током
1405—1406	я несся прощаться к странам востока	

После 1406:

	Лечу ни зги облаками окутан быть может год а может минута	
1407—1409	С разлета рванулся и стал и нà мель	
1410	Лохмотья мои зацепились штанами	
1411—1415	Ощупал скользкое луковка точно довольно большое и все раззолочено	
1416—1420	Под луковкой колоколов завывания вечер сгены зубцами выкаймил На Иване	
1421	Великом вышки кремлевские пиками	
1422—1423	Московские окна видные еле	Морозные окна
1424—1425	веселыми елками зарождествели	
1426	В ущелья кремлевы волной ударяла	В ущелья волной ударяла

1427—1428	то песня то звона рождественский вал	I То зв<онов> II То песня то звонов рождественский вал
1429—1433	С семи холмов низвергаясь Дарьялом. бросала праздника Терек Москва	

Строка 1434—1435 вначале была записана после строки 1424—1425.

1434—1435	Вздымается волос лягушкою тужась	Вздымаются
1436—1437	Боюсь отступлюсь на одну только пядь	
1438—1440	и этот старый рождественский ужас	
1441—1442	меня по Мясницкой закружит опять	
1443—1447	Руки крестом крестом на вершине ловя равновесие страшно машу	
1448—1449	Густеет ночь ни зги в аршине	Густеет тю<?>
1450—1452	Луна Подо мною белый Машук	Подо мною белеет Машук

Наброски строк 1453 и 1457 записаны на обороте листа 29-го, введены в текст на листе 31-м:

1453	Никак не справлюсь с моим равновесием	Равновесием
1454—1455	Как будто с вербы руками картонами	
1456	Заметят	
1457	Оттуда я виден весь им	I открылся весь им II Оттуда в<иден?>
1458—1459	Смотрите Кавказ кишит пинкертонами	

1460—1461	Заметили вот сообщили сигна- лом	
1462—1463	друзья, любови квар- тиры нанятые[1]	
1465—1467	со всей вселенной сигналом согнало спешат рассчитаться со мной дуэлянты	
1468—1470	Щетинясь щерясь еще и еще там	
1471—1472	плюют на ладони ла- донями сочными	I идут II плюют на ладони сочные
1473—1476	руками и ветром не- щадно без счета	
1477	в мочалку щеку ис- трепали пощечин- <ами>	I щеку истрепали удары по- щеченные II В мочалку щеку истрепали пощечин<ами> III и щеки горят в лоскуты ис- пощеченные

После строки 1477:

	Города обступили стали сто	
	Стоном свистящей по воздуху стали	тысячи
	Сотней лучей стоар- шинных хлыстов окнами стен меня ис- хлестало	
1478—1484	Пассажи перчаточ- ных лавок початки Дамы духи развеяв паточные снимали в лицо швы- ряли перчатки	

[1] Над словом «нанятые» надписано и обведено кругом слово «ленты!» — заготовка рифмы «ленты — дуэлянты», заменившей в окончательном тексте поэмы рифму «нанятые — дуэлянты».

в лицо магазины
швырялись перча-
точные
1485—1492 Газеты книги чего
глазеете
На помощь летящим
в морду вещам
ругней за газетиной
взвилась газетина
по уху слухом хва-
тить клевеща
1493—1498 И так я калека в
любовном боленьи
Для ваших оставь-
те помоев ушат
Я вам не мешаю. За-
чем оскорбленья
Я только стих
Я только душа
1499—1507 А снизу
Нет
Ты враг наш сто-
летний
Один уж такой по-
пался — гусар
Понюхай порох сви-
нец пистолетный
Грудь нараспашку
Не празднуй труса
1508—1514 Хлеще ливня грома
бодрей
бровь к брови ров-
ненько
Со всех винтовок, со
всех батарей
1515—1521 С каждого маузера
и браунинга
С сотни шагов, с
десяти с двух
в упор за зарядом
заряд

	Станут чтоб перевесть дух и снова свинцом сорят	
1522—1523	Конец ему в сердце свинец	Станут и снова в сердце свинец
1524	Чтоб не было даже дрожи	I Чтоб не было даже дрожи II Конец чтоб не было. даже дрожи
1525—1526	В конце концов всему конец	конец и мне тоже
1527	Дрожи конец тоже	
1528—1529	Окончилась бойня веселье клокочет	
1530	Смакуя детали разлезлись шажком	Смакуя детали разлезлись клочком
1531—1532	Лишь на Кремле поэтовы клочья	
1533	трепались по ветру красным флажком	Ве<тром?>
1534—1541	Лишь небо попрежнему лирикой providesзвездится Глядит в удивленьи небесная звездь Затрубадурйла Бóльшая Медведица Зачем? в королевы поэтов пролезть	

После строки 1541:

	Луч звезда приложила ко рту не то у Медведицы брат на борту	
1542—1545	Большая неси по векам араратам сквозь небо потопа ковчегом ковшом	

1546—1549	С борта звездолетцом медвединским братом горланю стихи мирозданию в шум	С борта звездолетным медвединским братом
1550—1552	Скоро Скоро Скоро Скоро	
1553—1554	В пространство пристальней	Пространство гляди пристальней
1555	Солнцем блестят горы	Солнцем блестят грядущего горы
1556	Дни улыбаются с пристани	
1557	Пристает ковчег	
1558	Сюда лучами	
1559—1661	Пристань Эй кидай канат ко мне	С пристани Эй кидай канат ко мне
1562—1563	И сейчас же в ужасе плечами	Отчего ж сейчас же в ужасе плечами
1564	ощущаю тяжесть и мороз камней	
1565—1570	Солнце ночь потопа высушило жаром За столом в жару встречаю день я Только с глобуса гора Килиманджаро Только с карты африканской Кения	
1571	Голой головою глобус	I Голый, голова земная глобус II Голой головою мира глобус
1572—1573	<Я> над глобусом от горя горблюсь	I Я над глобусом горя от горя горблюсь II над тобой горя от горя горблюсь
1574—1576	Мир хотел бы я в моем огромном горе	Как хотелось бы в моем огромном горе
1577	настоящие облапить горы	настоящие обнять живые горы

После строки 1577:

I На лежащие пустыни на вершинищи стоящие
Вылить слезы не строчные настоящие
II Морю в рамы на вершинищи стоящие
Вылить горе не строчн<ое> настояще<е>

Рифма к строкам 1580, 1582 записана на обороте листа 9-го, введена в текст на листе 33-м:

1578—1579	Чтобы с полюсов по всем жильям	
1580	лаву покатил горящ и каменист	I каменист II лавой покатил горящ и каменист
1581	так хотел бы разрыдаться я	
1582	медведь коммунист	коммунист
1583—1584	Мой отец и столбовой и дворянин	
1585	Кожа на моих руках тонка	
1586—1587	Я до дна стихами вычерпаю дни	I Я до дна стихами выпью дни II Я до дна стихами исчерпаю дни
1588	не видав в глаза токарного станка	
1589—1591	Но дыханьем моим сердцебиеньем голосом	
1592	каждым острием издыбленного в ужас волоса	острием издыбленного горем волоса
1593—1594	дырами ноздрей гвоздями глаз	
1595	зубом искрежещенным в звериный лязг	зубами искрежещенными в зверий лязг
1596	ежью кожи	
1597	гнева брови сборами	бровей сборами

1598	триллионом пор	порой
1599—1600	дословно всеми порами	триллионами порами
1601—1604	в осень в зиму в весну в лето	в осень в зиму в весну и в лето
1605—1606	в день в сон	
1607—1608	не приемлю ненавижу это	отверг<аю>
1609	все	

Строки 1616—1618 отсутствуют.

1619—1621	Я вам не доставлю радости	
	видеть	
	как сам от заряда стих	
1622	Не скоро по мне потянете	I Не скоро потянете II Не скоро за мной потянете
1623	об упокой его душу таланте	

После строки 1623:

Еще и френчами	
и крахмальными сорочками	
добираться к сердцу ножу	гулять моих стихов ножу
Я еще	I Я еще
заноз строчками	моими стихами строчками II Я еще моих стихов строчками
толстокожее иззаножу	не одного толстокожего иззаножу
Песня головой голодною гуди	гуди
женских глаз исплавай озерца	I озерца II Заплывая глазу женщин в озерца III заплывая глазам женщин в озерца
Все плотины быта выверни в груди	I в груди II Все плотины быта издери<?> в груди

	Сердце вырви бейся сердцем о сердца	I буду сердцем биться о сердца II Вырвав сердце бейся сердцем о сердца

Первоначальный вариант строфы 1624—1629 записан на обороте листа 33-го, введен в текст на листе 35-м:

1624—1626	Меня из-за угла лишь ножом можно	Меня лишь из-за угла кастетом можно
1627	Дантесам не целить в мой лоб	Дантесам в мой не целить лоб
1628	Четырежды состарюсь четырежды омоложенный	
1629	до гроба добраться чтоб	в гроб сойти чтоб

Рифма к строкам 1632, 1635 записана на обороте листа 33-го, введена в текст на листе 35-м:

		Флагу
1630—1631	Товарищи	лягу
	вдумайтесь чем был поя	вдумайтесь поя
1632—1635	когда я лягу И вы решите чтоб лег я с легшими под красным флагом	
1636—1643	Но за что ни лечь смерть есть смерть Страшно не любить ужас не сметь за всех пуля за всех нож А мне когда а мне то что ж	

Строки 1644—1647 записаны за строкой 1648—1652:

1648—1652	А то что другим для меня б этого Этого нет видите нет его	
1644—1645	В детстве может на самом дне	Лишь у детства может быть на дне

1646—1647	пару найду сносных дней[1]	I я найду десять <?> сносных дней II я найду десяток сносных дней III пару сыщу сносных дней
После строки 1647:		
	А то чтоб нежно было чтоб речь с кем просто хочется по-человечески	хочется просто по-человечески
1653—1654	Верить бы в загробь Легко прогулку пробную	
1655—1656	стоит только руку протянуть	
1657—1659	пуля в жизнь загробную	I Выстре<л> II Пуля <*неразборчиво*> в жизнь загробную III пуля мигом в жизнь загробную
1660	мигом начертит гремящий путь	
1661—1663	Но что мне делать если я во всю	
1664	всей сердечной мерою	если всей сердечной мерою
1665	только в землю в сию	только в с<ию?>
1666—1669	верил в жизнь и верую	
1670	Пусть во что угодно годы удлинятся	
1671—1672	Ясно вижу ясно до галлюцинаций	
1673—1674	до того что кажется	
1675	вот только с этой рифмой развяжись	вот только с годом развяжись
1676—1678	и вбежишь по строчке в изумительную жизнь	и вбежишь вот в эту изумительную жизнь

[1] В рукописи «дня», повидимому, описка.

Строки 1679—1683 отсутствуют. Рифма к строкам 1681 и 1683 записана на обороте листа 35-го:

		да та ли детали
1684—1685	Воздух в воздух будто камень в камень	Воздух в воздух будто в
1686—1696	недоступная для тленов и крошений рассиявшись высится веками мастерская человечьих воскрешений Вот он молодой прекрасный химик Перед опытом наморщил лоб В книге вся земля выискивает имя	
1697—1698	Век двадцатый воскресить кого б	воскресить чтоб ⟨*неразборчиво*⟩
1699—1700	Маяковский вот Поищем лучше лица	

Первоначальный вариант строк 1701, 1705 записан на обороте листа 33-го, введен в текст на листе 36-м:

1701	Этот недостаточно поэт красив	I Красив II Этот недостаточно красив
1702—1704	Крикну я вот с этой нынешней страницы	
1705—1706	не листай страницы Воскреси	воскреси меня тогда возьми и воскреси

Первоначальный вариант строфы 1707—1713 записан на обороте листа 34-го, в текст введен на листе 36-м:

1707—1709	Сердце мне вложи Кровищу до последних жил рассияя сквозь череп мысль вдолби	жил I вдолби II Мысль вот эту в голову

		вдолби
	Я свое земное не дожил	I не дожил II Помни в жизн<и> я не дожил
	На земле свое не долюбил	I не долюбил II Я любовь мою не долюбил
1714—1717	Был я сажень роста А на что мне сажень для таких работ годна и тля	
	Перышком скрипел я в комнатенку всажен	I Я II Перышком скрипел в комнатенку всажен
1718	вплющившись очками в комнатный футляр	
1719	Что хотите буду делать даром	
1720—1724	чистить мыть стеречь и месть	м<ыть?>
1725—1734	Я могу служить у вас хотя б швейцаром Швейцары у вас есть Был я весел толк в весельи есть ли если горе наше непролазно Нынче обнажают зубы если только чтоб хватить чтоб лязгнуть	
1735—1743	Мало ль что бывает тяжесть или горе позовите пригодится шутка дурья Я шарадами гипербол аллегорий буду развлекать стихами балагуря	пригодится может шутка дурья
1744—1745	Я любил	

	Но в сердце не позволю рыться	
1746—1748	больно пусть! живешь и горем дорожась	I дорожа II Нет любви живешь и горем дорожась
1749	Я зверье люблю	Я зверей люблю
1750—1752	у вас зверинцы есть	
1753	пустите к тиграм в сторожа	I сторожа II пустите к тиграм в сторожа III к зверью пустите в сторожа IV пустите к зверю в сторожа

Рифма к строкам 1755 и 1759 записана на обороте листа 17-го, введена в текст на листе 37-м:

1754—1755	Я люблю зверье увидишь собачонку	собачонку
1756—1757	Тут у булочной одна Сплошная плешь	Тут у булочной стоит
1758—1759	Из себя б и то достать готов печенку	I печенку II из себя достать готов печенку
1760—1761	Мне не жалко дорогая ешь	
1762—1773	Может, может быть когда-нибудь дорожкой зоологических аллей	аллей
	и она, она зверей любила, тоже ступит в сад	в сад
	улыбаясь вот такая как на карточке в столе	столе
	Нет красивей	
	Уж ее наверно воскресят	она ведь красивая ее воскресят
1774—1776	Ваш тридцатый век обгонит стаи	Стаям

1777	сердце издиравших мелочей	сердце раздиравших мелочей[1]
1778—1779	нынче недолюбленное наверстаю	I наверстаем II недолюбленное наверстаю
1780	звездностью бесчисленных ночей	
1781—1790	Воскреси	
	хотя б за то что я поэтом	поэтом
	ждал тебя не грязнул будням в чушь	чушь
	Воскреси меня хотя за это	поэтом[2]
	Воскреси	
	Свое дожить хочу!	хочу
1791—1797	Чтоб не было любви служанки	
	замужеств похоти хлебов	хлебов
	Постели прокляв	I любовь
	встав с лежанки	
	чтоб всей вселенной шла любовь	II чтоб шла по всей земле любовь
1798—1800	Чтоб день который горем старящ	старящ
	не христарадничать моля	
1801—1803	Чтоб вся на первый крик товарищ	Чтоб вся на мой первый крик товарищ!
1804	обворачивалась земля	оборачивалась земля

Заключительная строфа вначале входила в текст второй главы (см. стр. 344*). Переработка ее проходила на оборотах листов 23-го и 37-го.*

1805—1806	Чтоб жить не в жертву дома дырам	I Умрите по квартирным дырам II Чтоб быть не в жертву дома дырам

[1] Сбоку строки «сердце раздиравших мелочей» написано и обведено кру́гом слово «дрязги».

[2] Повидимому, описка вместо «за это».

III Чтоб жить не в жертву дома дырам

IV Чтоб жить не жертвой дома дырам

1807—1810 Чтоб мог в родне отныне стать

I Чтоб мог в моем семействе стать

II Чтоб мог в семье поэта стать

1811—1812 отец по крайней мере миром

1813 землей по крайней мере мать

Конец

Кроме нескольких неиспользованных заготовок, приведенных в вариантах, на страницах рукописи сохранились наброски, не осуществленные в поэме. Они приводятся ниже. Слева указаны обороты листов, на которых они записаны.

Об. л. 7 Теорий
горе

Об. л. 9 нет
Лужа
Брюнет
У мужа [1]

Об. л. 10 Я что то бурчу
Матова
I Наматывал
II На колеса рельсы наматывал

Об. л. 16 тащи покончить жизнь
хватай его за ножки
пятипудовик привяжи
вяжи мешок картошки

Об. л. 17 самок
дама

Об. л. 26 И сам становлюсь такой же
жуть
по коже
сижу

[1] Повидимому, один из набросков к строкам 692—702.

Об. л. 29 На жизнь покусится визжит
родня держи за ножки[1]

Об. л. 36. Направо
налево
раздать

Беловая рукопись с правкой и дополнениями

Вторая рукопись поэмы «Про это» написана чернилами на 50-ти листах линованной писчей бумаги. Текст расположен «столбиком» на одной стороне листа. Все поправки и дополнения сделаны карандашом, названия главок и вставки в текст вписаны на полях. На титульном листе — заглавие и оглавление («Объяснительная записка»), на обороте — посвящение и эпиграф. В конце рукописи подпись, дата: 11/II-23 г. Листы пронумерованы автором.

Оглавление:

А

(объяснительная записка)

Про что — про это?

I

Баллада Редингской тюрьмы

II

I Ночь перед Рождеством
II Ночь под Рождество[1]

Б

I (резолюция)

Прошу Вас очень!
II Прошение на имя . . . .
III Прошение на его имя
IV Прошение на имя веков

Посвящение:
Посвящается Лиле и мне

Перед заглавием вступления: **А**

4—5 I повторенной не раз и не пять
II перепетой не раз и не пять

---

[1] Над этими строчками написано: «Нужно!» и обведено кругом.

31 I Гигант
II и гигант
51—52 Эта тема придет и вовек не износится
58—59 Эта хитрая тема нырнет под события
63—64 затрясет
и посыпятся души из шкур.
67—68 I — Подать мне дней удила!
II — Подать дней удила!
76—77 I Молотком разгремелась от сердца к вискам
II Молотобойцем от сердца к вискам
78 Эта тема день истемнила
и в темень
79 I колотиться велела строчками лбов.
II колотиться строчками лбов.
III колотись велела строчками лбов.
80—83 I имя
этой
теме:
любовь.
II имя
этой
теме:
. . . .

Подзаголовок против строки 84:
I О балладах
II О балладе
и о балладах

Строки 84—87 вписаны на полях.
87 I ожив<ает>
II молодеет и лад баллад
107 Без решеток окна домика!

Подзаголовк против строки 112: «Бешеный телефон».
120—121 Когда это, откуда это у Маяковского поросенок.
122 А это с ожогов звонок визжит
131 Стиснув миллион вольт напряжения
142—144 пулей
летел
к барышне
173—174 I хочу окороче́к...
ищу чтоб дешево...
II окороче́к...

ищу чтоб дешево...
376 землетрясение...
177—178 ноге горячо...
ходуном подошвы...

Подзаголовок против строки 185: «Неистовство звоночищ, звонков и звоночинок

212—214 Со сна
чуть видно
точка глаз
215 иголит щеки жаркия
220 Морщинят мысли лоб ея.

Строки 231—244 вписаны на полях.

232 Забыв закончить начатый жест
237 I Откры<лась?>
II Им взвиделась жизнь
292 Так хочется крикнуть медлительной бабе
297—298 I словом любого яда и веса
II пулей любого яда и веса

Строки 320—326 вписаны на полях.

339—340 I Туда ж!
В телефоны
по дамам бабахать
II Туда ж!
В телефоны
по бабам бабахать
341—342 Пошел к своим —
в моря ледовитые!
343—349 I На телефон
грудь
на врага тяну
медведем
когда он смертельно сердится
а сердце глубже уходит в рогатину
схватила рогатина зубьями сердце.
II Медведем
когда он смертельно сердится
на телефон
грудь на врага тяну
а сердце
глубже уходит в рогатину.

350—351 Течет
ручьями красной меди
379 Сквозь слезы и шерсть бахромящие глаз
382 Барахло одеяла
388 простынь постельная трепется плеском.
392—394 Сам наплакал плакса и слякоть.
414 I Исчезло все
II Размыло все
420 I Вдали берега.
II В версте берега.
426—427 Течет река.
Плыву в середине.
429 I Влез на льдину.
II Взлез на льдину.
433 Подо мной подушкин лед.
439 I мысль одна наводненьем не вымыта
II одно ощущенье водой не вымыто
440 I я должен
II должен

Строки 444—453 вписаны на полях.

446—448 I Эта ли речка нет иная
II Эта река не эта, иная
452—453 I Это она Она вспоминаю
II Это она Теперь вспоминаю
463 Волны устои железные моют
486 привязанный мною стоит человек.
488 I разметал исседевшие волосы
II разметал отросшие волосы
490 I Напрасно мнешь!
II Напрасные мнешь!
506 I к перилам прикручен веревками строк.
II к перилам прикручен канатами строк.
509 когда ж исцеления срок?
523—525 не думай бежать
это я тебя вызвал —
526—527 I Найду!
Догоню!
II Найду!
Загоню!

Строки 530—538 вписаны на полях.

530—533 I Там праздник расфлажен

Я слышал гром его
II Там в городе праздник.
Я слышал гром его
537—538 I Муку сними
возьми
отмени
II Муку мою
конфискуй
отмени
545 скитайся и ты
549 I Остановись
II Стой подушка!
559—560 за дèнь от моей фигуры с моста
568 I Я начал кричать
II Начал кричать
571 Не услышат вовек!

Подзаголовок к строкам 577—613:

I Фантастическая земля
II Фантастическая реальность
582—583 Мчится льдышка плот.
602—603 Стою на снегу
610 Какой край?
616—618 I Парком Петровским бегу
Ходынка
II Парк Петровский
бегу
Ходынка
621—622 I — Спасите! — К садовой аж выкинул гул!
II — Ау! — К Садовой аж выкинул у!
628 Пулей слова с матершиной.

После строки 633 зачеркнуты четыре строки:

Спасите! — и чувствую, чем-то обнюхан
Глаза подымаю. Ноздри и ухо.
Я ткнулся к псу — обычная ласка
I но пес в подворотню заляскал
II но пес улизнув подворотней заляскал.
634—636 I Да ведь —
я медведь!
II Ах
Да ведь —
Я медведь!

После строки 636 зачеркнуты четыре строки:

Ах.
Присел за камень.
Такой.
На Бегах.

637—639 I Я выйду, я выскажу первым прохожим
II Недоразуменье
скажу
прохожим
III Недоразуменье
надо
прохожим

Подзаголовок против строки 642: Показался спаситель

642—644 I Сюда, от заставы, идет человечек
II Вон от заставы идет человечек

646—647 Луна ему голову вправила в венчик

651—652 Вот это спаситель!
Идет Инсусом.

657 I Совсем не Инсус.
II Совсем не Исус.

664—667 То сложит руки, как будто молится
то машет, как будто на митинге речь.

Строки 668—675 отсутствуют.

683 I в шелк
II шелк

698—702 I меня осенило.
Я дернулся к луже.
II До чего ж
на меня похож
Ужас
но надо ж
Дернулся к луже.

703 Ненужную курточку стягивать стал

704 I Прости голубчик.
II Ну что ж голубчик.

706 Семь лет он в это смотрит с моста

714—715 I Теперь почти такой же самый.
II Почти почти такой же самый.

716—717 I Пошел в уме шевелить адресами.
II Пошел мозги шевелить адресами.
III Бегу мозги шевелю адресами.

После строки 717 зачеркнуты десять строк:
Вот те на Мясницкой, вот те на Арбате
Бегу
лечу созывать и набатить.
Отчаянье память, ум отымет,
но этим
всегда оставляется норка
инстинкта нитью притянут родными
во-первых бегу по всяким задворкам.
Сам самовар рассиялся в лучики
лезут обнять самоварные ручки.
Строки 718—727 записаны на полях.
718—721 I Во-первых к родным
Вот здесь по задворкам
II Во-первых на Пресню
Сюда по задворкам
722 I Тянет
Тянет родимая норка
II Тянет инстинктом родимая норка
723—725 I За мною лишь в ночи теряются точкой
II За мною всемосковские точка за точкой
732—734 В прихожей тьма.
В электричестве комната
И сразу
752—755 I Так слушайте ж тетя, сестры и мама.
II Так слушайте ж! Тетя!
Сестры!
Мама!
После строки 763 зачеркнуты восемнадцать строк:
Я встал.
У тетки задвигался чепчик.
У мамы
смешной
старушечий страх.
Куда он?!
Оля!
Держи его крепче
Выдернул руку
— Не трогай сестра.
Поэтовы штучки думаешь?
Ленский?

Второе облако пишет в штанах.
Сегодня
я слиток силы вселенской
С корнями
дерево
выверну в мах.

764 I Пойдемте
II Не бойтесь
770 Подходят.
776—777 Любовь подменяете чаем?
Любовь подменяете штопкой носков?
778—779 Не Вы Александра олна Алексеевна
786—788 Сейчас мы мама несемся в Берлин
796 I лакает семейный чай негритос
II лакает семейкой чаи негритос

После строки 796 зачеркнуты четыре строки:

Весь мир разодрала семья на клетушки.
Что дом?!
В нем льня к самчихе ежатся душки
Сидят у крыш под курьим крылом.

Вариант строк 797—804 записан на полях.

797—804 I Хлеб любой обернется в камень
II Так хлеб любой обернется в камень
III Вы хлеб любой обернет⟨е⟩ в камень
Любая коммуна скрутится комом
Столетия тихо жили домками
Дома отобрали зажили домком
808—811 I Семья
под его огнеперым крылом
расставила и разложила посудины.
II Семья
под его огнеперым крылом
расставилась
разложила посудины.
III Вы
под его огнеперым крылом
расставились
разложили посудины.
812 I Кудрей паутин не расчешешь колом.
II Волос паутин не расчешешь колом.
III Паучьих волос не расчешешь колом.

813—814 Исчезни ж дома родимого место
815 I Иду
II Прощайте
817 Тому
какое поможет семейство?
818—819 I каких цыплят?
каких наседок?
II Любовь цыплячья?
Любовь наседок?

После строки 819 зачеркнуты четыре строки:

Другая жизнь когда еще
а тот стоит пока там
Гудела мысль кидающая
по Пресням по покатым.

820—821 I И вижу ясно. Всем в виду
II Бегу и вижу. Всем в виду
828 Кидает корабль балласт за балластом
829—830 I И видит
— опустошенная легкость! —
II Будь проклята
— опустошенная легкость! —

После строки 836 зачеркнуты четыре строки:

Стена ведет глаза огнем
Лучами колет бок она
Иди к знакомым за окном
кольцом исстукай окна.

843—844 вертелись в окне зазывая в квартиры

Подзаголовок против строки 858: Муж Розы Давидовны со мной и со всеми знакомыми

862 I Да это Маяковский
II Маяковский
864 I Пошел хозяин в комплиментах медоветь
II Пошел хозяин любезностью медоветь
865—866 I Пожалуйста
Прошу
II Пожалуйста-с
Прошу-с
869 Нечаянная радость-с, как сказано-с у Блока
870 I Жена..
Роза...видна
II Жена...

Роза...Двидна
874 семнадцать с полвиной годочков...
872—873 I точь-в-точь
II точь-в-точь в меня видно
875—876 I А это!..
II А это!.. Знаете
III А это!.. вы кажется знакомы
878 Из-под кроватей полезли партнеры
Строки 884—903 вписаны на полях.
885 Блестя из бород паутиной квартирной
Строки 907—908 вписаны на полях.
908 I лезет обнять в самоварные ручки
II хочет обнять в самоварные ручки
909—912 I Огромные чайные розы с обоев
выльзят и стелятся сами собою.
II В точках от мух веночки с обоев
на голову лезут сами собою
III В точках от мух веночки с обоев
лезут на голову сами собою
913—918 *отсутствуют.*
919—921 Сам Ленин вставленный в алую рамку
и то тянул обыденщины лямку
927 I осклабясь прадедушки лезут из карточек
II радушные бабушки лезут из карточек
937—939 I С праздничком!
С праздничком!
С праздничком!
С праздничком!
II С праз-
нич-
ком!
946 Да думаю занят...
950 I Да!
II Да-а!
952 Их ведьма разве найдет на венике.
956—957 I идут сейчас следя четвереньки.
II идут сейчас следят четвереньки.
961 мчался Невой.
964 I мчал льдом
II стал льдом
993 Дело пустяшное...

1009—1010 Постой...
По-о-стой
1011 Очень даже просто.
1017—1021 I Даже кажется выжал слезу
рвался
грозил:
— нукося! —
По углам
обо мне
вырастал зуд:
назюзюкался!
II Пустите
— нукося! —
по углам
рос зуд:
назюзюкался!

Против строки 1022 подзаголовок, не вошедший в окончательную редакцию поэмы: Чары 66

1022—1025 I Буде ныть!
Надо есть!
поесть, попить
и за 66!
II Буде ныть!
Поесть попить
попить поесть
и за 66!

После строки 1042 зачеркнуты две строки:

Отчаянным штурмом с позиции сбит
опять окопался привычками быт.

После строки 1054 зачеркнуты две строки:

Сквозь тыщи читающих, пивших и евших
проходят слова никого не задевши.

Подзаголовок против строки 1055:

Необычайность

1056 подбитые ватой стихают тарелки
1057—1060 Обои и стены блекли и блекли
1061 I Тонули в каких-то тонах офортовых
II Тонули в серых тонах офортовых
1062 I Внезапно
II Со стенки
1077—1078 И за морями тополя

1079 I вздымают в небо мертвость
II возносят в небо мертвость
После строки 1079 зачеркнуты семь строк:
Назад острова!
Не хочу!
Не ступлю!
Живому своих не навяжете воль вы.
Бросаю смотрите
смотрите топлю
я в вашем мертвом море револьвер.
1080—1083 I Только швырнул
сразу тополи
II Только ступил
и сразу тополи
1084—1086 I сорвались с мест пошли и затопали
II сорвались с мест пошли затопали
1094 наметят священобых
1098—1099 I Так барабаны с улиц, в сон
II Так барабаны улиц в сон
После строки 1106 зачеркнуты тридцать пять строк:
Мне кажется
вижу
не глазом
иначе
белою ночью
насквозь
на Неве...
Руки ломает, ломает и плачет.
Затихла.
А если это навек.
Нет!
Окна глотает глотками впадин
глазных
не сводит взора и ждет
Ежесекундно
изо дня на день
смотрит
за угол загну —
и вот...
Убивший любовь
не успевший и вылезти

я рвусь
но как посмотреть в глаза
как буду просить о несбыточной милости.
Она не пойдет.
Не надейся.
Назад.
Валю на память беспамятства глыбы
Но мозг покрывает сердечную дробь
Назад!
Надежду из черепа выбей.
Назад
В Лубянский проезд или в гроб!
Но только назад надрывается рот.
А сердце ногам приказало — вперед!
1113—1114 I Шулер
Шулер миражей
II Арап
миражей шулер
1117—1119 Колода стекла торжеством многоогним
победой горит у ночи из лап.
После строки 1119 зачеркнуты десять строк:
Так как же...
об снег
об воду
о камень
глаз не сводя с веселящихся рам
О камень
о снег
спотыкаясь
шажками
лунатиком тенясь тянулся к дверям
1131 снявший башмаки,
1142 Стараюсь в стены вплесниться
После строки 1144 зачеркнуты шесть строк:
Звенят?!...
В замок!
В шгукатурную зелень!
Куда?
Чтоб подслушали
I чтоб подглядели.
II чтоб подглазели.

1150—1152 · а пальцы
сами
в припадке отчаянья
1156 I раз сто по бокам коридорным исхлопано
II раз сто по бокам коридора исхлопано
1168—1170 I Шубу должно...
помогает...
с плечика...
II Шубу...
помогает...
с плечика...
1171 Сглушились слова уанстепным темпом
1179—1180 I Просто так — не то чтоб со зла:
II Слова так — не то чтоб со зла:

Строка 1189 записана после строки 1186, зачеркнута и тут же повторена.

После строки 1206 зачеркнуты шесть строк:

Так говорите и отхватило на треть?!
Вот весело
надо поехать посмотреть
Грех господа — не собака дворовая
Ура,
за его здоровие!
1213 Приставлен к стенке
1223—1226 Он звал
решись
с этажей
в мостовые
1260—1262 Тебя в проклятьи моем обхожу
1263—1264 Приди и отзовись на стих
1289—1290 Догадываюсь
это над Тверью
1306—1307 Напрягся натягивая нервов строй
раструбливаясь все и разгуживаясь
1308—1309 I Взорвался и пригвоздил:
II Взорвался пригвоздил:
1315 пришел приказать:
1321—1324 I Что толку когда одному удалось бы
II Что толку
тебе
одному удалось бы

1325—1330 I Со всей землей обезлюбленной вместе
любовь во всечеловеческой гуще
II Я жду
чтоб землей обезлюбленной
вместе
чтоб всей мировой человечьей гущей
1333—1334 стоять пригвожденный стихами и ждущий
1338 I Небывшей любви искупителем значась.
II Земной любви искупителем значась
1339—1340 я должен стоять
я стою за всех

Подзаголовок против строки 1343:

I Ротонда
II Кафэ Ротонда
1343—1346 I Тустеп за стеной разливался на три
на четверть тона разбился
на сто̀.
II Тустеп расколачивал стенку на три
на четверть тона
рассыпал на сто̀.
1349—1351 рвусь
— стотысячный случай —
на стол
1355—1356 I Я буду звать (новое дело!)
II буду звать (новое дело!)
1359 I В извинение самобичевания и пьяной нагрузки
1362—1363 II В извинение пьяной нагрузки
1362—1363 I А женщины мяса и тряпок вязанки
II Женщины мяса и тряпок вязанки
1364—1366 смеясь стащить стараются за ноги.
1367—1368 I Никуда не пойдем
Дудки
II Не пойдем.
Дудки

Строки 1370—1373 записаны после строк 1374—1384, а затем переставлены.

1370 Быть Сены б полосе Невой
1372 I Иду по мгле по Сеновой
II Хожу по мгле по Сеновой
1380—1382 I Чтоб знаменем красным шагали по быту

II Со знаменем красным шагайте по быту
III Под красное знамя
шагайте
по быту
1185—1187 Сегодня гнали в особенной ражи

После строки 1399 зачеркнуты четыре строки:

Загнулся у ножек.
Решетюсь по Эйфелю.
Высоко.
Аж звезды высокие сдрейфили.
1403 I Мелькают сбоку всехсветные карты.
II Мелькают сбоку Франции карты.
1405—1406 Лечу прощаться к странам Востока

После строки 1406 четыре строки, не вошедшие в окончательную редакцию поэмы:

I Лечу.
Ни зги.
Облаками окутан.
Год не то.
Не то минута.
II Ни зги.
Облаками окутан.
Год не то.
Не то минута.
1407—1409 I С разлета рванулся
стал.
На мель.
II С разлета рванулся
и стал
и нà мель.
1410 Лохмотья о крест зацепились штанами.
1411—1415 Ощупал.
Скользкое.
Луковка точно.
Большое очень.
Все раззолочено.
1418 Вечер стены зубцами выкаймил
1424—1425 Веселые.
Елками зарождествели
1434—1435 I Вздымается волос.
Лягушкою тужась.

II Вздымается волос.
Лягушкою тужусь.

Подзаголовок против строки 1443: Жизнь проходит перед глазами

1466—1467 Спешат.
Рассчитаться идут дуэлянты

После строки 1477 зачеркнуты семь строк:

Города обступили
Стали.
Сто.
Стон свистящей воздухом стали
Сотней лучей
стоаршинье хлыстов
окнами стен меня исхлестали

1485—1487 I Газеты!
Книги!
Чего глазеете?!
II Газеты!
Журналы!
Зря не глазейте

1489—1490 I Ругней
за газетиной взвилась газетина
II Ругней
за газетиной взвейся газетина.

1491—1492 I По уху
слухом хватай, клевеща.
II Слухами
в ухо хватай, клевеща.

1493 I За что?
Я калека в любовном боленьи.
II И так
я калека в любовном боленьи.

1506 I Пиджак на распашку!
II Рубаху в распашку!

Подзаголовок против строки 1508: Совершенная смерть.

Строки 1520—1521 сначала записаны в последовательности основного текста, а затем вставлены между строками 1514—1515.

1533 Трепались по ветру красным флажком

После строки 1541 зачеркнуты три строки:

Луч звезда приложила ко рту
Не то:
у Медведицы брат на борту.

1555 Солнцем блестят горы.

Перед заглавием третьей части:

Б

Заглавие третьей части: Прошу Вас очень!

Подзаголовок против строки 1557: Жизнь.

1562—1564 I И сейчас же
и локтями
и плечами
ощущаю тяжесть и мороз камней.

II И сейчас же
и локтями
и плечами
ощущаю тяжести камней.

III И сейчас же
ощутил плечами
тяжесть подоконничьих камней.

1567—1568 I За окном
в жару встречаю день я

II У окна
в жару встречаю день я

1572—1573 К глобусу от горя горблюсь

Подзаголовок против строки 1574: Горе.

1582 Я
медведь коммунист

Подзаголовок против строки 1583: Ненависть.

1583—1588 I Кожа на моих руках тонка
столбовой отец мой
дворянин
не видав в глаза токарного станка
я
до дна
стихами вычерпаю дни.

II Столбовой отец мой
дворянин
Кожа на моих руках тонка
Я
до дна
стихами вычерпаю дни
не видав в глаза токарного станка.

1592 каждым острием издыбленного волоса

1595 I зубами исскрежещенными в звериный лязг
II зубом исскрежещенным в звериный лязг
1598—1600 миллионом пор, дословно всеми порами,
1610—1612 I Все
что в нас
веками рабства вбито
II Все
что в нас
ушедшим рабьим вбито
1615—1616 I оседало
и осело ихним бытом
II оседало
и осело бытом
1619 I Я не доставлю будням радости
II Не доставлю будням радости
III не доставлю радости
1620—1621 I видеть как сам от заряда стих
II видеть что сам от заряда стих

После строки 1623 зачеркнуты двенадцать строк:

Песня головой голодною гуди
Женских глаз исплавай озерца
Все плотины будней выверни в груди
Сердце вырви
бейся сердцем о сердца
Еще и френчами
и крахмальными сорочками
к сердцам добираться слов ножу
Я
еще
заноз строчками
толстокожее иззаножу.

1624—1626 I Меня
из за угла лишь
ножом можно
II Меня
из за угла
ножом можно
1630—1631 I Но где б ни умер это поя
II Где б ни умер умру поя

Подзаголовок против строки 1636: Грусть.

1642—1643 А мне когда? А мне что ж?

1646—1647 I пару найду
сносных дней
II десяток найду
сносных дней
1666—1669 I в сей мир верил и верую
II сей
мир
верил
верую
1670 I Пусть во что угодно годы удлинятся
II Пусть во что угодно жданья удлинятся
1676—1678 I и вбежишь по строчке в изумительную жизнь
II и вбегу по строчке в изумительную жизнь
1679—1681 I Я не спрашиваю такая ли она
да та ли
II Мне <не> спрашивать такая ли она
да та ли
III Мне не спрашивать да эта ли
да та ли
IV Я уж не спрошу да эта ли
да та ли
V Мне ли сомневаться да эта ли
да та ли
1690—1692 I Вот он
молодой
прекрасный химик
II Вот он
большелобый
тихий химик
1694—1696 I В книге «Вся земля» выискивает имя
II Книга
«Вся земля»
выискивает имя
1710 I рассияй
сквозь череп мысль вдолби
II в череп мысль вдолби
1720—1724 чистить
мыть
стеречь
слоняться
месть

1766—1767 I И она
она зверей любила
II И она
она зверюг любила
1785—1786 ждал тебя откинув будничную чушь
1804 обворачивалась земля.

Беловая рукопись с поправками

Третья рукопись поэмы «Про это» написана на 56-ти листах линованной писчей бумаги черными чернилами; эпиграф, названия частей и главок — красными чернилами. Текст вступления и первой главы расположен «столбиком», со второй главы начинается «лесенка». Три листа перед текстом занимают заглавие поэмы, посвящение и эпиграф. В конце рукописи подпись и дата: 11/II 23 г. Листы пронумерованы автором.

Посвящение: Посвящается ей и мне
Перед заглавием вступления: А
Подзаголовок против строки 112: Бешеный телефон.
Подзаголовок против строки 185:
I Неистовство звоночищ, звонков и звоночинок
II Звоночное неистовство.
212—214 Со сна
чуть видно
точка глаз
220 морщинят мысли лоб ея
232 I Заб⟨ыли?⟩
II Не могут закончить начатый жест.
340 I Туда ж!?
В телефон!?
по бабам бабахать!?
II Тоже
туда ж!?
В телефоны бабахать??
426 I Течет река
II Рябит река
433 I Подо мной подушка лед.
II Подо мной подушки лед.
452—453 I Это она —
теперь вспоминаю.
II Было блестело
теперь вспоминаю.

463 I Волны устои железные моют.
II Волны устои стальные моют.
559—560 I За день
от моей фигуры с моста
II За день
от тени моей с моста
582—583 I Мчится
II Летит —
льдышка плот.
646—647 I Луна ему
голову вправила в венчик
II Луна
голову вправила в венчик

Заготовки к строкам 669—675 записаны слева, на обороте предыдущего листа:

шел по вате
пошловатый
желтоватей
ломался
романсом

Строки 668—675 записаны слева на полях и вставлены между строк 667 и 676:

683—685 Шелк
рук
сталь.

Подзаголовок Ничего не поделаешь *стоит против строки 700.*

703 I Нен<ужную?>
II Залитую курточку стягивать стал.
778—779 I Не вы
Александра одна
Алексеевна
II Не вы
не мама Альсандра Альсеевна
810—811 расставились
разложили посуды
829—830 I И видит
— опустошенная легкость! —
I Будь проклята
— опустошенная легкость! —
837 I Ногами вперекор
II Ногам вперекор

Подзаголовок против строки 858: Муж Розы Давидовны со мной и со всеми знакомыми.

870 I Жена — Роз Двидна
II Жена — Фекла Двидна
878 из-под кроватей ползли партнеры
896—897 I Одеждой
да взглядом,—
походка моя!
II Одеждой,
сама походка —
моя!
919—921 Сам Ленин
впряженный в алую рамку
тащил скрежеща обывательства лямку.
927 I Радушные бабушки лезут из карточек
II Радушно бабушки лезут из карточек
946 Да думаю занят...
дом...
со своими...
978 I для себя же...
II для вас же...
1050 I Вбиваюсь слов напором
II Вбивался слов напором
1077—1078 I И за морями —
тополя
II А за морями —
тополя
1287—1288 I По холоду
по хлопанью двери
II По холоду
по хлопанью дверью
1383 I По мозгу
II Сквозь мозг мужчины
1394—1396 I С панели
II Тело
с панели
уносят метельщики

Подзаголовок против строки 1443:
I Жизнь проходит перед глазами
II Повторение пройденного
1448 I Густая ночь.

II Густеет ночь.
Перед заглавием III части: **Б**
После заглавия подзаголовок:
I (прошу Вас товарищ: заполните сами!)
II (прошу Вас, товарищ химик: заполните сами!)
1615—1616 I оседало
и осело ихним бытом
II оседало
и осело бытом
1804 обворачивалась земля.

Журн. «Леф»

Посвящение: Посвящается ей и мне
Перед заглавием вступления: **А**
683 Шелк
811 разложили посуды
886 И это стоит столетья
946 Да, думаю занят
957 следя четвереньки
1050 вбивался слов напором.
1067 Недавно
1246 чтоб крикнуть
Перед заглавием третьей части: **Б**

Отдельное издание 1923 г. и «Вещи этого года»

Посвящение: Ей и мне.

Транспортники! (стр. 201)

Черновой автограф

1 *отсутствует.*
2 I Спасение Поволжья от голода в Ваших руках
II Спасение Поволжья от голода в наших руках
3 I Все руки железнодорожников и водников протянуты с помощью Волжанам
II Все протягивают руку помощи Волжанам
4 А в нашей среде есть люди...
13—14 Каждый паровоз каждый вагон ведущий грузы голодающим ремонтируется немедленно
21 ни минуту не задерживать...

22—23 Грузить не медля разгружать не медля
25 *отсутствует.*
26—27 I Сомкнутым строем транспортникам на борьбу с голодом
II Сомкнутым строем транспортников на борьбу с голодом
28 Лентяи — дезертиры
Воры — предатели

Беловой автограф

22 I Грузить голодающим грузы — не медля
II Грузи голодающим грузы — не медля

ОЧЕРКИ

Семидневный смотр французской живописи (стр. 233)

Машинопись с авторской правкой.

Стр. 233

Заглавие: Вместо: французской //[1] парижской

Стр. 235

25 *Вместо:* «Утра России // из «Утра России»

30 *Вместо:* В. Савинкова—начинающего ученичка // В. Савинкова.

35 *Вместо:* единственное низведение // единственный раз низведение

37—39 *Вместо:* Даже ..... Валета // Даже при упоминании на живописных Бубнового Валета диспутах об этом недоразумении

Стр. 236

30—32 *Вместо:* живописи ..... искусство. // в живописи — самое видное, самое нарядное искусство, над всеми другими искусствами.

Стр. 237

32 *После:* И то // даже здесь,

Стр. 243

После подзаголовка Купцы *зачеркнуто:* Осенний салон — официальное французское искусство. Настоящее искусство у купцов, даже официальное искусство салона делают эти самые купцы. Осен-

[1] Знаком // отделяется текст основного источника от его первоначального варианта.

ний салон, утверждают художники, даже поделен по купцам: комната купца такого-то, комната купца такого-то.

Стр. 244

22—23 *Перед:* Во французском // и

22 *Вместо:* схематическое, памфлетное изображение // схематическое изображение

27 *Вместо:* через них // через этих купцов

Стр. 245

7 *Вместо:* нужно // можно

9 *Вместо:* и по значению // и по своему значению

18—19 *Вместо:* очень..... к классицизму // у Пикассо,— это вопрос о возврате к классицизму

Стр. 246

2—3 *Вместо:* Не копирование ..... изучения ее. // не копирование природы, а все предыдущее кубическое изучение ее.

13 *Вместо:* сделать в результате // сделать новую

19 *Вместо:* а к тому // а на то

34 *После:* никогда // не может и

Стр. 247

5 *Вместо:* даже спина // даже лицо

7—9 *Вместо:* невозможно ..... тоже // невозможность пробития стены вкуса французских салонов и какими-то косыми путями подходит

24 *Вместо:* по утверждению Делонэ // по его утверждению

26—27 *Вместо:* к признанию величия // к восторгу перед

28 *После:* передать // в Россию, с просьбой

34—36 *Вместо:* раскрашиванием ..... жизни // и желания раскрашивать вещи и жизнь, раскраской дверей собственного ателье.

Стр. 248

34 *После:* эстетизма // и хорошее

35 *После:* выставляет // как другие

Стр. 249

6 *Перед:* технический // просто

11—12 *Вместо:* а простое: // а услышал простое:

21 *Вместо:* особой // никакой

26 *Вместо:* Высокомерное // Но высокомерное

29—30 *Вместо:* Париж во всем лучше. // Наши парижские лучше.

Стр. 250

2 *Вместо:* Но // Зато

3—4 *Вместо:* художественный ..... русских // их художественный темперамент

5 *Вместо:* Их макеты ..... до неприятности // Их вещи, макеты и костюмы до ужаса, до неприятности

8—10 *Вместо:* Деловое ..... дело // а деловое отношение, как к своему, давно ожидаемому и ничуть не удивившему делу.

11 *После:* подробность. // Приедете? Да, пожалуйста, хоть сейчас.

24 *Вместо:* Он голоден. // Но он голоден.

Осенний салон (стр. 238)

Газ. «Известия ВЦИК», М. 1922, № 214, 27 декабря.

Стр. 240

25—29 *Слсва:* Некоторое ..... живописью — *отсутствуют.*

Стр. 242

12—21 *Слова:* Посмотрите ..... и т. д.»— *отсутствуют.*

Стр. 243

30 *После:* Леона. // Дальше я буду говорить о торговцах, о Майолях, литературе и пр.

Париж. Художественная жизнь города (стр. 243)

Газ. «Известия ВЦИК», М. 1923, № 8, 13 января.

Стр. 243

После подзаголовка: Купцы // Осенний салон — официальное французское искусство. Настоящее искусство у купцов, даже официальное искусство салона делают эти самые купцы. Осенний салон,— утверждают художники,— даже поделен по купцам. Комната купца такого-то, купца такого-то.

Стр. 243—244

32—2 *Слова:* Большинство ..... галерей— *отсутствуют.*

Стр. 245

7 *Вместо:* нужно // можно

9—10 *Вместо:* и по значению ..... живописи // и по своему значению для мировой живописи

18—19 *Вместо:* очень ..... к классицизму // в Пикассо— это вопрос о возврате к классицизму

23 *Вместо:* отверженные люди // мазилы

32—34 *Слова:* Посмотрите ..... скрипка — *отсутствуют.*

Стр. 246

1—3 *Вместо:* утверждение ..... изучения ее // то установление нового классицизма, классицизма, имеющего основанием не копирование природы, а все предыдущее кубическое изучение ее.

13 *Вместо:* разложить ..... скрипку // «разложенная» скрипка, делание скрипки

29 *Слова:* Раскрасили же у нас Страстной! — *отсутствуют.*

34 *После:* никогда // не сможет и

39 *Вместо:* давая форму // Он дает форму

Стр. 247

5—6 *Вместо:* Он весь ..... руки // Он даже лицом, даже фигурой

7—9 *Вместо:* невозможно ..... тоже // что невозможно пробить стену вкуса французских салонов и какими-то косыми путями подходит

24 *Вместо:* по утверждению Делонэ // по его утверждению

26—27 *Вместо:* к признанию величия // к восторгу перед

28 *После:* передать // в Россию, с просьбой

34—36 *Вместо:* раскрашиванием ..... жизни // и желания раскрашивать вещи и жизнь раскраской дверей собственного ателье.

Стр. 248

34 *После:* эстетизма // и хорошее

После: выставляет // как другие

Стр. 249

6 *Перед:* технический // просто

11—12 *Вместо:* а простое: // а услышал простое:

21 *Вместо:* особой // никакой

26 *Вместо:* Высокомерное // Но высокомерное

29—30 *Вместо:* Париж во всем лучше // Наши парижские лучше.

Стр. 250

2 *Вместо:* Но // Зато

3—4 *Вместо:* художественный ..... русских // их художественный темперамент

5 *Вместо:* Их макеты ..... до неприятности // Их вещи, макеты и костюмы до ужаса, до неприятности

8—10 *Вместо:* Деловое ..... дело // Коммунизм расцвечивает жизнь так, как мы расцвечиваем картины.

11 *Вместо:* приезд ..... подробность // Отношение, правда эстетствующее, но и это подвиг в Париже.

12 *Вместо:* Приятно констатировать // Рад подчеркнуть

24 *Вместо:* Он голоден. // Но он голоден.

28 *Вместо:* единственным офицером // единственный в роте офицер

33 *Вместо:* такого свободолюбия // свободолюбия

38 *Слово:* ГПУ — *отсутствует.*

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. МАЯКОВСКОГО, ВОШЕДШИХ В ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ

Люблю. Изд. Вхутемас, М. 1922 (МАФ, серия поэтов, № 1), 47 стр.

Люблю. 2-е изд., Вхутемас, М. 1922, (МАФ, серия поэтов, № 1), 47 стр.

Люблю. Изд. «Арбейтергейм», Рига, 1922 (МАФ, серия поэтов, № 1), 27 стр.

Маяковский издевается. Первая книжица сатиры, изд. Вхутемас, М. 1922 (МАФ, серия поэтов, № 3), 48 стр.

Маяковский издевается. Первая книжица сатиры, 2-е изд., Вхутемас, М. 1922, 48 стр.

13 лет работы. Т.т I и II, изд. Вхутемас, М. 1922, 304 стр. и 464 стр.

Для голоса. М. ГИЗ; Берлин, 1923, 61 стр.

Избранный Маяковский. Изд. «Накануне», Берлин — Москва, 1923, 256 стр.

Лирика. Изд. «Круг», М.— П. 1923, 91 стр.

Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается. Изд. «Круг», М.— П. 1923, 43 стр.

Про это. Госиздат, М.—Л., 1923, 43 стр.

Стихи о революции. Изд. «Красная Новь», М. 1923, 98 стр.

Стихи о революции. 2-е изд., «Красная новь», М. 1923, 124 стр.

Вещи этого года (до 1 августа 1923 г.). Изд. «Накануне», Берлин, 1924, 108 стр.

Два стихотворения. М. 1924, 20 стр. [1]

О Курске, о комсомоле, о мае, о полете, о Чаплине, о Германии, о нефти, об 5 Интернационале и о проч. Изд. «Красная новь», М. 1924, 90 стр.

Избранное из избранного. Изд. «Огонек», М. 1926, 54 стр.

Сочинения, т. 2 и 3, ГИЗ, М.—Л. 1928, 345 стр. и 1929, 448 стр.

Школьный Маяковский. ГИЗ, М.—Л. 1929, 104 стр.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БММ — Библиотека-Музей В. Маяковского.

ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР.

ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.

---

[1] Учебная работа графического факультета Вхутемаса.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Прозаседавшиеся (стр. 7). Газ. «Известия ВЦИК», М. 1922, № 52, 4 марта; «Маяковский издевается», 1-е и 2-е изд.; «13 лет работы», т. 1; «Избранный Маяковский»; «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»; «Стихи о революции», 1-е и 2-е изд.; «Избранное из избранного»; Сочинения, т. 2; «Школьный Маяковский».

Перепечатано в газ. «Дальневосточный телеграф», Чита, 1922, 25 сентября.

В настоящем издании в текст 2-го тома Сочинений внесено исправление, сделанное автором в сборнике «Школьный Маяковский» (1929) в строке 54: вместо «Поневоле приходится разорваться!» — «Поневоле приходится раздвояться».

«Стихотворение «Прозаседавшиеся» высоко оценил Владимир Ильич Ленин. В речи «О международном и внутреннем положении Советской республики» на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 года В. И. Ленин сказал:

«Вчера я случайно прочитал в «Известиях» стихотворение Маяковского на политическую тему. Я не принадлежу к поклонникам его поэтического таланта, хотя вполне признаю свою некомпетентность в этой области. Но давно я не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной. В своем стихотворении он вдрызг высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они все заседают и перезаседают. Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно. Мы, действительно, находимся в положении людей (и надо сказать, что положение это очень глупое), которые все заседают, составляют комиссии, составляют планы — до бесконечности... Практическое исполнение декретов, которых у нас больше

чем достаточно и которые мы печем с той торопливостью, которую изобразил Маяковский, не находит себе проверки» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 33, стр. 197—198).

Строка 17. *Тео* — театральный отдел Главполитпросвета.

Гукон — Главное управление коннозаводства при Наркомземе.

Спросили раз меня: «Вы любите ли НЭП?..» (стр. 10). Черновой автограф в записной книжке 1922 г., № 17; (БММ); газ. «Известия ВЦИК», М. 1922, № 52, 12 марта; «Маяковский издевается», 1-е и 2-е изд.; «13 лет работы», т. 1; «Стихи о революции», 1-е и 2-е изд.; «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»; Сочинения, т. 2.

Заглавие — перефразировка эпиграммы Козьмы Пруткова:

«Вы любите ли сыр?» — спросили раз ханжу
«Люблю,— он отвечал,— я вкус в нем нахожу».

Строка 26. *Вчека* — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Строка 27. *Мчека* — Московская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Строка 38. *Лоренцо* — Лоренцо Медичи (1449—1492), правитель Флоренции, прозванный «Великолепным» за любовь к роскоши и щедрое покровительство искусствам.

Строка 54. *«Гротеск»* — кафе, находившееся в Москве на Тверской улице (теперь — ул. Горького).

Строка 73. *«Мерилиз»* — универсальный магазин фирмы Мюр и Мерилиз, находившийся в Москве. Теперь в этом здании — универмаг Мосторга.

Сволочи (стр. 14). Черновой автограф в записной книжке 1922 г., № 17; (БММ); газ. «Известия ВЦИК», М. 1922, № 60, 15 марта; «13 лет работы», т. 1; «Стихи о революции», 1-е и 2-е изд.; «Для голоса», Сочинения, т. 2. Перепечатано в журналах: «Художественная мысль», Харьков, 25 марта — 1 апреля, № 6; «Черная година», изд. Саратовского Губкомпомгола, 1922, № 2.

Первая строка (заголовок) стихотворения была заменена в газете «Известия ВЦИК» словом — «Слушайте!» с таким примечанием от редакции: «В оригинале первая строка звучит несколько более резко».

Строка 10. *Помгол* — комиссия помощи голодающим областям России, созданная ВЦИК в 1920 году.

Строка 97. *Фритиоф Нансен* (1861—1930) — норвежский путешественник, ученый, исследователь Арктики. Относясь с глубокой

симпатией к Советскому Союзу, принимал активное участие в помощи голодающим Поволжья.

Строка 156. «*Ампир*» — ресторан в Москве.

Бюрократиада (стр. 20). Газ. «Известия ВЦИК», М. 1922, № 75, 2 апреля; «Маяковский издевается», 1-е и 2-е изд.; «13 лет работы», т. 1; «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»; «Стихи о революции», 1-е и 2-е изд.; Сочинения, т. 2.

В настоящем издании в текст 2-го тома Сочинений внесены исправления: в строке 24 вместо «человеческий» — «человечий» (по тексту всех предшествующих изданий); в строке 53 вместо «машин» — «машины» (по тексту «Маяковский издевается», 1-е и 2-е изд., «13 лет работы», т. 1; «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»); в строке 169 вместо «просить» — «попросить» (по тексту всех предшествующих изданий, кроме «Стихов о революции», 2-е изд.).

Строка 33 — «*Осади без трудовой!*» — Речь идет о трудовой книжке, заменявшей в 1919—1924 годы паспорт и другие виды удостоверения личности.

Выждем (стр. 26). Беловой автограф (БММ.)

Стихотворение записано на обороте листа с автографом плаката «Займем у бога».

Впервые опубликовано в сборн. «Владимир Маяковский», 1. Институт литературы Академии наук, М.—Л. 1940. Печатается по автографу.

Написано в начале 1922 года в связи с предстоявшей Генуэзской конференцией (см. ниже примечание к стих. «Моя речь на Генуэзской конференции»).

Моя речь на Генуэзской конференции (стр. 27). Газ. «Известия ВЦИК», М. 1922, № 82, 12 апреля; «Маяковский издевается», 1-е и 2-е изд.; «13 лет работы», т. 1; «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»; Сочинения, т. 2.

Генуэзская конференция — происходила в Генуе (Италия) в апреле — мае 1922 года. Это была первая конференция по экономическим и финансовым вопросам, на которую были приглашены представители Советской России. Советская делегация решительно отвергла притязания империалистов, пытавшихся навязать Советской России кабальные условия соглашения, добиться политических и экономических уступок (уплаты царских долгов) и т. д.

Строка 4. *Чичерин* Г. В. (1872—1936) — народный комиссар

иностранных дел, фактически возглавлявший советскую делегацию в Генуе.

Строка 44. «*Матэн*» — французская буржуазная газета.

Строка 45. «*Таймс*» — официозная английская газета.

Строка 56. *Пуанкаре* Раймон (1860—1934) — французский реакционный политический деятель, президент Франции (1913—1920), один из вдохновителей первой мировой войны 1914—1918 годов и инициаторов интервенции и блокады Советской России.

Строка 60. *Сити* — центральная часть Лондона, где сосредоточены крупнейшие банки.

Строка 61. *Ллойд-Джордж* (1863—1945), английский реакционный политический деятель, лидер либералов, премьер-министр Англии с 1916 по 1922 год. Один из организаторов антисоветской интервенции и блокады Советской России.

Строки 84—87. *Слышите из Берлина первый шаг трех Интернационалов?* — В начале апреля 1922 года в Берлине состоялась конференция, посвященная организации единого рабочего фронта. В ней приняли участие Исполкомы Коммунистического Интернационала и оппортунистических — 2-го и так называемого, $2^1/_2$-го Интернационалов.

Мой май (стр. 30). Газ. «Известия ВЦИК», М. 1922, № 96, 30 апреля; «13 лет работы», т. 1; «Стихи о революции», 1-е и 2-е изд.; «Для голоса», «Избранное из избранного»; Сочинения, т. 2.

Перепечатано в сб. «Синеблузый май», М. 1923.

Как работает республика демократическая (стр. 32). Газ. «Известия ВЦИК», М. 1922, № 112, 23 мая; «Маяковский издевается», 1-е и 2-е изд., «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается», Сочинения, т. 2.

Написано в результате поездки поэта весной 1922 года в Ригу, в то время — столицу буржуазной Латвии.

В записной книжке 1922 г., № 11 содержатся краткие сведения о Латвии, использованные в стихотворении.

Строка 62. *Учредилка* — ироническое название Учредительного собрания.

Строки 79—80. *Для споров несколько эсдечков приручено* — речь идет о членах латвийской социал-демократической партии.

Строки 81—87. *Дерман*, Вилис — депутат Учредительного собрания Латвии, независимый социал-демократ, работавший в контакте с коммунистами. В связи с ложным обвинением Дермана Учредительное собрание проголосовало за его выдачу властям. При выходе из здания «Учредилки» Дерман был арестован.

Строки 98—103. *Напечатал «Люблю»...*— Во время пребывания Маяковского в Риге рабочее издательство «Арбейтергейм» выпустило его поэму «Люблю». Издание было конфисковано полицией и сожжено.

Строка 121. *Бурш* (немецк.) — студент.

Баллада о доблестном Эмиле (стр. 38). Газ. «Известия ВЦИК», 1922, № 117, 28 мая. В прижизненных сборниках не публиковалось.

По воспоминаниям О. С. Литовского, работавшего в те годы в «Известиях», Маяковский сдал в редакцию стихотворение со ступенчатой разбивкой строк. Но редактор газеты Ю. Стеклов, «не признававший» поэтической манеры Маяковского, воспользовался его отсутствием и распорядился печатать «Балладу» без разбивки строк на ступеньки (О. Литовский, Воспоминания о Маяковском (БММ). Отсутствие оригинала лишает возможности восстановить разбивку Маяковского.

Эмиль Вандервельде — (1866—1938), лидер бельгийской рабочей партии, социал-оппортунист, один из руководителей II Интернационала. По профессии адвокат. В 1922 году приезжал в Москву на процесс правых эсеров для защиты подсудимых.

Нате! Басня о «Крокодиле» и о подписной плате (стр. 41).

Журн. «Крокодил», М. 1922, № 4 (16) сентябрь.

Печатается по тексту «Крокодила».

В журнальном тексте в конце стихотворения стоит подпись — В. Маяковский. Вслед за этим помещены строки:

А плата такая:
пусть каждый вникает:
не триста, не двести,
а только 150 рублей,
на «Рабочую газету»
с «Крокодилом» вместе,
и это
за целый месяц.
Эй,
рабочий,
рублей
не жалей!

Подпись — Контора.

Стих резкий о рулетке и железке (стр. 43).

Журн. «Крокодил», М. 1922, № 5, 24 сентября; «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»; Сочинения, т. 2.

Строка 4. *Каретный ряд* — улица в Москве.

Строка 5. *...а деятельность большая — желдороги, банки* — каламбурное использование названий карточных игр: «шмендефер» chemin de fer (французск.) железная дорога, отсюда — «железка».

Строка 8. *...помещения на Малой Лубянке* — здание, где находилось ГПУ (Государственное политическое управление).

Строка 15. *«Эрмитаж»* — сад в Москве, в котором находились различные увеселительные заведения, а также казино.

Дутики — извозчики, экипажи которых были на «дутых» резиновых шинах.

Строка 24. *Крупье* (у Маяковского склоняется — «крупьями», у «крупьи») — банкомет в игорном доме.

Строка 47. *«Шпалер»* — револьвер (на воровском жаргоне).

Строка 92. МУР — Московский уголовный розыск.

П о с л е и з ъ я т и й (стр. 47). «Красный журнал для всех», П. 1922, № 1, ноябрь.

Перепечатывалось в следующих газетах, журналах и сборниках: газ. «Саратовские известия», Саратов, 1922, № 279, 6 декабря; газ. «Смена», Тула, 1923, № 1, 1 января; газ. «Красное знамя», Томск, 1923, № 7, 11 января; журн. «Товарищ», Пенза, 1923, № 3, 19 января, под названием «Бог и я»; газ. «Амурская правда», Благовещенск, 1923, № 862, 11 февраля; газ. «Красная смена», Минск, 1923, № 12, 13 марта, под названием «Письмо богу»; газ. «Пролетарий», Самарканд, 1923, № 48, 31 марта, под названием «Маяковский о боге»; сб. «Комсомольское рождество», М. изд. МК РКСМ, 1923; газ. «Юный пахарь», Минск, 1924, № 23, 31 марта; газ. «Натиск», М. 1924, № 9, 21 апреля.

Печатается по тексту «Красного журнала для всех».

Написано в связи с изъятием церковных ценностей во время голода в Поволжье 1921—1922 годов.

Г е р м а н и я (стр. 49). Черновой автограф строк 1—7 в записной книжке 1922 г., № 18 (БММ); газ. «Известия ВЦИК», М. 1923, № 2, 4 января; «Стихи о революции», 1-е и 2-е изд.; «Вещи этого года»; Сочинения, т. 2.

Написано в результате поездки Маяковского в Германию осенью 1922 года.

В предисловии «До» к сборнику «Вещи этого года» Маяковский сделал такое примечание:

«Аэроплан, летевший за нами с нашими вещами, был снижен мелкой неисправностью под каким-то городом.

Чемоданы были вскрыты и мои рукописи взяты какими-то крупными жандармами какого-то мелкого народа.

Поэтому вещи, восстанавливаемые памятью, будут слегка разниться от первоначальных вариантов».

В газете «Известия» стихотворение было напечатано с примечаниями Маяковского; они воспроизводятся ниже — см. примечания к строкам 54, 58, 63, 64.

Строка 3. *Рапалло.*— Имеется в виду договор между Советской Россией и Германией, подписанный в апреле 1922 года в Рапалло (Италия) во время Генуэзской конференции.

Строки 18—22. В июне 1917 года правительство Керенского предприняло по указке Антанты новое наступление, имевшее целью затянуть войну между Германией и Россией.

Строка 54. *Стиннес* — могущественный капиталист Германии.

Строка 58. *Шибер* — спекулянт.

Строка 63. *Норден* — рабочие кварталы Берлина.

Строка 64. *Вильгельмов пролет* — средний пролет Бранденбургских ворот. Через эти ворота ездил только Вильгельм и разрешалось один раз проехать новобрачным из церкви.

Бранденбургские ворота — триумфальные ворота в центре Берлина, через которые рвались в марте восставшие коммунисты.

Строка 67. *Из унтерденлиндских отелей* — имеются в виду богатые отели на улице Унтерденлинден в центре Берлина.

Н а ц е п ы! (стр. 53). «Известия ВЦИК», М. 1923, № 10, 16 января; «Стихи о революции», 1-е и 2-е изд. Машинопись для сборника «256 страниц Маяковского», кн. 2-я (ИМЛИ. Сборник в свет не вышел); Сочинения, т. 2.

Строки 3—4. *Январь готовят обернуть в июль — июль 14-го года* — в июле 1914 года началась первая мировая война.

Строки 17—21. В 1922 году в Италии, с приходом к власти фашистского диктатора Муссолини, начался кровавый террор против деятелей революционного движения.

Строка 18. *Рур* — основной район каменноугольной, тяжелой и военной промышленности Западной Германии, являвшийся в годы первой мировой войны и после нее предметом ожесточенной борьбы капиталистических стран. В январе 1923 года французская армия оккупировала Рурскую область.

Строка 30. *Бонар-Лоу* (1858—1923) — английский политический деятель, лидер консерваторов. В 1922 году — премьер-министр.

Мосул — город на северо-западе Ирана. В районе Мосула — крупные месторождения нефти, за которые шла борьба между Германией, США, Англией, Турцией. Борьба эта особенно обострилась после того, как Мосул, оккупированный в 1918 году английскими войсками, вошел в состав Ирака, переданного под английский мандат; это вызвало резкий протест со стороны Турции.

Товарищи! Разрешите мне поделиться впечатлениями о Париже и Монѐ (стр. 56). Газ. «Известия ВЦИК», М. 1923, № 11, 17 января; «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»; «Вещи этого года»; Сочинения, т. 2.

В настоящем издании в текст 2-го тома Сочинений внесены исправления: в строке 35 вместо — «в 12 вылезешь» — «в 12 вылазишь» (по тексту сб. «Вещи этого года»); в строке 37 вместо «и в 3 выберешься едва» — «и в 4 выберешься едва» (по тексту сб. «Вещи этого года», см. примеч. к стих. «Германия», стр. 424).

МОНО — Московский отдел народного образования. У Маяковского склоняется — «о Монѐ», «под Моно́ю».

Строка 6. *Виндавский* — теперь Рижский вокзал в Москве.

Строка 15. *Эйдкунен* — город на бывшей границе между Литвой и Германией, теперь — город Калининградской области.

Строка 21. ...*в Себеже или Зилу́пе* — города на бывшей границе между СССР и Латвией.

Пернатые (стр. 58). Беловой автограф (ЦГАЛИ); журн. «Красная нива», М. 1923, № 3, 21 января; «Стихи о революции», 1-е и 2-е изд.; машинопись для сборника «256 страниц Маяковского», кн. 2-я (ИМЛИ. Сборник в свет не вышел); Сочинения, т. 2.

В настоящем издании в текст 2-го тома Сочинений внесены исправления: восстановлены интервалы между строфами; в строке 15 вместо «вылезь в час вот этакий» — «вылезь в час вот в этакий» (по тексту белового автографа).

Строка 26. *Фабер* — имеются в виду карандаши фирмы Фабер.

Строка 35. *Линотип* — типографская машина.

Строка 41. *Стереотип* — металлическая печатная форма, копия типографского набора.

Строка 46. *Ротационки-танки* — ротационные печатные машины, в которых печатная форма и поверхность, прижимающая к ней бумагу, представляют собою вращающиеся цилиндры, между которыми проходит бумага.

Строка 54. *Петит и корпус* — типографские шрифты.

О поэтах (стр. 60). Журн. «Красная нива», М. 1923, № 7, 18 февраля; «Вещи этого года»; «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»; «Стихи о революции», 2-е изд.; Сочинения, т. 2.

В настоящем издании в текст 2-го тома Сочинений внесены следующие исправления: в строке 53 вместо «А остальные» — «А остальное» (по тексту журн. «Красная нива» и сб. «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»); в строке 55 вместо «Хороший язык; взял да и искрошил» — «Хороший язык взял да и искрошил» (по тексту сб. «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»); в строке 109 вместо «и сыплется в машину» — «и сыпется в машину» (по тексту журн. «Красная нива», сб. «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается» и сб. «Стихи о революции», 2-е изд.); в строке 129 вместо «отобрать их от добрейшего Анатолия Васильевича» — «отобрать их от добрейшего Анатолия Васильича» (по тексту сб. «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»).

Перед строкой 1. ...*«о прожигании глаголами сердец людей»* — перефразировка строки из стихотворения Пушкина «Пророк»: «Глаголом жги сердца людей».

Строка 129. *Анатолий Васильевич* — Луначарский (1875—1933), первый народный комиссар просвещения РСФСР с 1917 по 1929 год.

Строка 131. *Семашко* Николай Александрович (1874—1949)— первый народный комиссар здравоохранения РСФСР с 1918 по 1930 год.

О «фиасках», «апогеях» и других неведомых вещах (стр. 64). Беловой автограф (БММ); газ. «Известия ВЦИК», М. 1923, № 39, 21 февраля; «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается»; «Стихи о революции», 2-е изд.; «Вещи этого года»; Сочинения, т. 2.

В настоящем издании в текст 2-го тома Сочинений внесено исправление: в строке 37 вместо «скидывая картуз» — «скидавя̀ картуз (по автографу).

Стихотворение перекликается с написанной примерно в то же время статьей «С неба на землю», посвященной борьбе за простоту и общепонятность литературного языка (см. т. 12 наст. изд.).

Строка 11. *Акуловка* — Маяковский использует название деревни около Пушкина (под Москвой), где он жил летом.

Строки 25—27. *Стиннес; Рур* — см. стр. 425

Н а з е м л е м и р. В о ч е л о в е ц е х б л а г о в о л е н и е (стр. 67). «Бюллетень Прессбюро Агитпропа ЦК РКП(б)», выпуск «А», М. 1923, № 13, 21 февраля.

Бюллетени систематически рассылались с начала 1923 года редакциям газет и журналов. Эту работу вело Прессбюро, организованное при отделе агитации и пропаганды ЦК РКП(б).Отпечатанные на ротаторе, бюллетени направлялись «для губернских газет, имеющих в виду по преимуществу городского жителя» (бюллетень «А») и «для уездных и губернских газет земледельческих районов с крестьянским кадром читателей» (бюллетень «Б»). Наряду с этим выпускались и бюллетени «А/Б».

Вместе с общественно-политическими статьями Прессбюро печатало и литературно-художественный материал на актуальные темы.

Активное и постоянное сотрудничество Маяковского в Прессбюро ЦК РКП(б) в 1923—1924 годах явилось продолжением его работы в РОСТА и Главполитпросвете (1919—1922 годы).

Стихотворение «На земле мир. Во человецех благоволение» было перепечатано в газетах:

«Саратовские известия», 1923, № 45, 25 февраля; «Рабочий клич», Рязань, 1923, № 47, 2 марта; «Северный рабочий», Ярославль, 1923, № 47, 2 марта; «Степная правда», Семипалатинск, № 52, 1923, 9 марта; «Власть труда», Уфа, 1923, № 56, 10 марта; в журналах: «Красный утес», Архангельск, 1923, № 3, 11 марта и «Товарищ Терентий», Екатеринбург, 1923, № 3, 25 марта.

Строки 17—21 — см. примечание к слову *Рур*, на стр. 425.

Строка 23. *Мемель* — Клайпеда, литовский портовый город на Балтийском море. По Версальскому договору территория Клайпеды перешла от Германии в совместное владение союзных держав. 1 февраля 1923 года было вынесено решение о возвращении Клайпеды Литве на определенных условиях.

Строка 48. *Падайте перед Пуанкарою.* — Пуанкаре, см. стр. 422.

Б а р а б а н н а я п е с н я (стр. 69). Газ. «Известия ВЦИК», М. 1923, № 41, 23 февраля; «Стихи о революции», 2-е изд.; Сочинения, т. 2.

Написано к пятилетию Красной Армии.

С р о ч н о. Т е л е г р а м м а м у с ь е П у а н к а р е и М и л ь е р а н у (стр. 72). Газ. «Известия ВЦИК», М. 1923, № 43, 25 февраля.

При жизни Маяковского не перепечатывалось.

Публикуется по тексту «Известий» с исправлением в строках 83—85. Вместо: «Обоим. Сообщите — (точка)».— «Обоим (точка). Сообщите».

Мильеран Александр Этьенн (1859—1943) — реакционный политический деятель Франции. В 1920—1924 гг. президент Франции.

Строка 17. *Лига Наций* — международное объединение государств, созданное после первой мировой войны, для урегулирования мирным путем международных конфликтов. Лига Наций была орудием в руках империалистов, проводивших агрессивную политику.

Строки 20—22. *То Пуанкаре расписывается в Версале, то припечатывает печатями Севр.*— Имеются в виду подписанный в Версале мирный договор 1919 года, закрепивший передел мира империалистическими державами-победительницами, и подписанный в Севре мирный договор 1920 года, предусматривавший расчленение Турции.

Строка 54. *Вильна* — Вильнюс, литовский город, в 1920 году захваченный панской Польшей. Теперь — столица Латвийской ССР.

Строка 72 *Мосул* — см. стр. 426.

Строка 73 *Рур* — см. стр. 425.

Париж. (Разговорчики с Эйфелевой башней) (стр. 75). Черновой автограф строк 1—14 в записной книжке 1922 г., № 18; (БММ); журн. «Красная нива», 1923, № 9, 4 марта; «Стихи о революции», 2-е изд.; «Вещи этого года»; Сочинения, т. 2.

В настоящем издании в текст 2-го тома Сочинений внесены исправления: в строке 74 вместо «Я поднимаю» — «Я подымаю»... (по тексту журн. «Красная нива» и сб. «Вещи этого года»), в строке 90 вместо «ссыплют» — «ссыпят» (исправление корректорской поправки по всем предшествующим изданиям).

Написано в результате поездки Маяковского в Париж осенью 1922.

Эйфелева башня — башня высотою в 300 метров, построенная инженером Эйфелем для Парижской выставки 1889 года.

Строка 11. *Людовики* — французские короли.

Строка 45. *Аполлинер*, Гийом (1881—1918) — французский поэт.

Строка 101. *Монмартр* — район в Париже, где сосредоточены ночные увеселительные заведения.

Строка 130. *Лувр* — бывший королевский дворец в Париже, в настоящее время национальный художественный музей Франции.

Строка 131. *Булонский лес* — парк в Париже.

Давиду Штеренбергу — Владимир Маяковский (стр. 79). Беловая рукопись с поправками (БММ).

Написано, судя по разбивке строк «столбиком», вероятно, не позднее начала 1923 года. При жизни Маяковского не публиковалось. Впервые напечатано в журн. «Огонек», М. 1935, № 36, 30 декабря.

Штеренберг Давид Петрович — художник, заведовал в двадцатых годах ИЗО (Отдел изобразительных искусств Народного комиссариата просвещения).

Строка 11. *Пунин* Николай Николаевич — художественный критик, один из деятелей ИЗО.

Строка 13. *Брик* Осип Максимович (1888—1945) — литературный критик, заместитель заведующего ИЗО в первые годы советской власти. Близкий друг Маяковского.

Строка 34. *Волапюк* — искусственный международный язык, не получивший распространения. Здесь в смысле малопонятной речи.

ПОЭМЫ

Люблю (стр. 85). Черновой автограф в записной книжке 1922 г., № 10 (ЦГАЛИ); беловой автограф (у Л. Ю. Брик); черновой автограф на пяти листах блокнота (позднейшая вставка в текст, строки 81—176, БММ); «Люблю»; «Люблю», 2-е изд.; «Люблю», Рига, 2-е изд.; [1] «13 лет работы», т. 2; «Лирика»; Сочинения, т. 2.

В настоящем издании в текст 2-го тома Сочинений внесено исправление: в строке 8 вместо «на теле рубаха» — «на тело рубаха» (по беловому автографу и сб. «Лирика»).

Поэма «Люблю» написана в период с ноября 1921 года по начало февраля 1922 года. Маяковский писал Л. Ю. Брик 22 ноября 1921 года: «Волнуюсь, что к твоему приезду не сумею написать стих для тебя. Стараюсь страшно».

В информационной заметке, напечатанной в «Нашем журнале», издававшемся Василием Каменским, от 15 марта 1922 г. говорилось, что Маяковский закончил поэму «Любовь» (первоначальное заглавие).

---

[1] По свидетельству проф. М. Шац-Анина (газ. «Советская молодежь», Рига, 1950, № 74, 14 апреля), рабочее издательство «Арбейтергейм» в Риге выпустило в 1922 году, во время пребывания Маяковского в Латвии, два издания поэмы «Люблю»; первое было конфисковано полицией.

Строка 16. *Мюллер* — автор популярного руководства по гимнастике.

Строка 27. *Рион* — Риони, река в Грузии, на которой расположен г. Кутаиси.

Строка 35. *«Три листика»* — карточная игра.

Строка 67. *Бутырки* — Бутырская тюрьма в Москве, куда был заключен Маяковский в 1909—1910 годах за участие в подпольном рабочем движении.

Строка 73. В Бутырской тюрьме Маяковский был заключен в одиночную камеру № 103.

Строка 106. *Иловайский* Д. И. (1832—1920) — автор учебников по истории, написанных в реакционно-монархическом духе.

Строка 107. *Была ль рыжа борода Барбароссы?* — Фридрих I Барбаросса (1123—1190), император так называемой «Римской империи германской нации». Барба росса — рыжая борода *(итал.)*.

Строка 199. *...гипербола праобраза Мопассанова* — имеется в виду рассказ Мопассана «Идиллия».

Строка 272. *Крез* — царь Лидии, по древнегреческому преданию, обладавший несметными богатствами.

IV Интернационал (стр. 95). Черновые автографы в записных книжках 1922 г., №№ 11, 12 (БММ); беловой автограф с поправками в записной книжке 1922 г., № 13 (БММ), беловой автограф (ЦГАЛИ); журн. «Красная новь», 1922, № 3.

В журн. «Красная новь» текст опубликован с двумя купюрами: выпущены и заменены точками строки 161—168 и 192—198.

В настоящем издании текст печатается полностью по беловой рукописи (ЦГАЛИ).

Об истории написания см. примечания к «Пятому Интернационалу».

Строка 58. Имеется в виду контрреволюционный мятеж в Кронштадте, начался 28 февраля 1921 года, ликвидирован советскими войсками к 18 марта того же года.

Строка 61. Имеется в виду — контрреволюционный мятеж в Ярославле, начался 6 июля 1918 года, ликвидирован к 22 июля того же года. Во время мятежа от пожаров погибла часть города.

Строка 101. Шатурская электростанция построена в 1919—1920 годах.

Строка 148. *Пролеткультцы* — участники Пролеткульта, организации, созданной в сентябре 1917 года, проповедовавшие отказ от культурного наследия прошлого и создание «чисто пролетарской» культуры. В проекте резолюции «О пролетарской культуре», напи-

санном В. И. Лениным (1920), и в письме ЦК РКП(б) «О пролеткультах» (1920) раскрыта ошибочность пролеткультовских позиций.

Пятый Интернационал (стр. 105). Черновой автограф строк 35, 38—40 в записной книжке 1922 г. № 11 (БММ); черновой автограф 1-й и 2-й частей поэмы (без начала второй части и без прозаического текста) в записной книжке 1922 г., № 15 (БММ); черновой автограф начала второй части поэмы в записной книжке 1922 г., № 16 (БММ); черновой автограф двух отрывков поэмы в записной книжке 1922 г., № 14 (БММ); первая часть поэмы — «Известия ВЦИК», М. 1922, № 203, 10 сентября, вторая часть — газета «Известия ВЦИК», М. 1922, № 214, 23 сентября; первая часть поэмы — «Избранный Маяковский»; первая и вторая части — «О Курске, о комсомоле...», Сочинения, т. 2.

В настоящем издании в текст 2-го тома Сочинений внесены исправления: вставлено пропущенное слово «голова» (строка 154, по текстам записной книжки № 15, газ. «Известия ВЦИК», сб. «Избранный Маяковский»; в строке 200 вместо: «Гущей тел искалеченных, по копям скрученными» — «Гущей тел искалеченных, по копям скрученным» (по тексту сб. «Избранный Маяковский»); в строках 269—270 вместо: «Надо мной Вашингтон, Нью-Йорки» — «Надо мной Вашингтоны, Нью-Йорки» (по тексту записной книжки № 15); в строке 851 вставлено пропущенное местоимение «я» (по тексту записной книжки № 15 и газ. «Известия ВЦИК») и в строке 928, также вставлено «я» (по тексту газ. «Известия ВЦИК» и сб. «О Курске, о комсомоле»...).

В автобиографии «Я сам» в главке «22-й год» Маяковский говорит: «Начал записывать работанный третий год «Пятый интернационал». Утопия. Будет показано искусство через 500 лет» (см. т. 1 наст. изд., стр. 26).

Вначале была написана часть задуманной поэмы (пролог), опубликованная в журнале «Красная новь», 1922, № 3 под названием «IV Интернационал». Затем Маяковский начинает поэму заново и озаглавливает ее «Тридевятый Интернационал» и окончательно — «Пятый интернационал». В примечании ко второй части «Пятого Интернационала» в газ. «Известия ВЦИК» Маяковский писал: «Четвертый», «Тридевятый», «Пятый интернационал» — названия одной и той же вещи. На заглавии «Пятый интернационал» остановлюсь окончательно».

Из восьми задуманных частей поэмы «Пятый Интернационал» были написаны две.

3 октября 1922 года Маяковский выступил в Большом зале консерватории с чтением поэмы. В отчете газ. «Вечерние известия» от 9 октября приводится его высказывание: «V Интернационал» — это поэма предвидения. Образец творчества грядущих лет».

Черновой набросок «Я не окончил речь еще...» (стр. 305) относится к части поэмы, где говорится о далеком будущем.

В тексте поэмы прозаические строки не нумеруются.

Строка 10. *Громили Василия Блаженного* — Собор Василия Блаженного в Москве на Красной площади. В октябре 1917 года, в дни разгрома контрреволюции был поврежден снарядами.

Строка 31. *Эдисон* Томас Альва (1847—1931) — выдающийся американский изобретатель.

Строка 33. *Эйнштейн*, Альберт (1879—1955) — один из крупнейших физиков-теоретиков.

Строка 40. *Учебник Марго* — учебник французского языка.

Строка 65. *Гершензон* М. О. (1869—1925) — историк литературы и публицист; его работы написаны с позиций субъективного идеализма.

Строка 67. *Леонардо да-Винчи* (1452—1519) — гениальный итальянский художник и ученый эпохи Возрождения.

Строка 75. *Иог* — последователь индийской религиозно-мистической касты, утверждающей, что путем самосозерцания человек якобы может овладеть «сверхъестественными» силами.

Строка 87. *Пушкино*— дачная местность под Москвой, где летом жил Маяковский.

Строки 156—157. *Иван Великий* — колокольня в московском Кремле.

Строка 160. *Дом Нирензее* — десятиэтажный дом в Москве (Б. Гнездниковский пер. близ ул. Горького), самый высокий жилой дом в Москве тех лет.

Строка 168. *Водопьяный переулок* — в этом переулке находилась квартира Л. Ю. Брик.

Строка 210. *Зуав* — солдат французских войсковых частей, комплектовавшихся из населения Алжира.

Строки 240—241. *Кук* Фредерик Альберт (род. 1865); *Пири* Роберт (1856—1920) — американские полярные путешественники.

Строка 402. *Фуэтэ* — танцевальное движение в балете,быстрое вращение на одной ноге.

Строка 417. *Геркулес* — здесь созвездие.

В прозаическом тексте после строки 449. *Политехнический музей* — имеется в виду Большая аудитория Политехнического

музея в Москве, традиционное место литературно-общественных вечеров и диспутов.

Строка 457. *Унанимисты* (от франц. «unanime» — единодушный) — группа французских писателей начала XX века, отстаивавшая идею «вселенской коллективной души», в которой «растворяются отдельные личности».

Строка 459. *Логос* — у идеалистов — божественное, мистическое «первоначало».

Строка 461. *Коган* П. С. (1872 —1932) — советский историк литературы и критик, с которым часто полемизировал Маяковский.

Стр. 496. *Пролеткультцы* — см. стр. 431.

Строка 547. *Потратила пилсудчина.*— Пилсудский, Юзеф (1867—1935) польский реакционный политический деятель, впоследствии фашистский диктатор.

Строка 565. *Сплошной мильерановский фрак* — Мильеран — см. стр. 429.

Строка 581. *Ангора* — Анкара — центр турецкого национального освободительного движения, с 1923 года — столица Турции.

Строка 582. Венгерская Советская республика была провозглашена 21 марта 1919 года. Несмотря на самоотверженность и героизм венгерского рабочего класса, пала под ударами империалистической интервенции 1 августа 1919 года.

Строки 608—609. *Мулен-Руж* — кафе-шантан в Париже.

Строка 625. *Ливерпуль* — город в Англии.

Строка 627. «*Пажа-пажа!!*» — от слова «пожалуйста»; зазывный возглас извозчиков и уличных торговцев.

Строка 631.— Имеется в виду стихотворение поэта С. М. Третьякова «Рыд матерный».

Строка 657. *Фош* Фердинанд (1851—1929) — французский маршал, главнокомандующий армиями Антанты в 1918—1919 годах. Один из организаторов антисоветской интервенции.

Строка 666. *Аполлон Бельведерский* — знаменитая статуя древнегреческого бога Аполлона.

Строка 686. *...брат черноморий.*— Имеется в виду заколдованная голова брата Черномора из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила».

Строка 691. *Маркони* Гульельмо (1874—1937) — итальянский инженер, вслед за А. С. Поповым является изобретателем радиотелеграфа.

Строка 703. *Лета* — в древнегреческой мифологии река забвения в подземном мире.

Строка 761. *Фоккер* — немецкий военный самолет фирмы Фоккер.

Строки 921—922. *Фурье* Жан Батист Жозеф (1768—1830), *Оуэн* Роберт (1771—1858), *Сен-Симон* Анри Клод (1760—1825) — социалисты-утописты.

Про это (стр. 135). Черновая рукопись; беловая рукопись с правкой и дополнениями; беловая рукопись с поправками (все три рукописи хранятся у Л. Ю. Брик); журн. «Леф», 1923, № 1, март; «Про это» (отдельное издание); «Вещи этого года»; Сочинения, т. 3.

В настоящем издании в текст 3-го тома Сочинений внесены следующие исправления: в строке 59 вместо «нырнет под событья» — «нырнет под события» (по тексту трех рукописей); в строке 78 вместо «Эта тема день истемнила в темень, колотись — велела —строчками лбов» — «Эта тема день истемнила, в темень колотись — велела — строчками лбов» (по тексту трех рукописей);в строке 429 вместо «влез на льдину» — «взлез на льдину» (по тексту двух беловых рукописей и изданий: «Леф», «Про это», «Вещи этого года»); в строке 438 вместо «лихоражусь на льдине-подушке» — «лихорадюсь на льдине-подушке» (по тексту двух беловых рукописей и «Лефа»); в строке 548 вместо «меж домовых камней» — «меж домовьих камней» (по тексту трех рукописей); в строке 915—917 вместо «Иисус, приподняв венок тернистый» — «Исус, приподняв венок тернистый» (по тексту беловой рукописи с поправками); в строке 1094 вместо «обмерят спящелобых» — «обметят спящелобых» (по тексту трех рукописей и изданий: «Про это», «Вещи этого года»); в строке 1216 вместо «только б не ее» — «только б не ея» (по тексту трех рукописей).

Ввиду того, что в прижизненных изданиях текст поэмы публиковался с многочисленными погрешностями в области пунктуации, за основу принята пунктуация беловой рукописи, подготовленной поэтом к печати.

Впервые о замысле поэмы Маяковский упоминает в автобиографии «Я сам» (1922): «Задумано: О любви. Громадная поэма. В будущем году кончу» (т. 1 наст. изд., стр. 374).

К работе над поэмой он приступил в конце декабря 1922 года. Закончив работу над черновой рукописью, Маяковский переписывает текст набело, после чего правит рукопись, внося в нее значительные поправки и дополнения; дата окончания работы над этой второй рукописью — 11 февраля 1923 года. Затем поэма опять переписывается с новыми, несколько менее значительными поправками; в конце третьей рукописи повторена та же дата — 11 февраля 1923 года.

Условия работы над поэмой были для Маяковского необычными. Он писал ее в период добровольного домашнего «заключения», к которому как бы приговорил себя ровно на 2 месяца, чтобы наедине с самим собой разобраться во всем, что вставало неотступной, еще нерешенной темой: каким должен быть новый человек, его мораль, его любовь, его быт?

В последней редакции автобиографии «Я сам» (1928), в главке «23-й год» говорится: «Написал: «Про это». По личным мотивам об общем быте» (т. 1 наст. изд., стр. 26).

Главную тему поэмы «Про это» Маяковский определил, выступая 3 апреля 1923 года на диспуте в Пролеткульте с чтением отрывков:

«Здесь говорили, что в моей поэме нельзя уловить общей идеи. Я читал прежде всего лишь куски, но все же и в этих прочитанных мною кусках есть основной стержень: быт. Тот быт, который ни в чем не изменился, тот быт, который является сейчас злейшим нашим врагом, делая из нас — мещан».

Образ лирического героя поэмы несет в себе живые, реальные черты Маяковского.

После 84 строки. *Баллада Редингской тюрьмы* — произведение английского писателя Оскара Уайльда (1856—1900), которое было написано им в тюрьме.

Строка 88. *Лубянский проезд* — улица в Москве, где жил тогда Маяковский. Теперь — проезд Серова.

Водопьяный — см. стр. 433.

Строки 114—115. Фабричная марка телефонов того времени — две перекрещивающиеся молнии.

Строка 137. *Мясницкая* — улица в Москве, теперь — улица Кирова. Путь от Лубянского проезда к Водопьяному переулку идет по Мясницкой улице.

Строка 153. *67—10!* — номер тогдашнего телефона Л. Ю. Брик.

Строка 184. *Почтамт* — находится на Мясницкой улице в Москве.

Строка 294. *Дантес* — убийца Пушкина.

Строка 321. *Эрфуртская* — программа германской социал-демократии, принятая на партийном съезде в Эрфурте в 1891 году.

Строка 363. *Бальшин* — сосед Маяковского по квартире.

Строки 463—548. *Человек из-за 7-ми лет* — в этих строках речь идет о лирическом герое поэмы «Человек», написанной Маяковским за семь лет до поэмы «Про это», в 1916—1917 годах.

Строки 616—618. *Петровский парк, Ходынка* (Ходынское поле) — находятся в Москве.

Строка 620. *Впереди Тверской простыня* — здесь имеется в виду Тверская улица (теперь — улица Горького).

Строка 622. *Садовая* — улица в Москве.

Строка 719. *Пресня* — улица в Москве, где жили мать и сестры Маяковского.

Строки 766. *600 с небольшим этих крохотных верст* — расстояние от Ленинграда до Москвы.

Строка 779. *Альсандра Альсеевна* — Александра Алексеевна Маяковская, мать поэта. (1867—1954).

Строка 822. *Кудринские вышки* — Кудринская площадь в Москве; теперь — площадь Восстания.

Строка 869. *Нечаянная радость* — название книги стихов А. Блока.

Строка 891. *...ангел-хранитель — жилец в галифе.*— Обыватели в те годы, боясь уплотнения, старались заполучить себе «ответственного» жильца.

Строка 979. *«Мистерия»* — «Мистерия-буфф» Маяковского.

Строка 1064. *Бёклин*, Арнольд (1827—1901) — швейцарский живописец, символист. Для Маяковского картина «Остров мертвых» олицетворяла мещанские вкусы.

Строки 1073 и 1091. *Недвижный перевозчик Харон* — в древнегреческой мифологии старик, перевозчик умерших душ через подземную реку в царство смерти. (Харон и тополя — строка 1078 — изображены на картине Бёклина.)

Строка 1137. *Раскольников* — герой романа Достоевского «Преступление и наказание».

Строка 1164. *Аннушка* — А. Ф. Губанова, домашняя работница на квартире в Водопьяном переулке.

Строки 1171, 1212. *Уанстеп* и *тустеп* — западные танцы.

Строки 1286, 1290, 1294 — *Любань, Тверь* (теперь — г. Калинин), *Клин* — станции на пути из Ленинграда в Москву.

Строка 1295. *Разумовское* — Петровское-Разумовское, последняя станция на пути из Ленинграда в Москву.

Строка 1296. *Николаевский* — теперь Ленинградский вокзал в Москве.

Строка 1312 *...из-за верст шести ста* — имеется в виду расстояние от Ленинграда до Москвы.

Строка 1454. *...как будто с Вербы — руками картонными.*—

На базаре в Москве, устраивавшемся на Красной площади в «вербную неделю», продавались различные игрушки.

Строка 1459. *Пинкертон* — сыщик, герой детективных рассказов.

Строка 1503. *Один уж такой попался — гусар!* — Имеется в виду Лермонтов, убитый на дуэли в Пятигорске, у подножия Машука.

Строка 1539. *...затрубадурила Большая Медведица.*— Трубадуры — провансальские странствующие поэты-певцы 11—13 веков.

Строка 1569. *...гора Килиманджаро* — находится в Восточной Африке.

Строка 1570. *Кения* — вулкан на востоке Африки.

АГИТПЛАКАТЫ

Товарищи! Граждане!.. (стр. 187).

Плакат Главполитпросвета, выпущенный в начале 1922 года с рисунками худ. М. Черемных.

При жизни поэта не перепечатывалось.

На плакате напечатаны резолюции IX Всероссийского съезда советов о мерах борьбы с голодом в Поволжье. Съезд происходил в декабре 1921 года.

В РСФСР 130 миллионов населения... (стр. 188).

Плакат Главполитпросвета, выпущенный в начале 1922 года с рисунками худ. М. Черемных.

При жизни поэта не перепечатывалось.

№ 12. *Цектран* — Центральный комитет объединенного профсоюза работников железнодорожного и водного транспорта.

№ 14. *Помгол* — см. стр. 420.

Надо помочь голодающей Волге (стр. 190).

Плакат Главполитпросвета, выпущенный в начале 1922 года с рисунками худ. М. Черемных.

При жизни поэта не перепечатывалось.

Написан в связи с введением специального налога в пользу голодающих.

Займем у бога (стр. 193).

Беловой автограф с поправками текста для плаката (БММ).

На обороте автографа записан текст стихотворения «Выждем».

При жизни поэта не перепечатывалось. Публикуется по тексту автографа.

Написано в связи с постановлением ВЦИК 16 февраля 1922 года об изъятии из церквей золота и драгоценных камней для помощи голодающим Поволжья.

Граждане! Поймите же, наконец (стр. 194).

Плакат Главполитпросвета, выпущенный в 1922 году в Госиздате с рисунками худ. М. Черемных.

При жизни поэта не перепечатывалось.

Нечего есть! Обсемениться нечем! (стр. 196).

Плакат Главполитпросвета, выпущенный в 1922 году в Госиздате с рисунками худ. М. Черемных. При жизни поэта не перепечатывалось.

Топливо — основа республики (стр. 198).

Плакат Главполитпросвета, выпущенный в начале 1922 года с рисунками худ. М. Черемных. При жизни поэта не перепечатывался.

Транспортники! (стр. 201). Черновой автограф (БММ), беловой автограф (БММ).

Прижизненные публикации не установлены. Напечатано в газ. «Вечерняя Москва», М. 1931, № 89, 14 апреля.

Печатается по беловому автографу.

В бумагах Маяковского сохранился машинописный текст обращения к транспортникам, переданный ему из Цектрана для переработки. Черновой автограф написан под машинописным текстом. На беловом автографе, переписанном чернилами, резолюция: «В печать, 21. III — 22».

ОЧЕРКИ

В результате двухмесячного пребывания за границей, в Германии и во Франции, осенью 1922 года Маяковский написал, кроме стихотворений «Германия» и «Париж. Разговорчики с Эйфелевой башней», восемь очерков. Шесть из них были напечатаны в газете «Известия ВЦИК».

1. Париж (Записки Людогуся) (24 декабря 1922 г.).
2. Осенний салон (27 декабря 1922 г.).
3. Париж. Художественная жизнь города (13 января 1923 г.).
4. Париж. Театр Парижа (2 февраля 1923 г.).
5. Париж. Быт (6 февраля 1923 г.).
6. Парижские очерки. Музыка (29 марта 1923 г.).

Два очерка — «Сегодняшний Берлин» и «Парижские провинции» были опубликованы в Бюллетенях Агитпропа ЦК РКП(б) 31 января и 13 февраля 1923 года (подробнее о Бюллетенях см. стр. 428).

Кроме перечисленных восьми очерков, был напечатан в журнале «Красная нива», 1923, № 2, 14 января, очерк «Выставка изобразительного искусства РСФСР в Берлине», Ввиду недостаточной ясности вопроса об авторстве очерка он печатается в разделе «Приложение».

Три очерка, опубликованные в газете «Известия» и посвященные вопросам живописи — «Париж. (Записки Людогуся)», «Осенний салон», «Париж. Художественная жизнь города» — Маяковский объединил в январе 1923 года в рукопись книги «Семидневный смотр французской живописи». При этом очерки были частично переработаны, а первый — «Париж. (Записки Людогуся)» — сокращен: из него исключены главки, не относящиеся к вопросам живописи.

Маяковский написал специально для книги предисловие и послесловие «Вывод». Книга была снабжена 25 иллюстрациями — репродукциями с картин французских художников, привезенными Маяковским из Парижа. Издание при жизни поэта осуществлено не было.

Рукопись книги (машинописная копия и газетная вырезка) с авторскими поправками была найдена в 1931 году в архиве Госиздата и впервые напечатана в альбоме рисунков Маяковского (Изогиз, 1932).

В настоящем издании очерки «Осенний салон» и «Париж. Художественная жизнь города», опубликованные в газ. «Известия» и включенные затем в рукопись книги «Семидневный смотр французской живописи», печатаются по тексту рукописи. Очерк «Париж. (Записки Людогуся)» печатается в двух редакциях — по тексту газ. «Известия» и в переработанном виде по тексту рукописи книги «Семидневный смотр французской живописи» (см. стр. 234—238).

Париж (Записки Людогуся) (стр. 205). Газ. «Известия ВЦИК», М. 1922, № 292, 24 декабря.

В сокращенном, частично переработанном виде, очерк вошел в рукопись книги «Семидневный смотр французской живописи».

Публикуется по тексту «Известий».

При жизни Маяковского не перепечатывалось.

В настоящем издании в текст «Известий» внесено исправление: на странице 211 в строке 24 вместо «А на каждого приходится...» — «А на каждого с именем приходится» (восстановление пропущенного слова по тексту «Семидневного смотра французской живописи»).

Стр. 205. *Людогусь* — образ из поэмы Маяковского «Пятый Интернационал», над которой Маяковский работал в 1922 году до отъезда за границу.

4-я Тверская Ямская — улица в Москве.

Стр. 206. *Улица Жака Калло* — улица в Париже. Жак Калло (ок. 1591—1635) — французский художник.

Веселенький разговорчик в германском консульстве — речь идет о французском консульстве в Берлине.

«Беленькое консульство!» — бывшее консульство царской России; после Октябрьской революции — белогвардейское.

Унтер-ден-Линден — на этой улице в центре Берлина находилось советское посольство.

Стр. 207. *Откуда едете? — Из Берлина... из Штетина... из Ревеля... из Нарвы.* — После того, как было опубликовано стихотворение «Как работает республика демократическая», Латвийское правительство отказало Маяковскому в транзитной визе и он вынужден был поехать в Германию кружным путем — через Эстонию, затем морем (см. очерк «Сегодняшний Берлин»).

Санитарный паспорт. — По окончании интервенции и гражданской войны империалисты установили на границах Советской России, под предлогом борьбы с эпидемией тифа, так называемый «санитарный кордон», чтобы «зараза большевизма» не проникла в другие страны.

Стр. 208. *Майоль* — см. очерк «Париж», гл. «Разноцветный вкус», стр. 213.

Стр. 209. *Версальский мирный договор 1919 года* и *Севрский договор* — см. стр. 429.

Из обязательств нашего Николая. — Речь идет о займах, предоставленных французскими банкирами царскому правительству. Значительная часть облигаций займов была размещена среди французской мелкой буржуазии.

Галль — «желудок Парижа» — центральный рынок в Париже.

Стр. 210. ...*«мораторий», «передышка»* — речь идет об отсрочке германских репарационных платежей.

270 интервью Эррио. — Один из крупнейших политических деятелей Франции Эдуард Эррио (р. 1872) приезжал в 1922 году в Москву, чтобы подготовить почву для восстановления дипломатических отношений между Россией и Францией. По возвращении на родину дал многочисленные интервью газетам.

Вячеслав Иванов — русский поэт-символист.

Вержболово — русская пограничная станция между Россией и Германией до первой мировой войны.

Стр. 211. *Балиев* Н. Ф. — руководитель и конферансье театра-кабаре «Летучая мышь» в Москве. После революции эмигрировал за границу.

Стр. 212... *«да-да»* — дадаизм, одно из формалистических течений западноевропейского искусства.

Сомов К. А. (1869—1939) — русский художник-стилизатор, входил в эстетское объединение «Мир искусства».

...моментально за границей переходящих к Гиппиусам Малявиных... — Русский художник Ф. А. Малявин, посланный в 1922 году советской властью за границу, перешел в лагерь белой эмиграции и отказался вернуться на родину. (См. очерк «Выставка изобразительного искусства РСФСР в Берлине», стр. 261.)

Гиппиус З. Н.— Русская поэтесса, декадентка, после Октябрьской революции — белоэмигрантка.

Париж. Театр Парижа (стр. 213). Газ. «Известия ВЦИК», М. 1923, № 23, 2 февраля.

Публикуется по тексту «Известий».

При жизни Маяковского не перепечатывалось.

В записной книжке 1922 г., № 18 содержатся заметки, использованные поэтом в главках «Разноцветный вкус», «Серый вкус», «А что еще?» (книга «Семидневный смотр французской живописи»).

Стр. 213. *Комедия* — «Французская комедия», театр с классическим репертуаром, ведет начало от труппы Мольера (1680).

Театр Сары Бернар — драматический театр с 1899 года, возглавлявшийся знаменитой французской актрисой Сарой Бернар (1844—1923).

Стр. 215. *Жорес* Жан (1859—1914) — видный деятель французского социалистического движения, выступал против развязывания первой мировой войны. Был убит агентами империализма за день до войны.

Вильсон Вудро (1856—1924) — президент США в 1913—1921 годах.

Стр. 216. *Бисмарк*, Отто (1815—1898) — канцлер Германской империи (1871—1890).

Париж. Быт (стр. 218). Газ. «Известия ВЦИК», М. 1923, № 26, 6 февраля.

Публикуется по тексту «Известий».

При жизни Маяковского не перепечатывалось.

В записной книжке 1922 г., № 18 содержатся заметки, использованные поэтом в главках «Отношение к эмиграции», «Палата депутатов» (книга «Семидневный смотр французской живописи»).

В настоящем издании в текст газ. «Известия» внесены исправления: на странице 219 вместо «с истинно мартовскою любезно-

стью» — «с истинно парижскою любезностью»; на странице 224 вместо «не добредают» — «не добредаю».

Стр. 219. *Жоффр* Жозеф (1852—1931) — французский маршал, главнокомандующий французской армией в первую мировую войну, один из организаторов иностранной интервенции против Советской России.

... на банкете, устроенном по случаю моего приезда художниками Монмартра.— Банкет состоялся 24 ноября 1922 года.

Стр. 220. *Бахметьеву в Вашингтоне.*— После Великой Октябрьской социалистической революции многие дипломатические представители царской России отказались подчиниться советскому правительству и продолжали незаконно именовать себя «послами» России.

Мережковский Д. С. (1865—1941) — русский реакционный писатель, белоэмигрант.

Гиппиус З. Н.— см. стр. 442.

Бунин И. А. (1870—1953) — русский писатель, после революции эмигрировал за границу.

... *разный смысл «12».*— Речь идет о поэме Александра Блока «Двенадцать».

Дюшес де Клармонт — герцогиня де Клармонт.

Стр. 221. *Монпарнас* — район Парижа.

Стр. 222. *Сидят с величественностью Рамзеса.*— Рамзес II, египетский фараон (1317— 1251 до н. э.).

Тюльерийский сад — парк в Париже.

Стр. 223. *«Диле»* — берлинские кафе, в которых посетители танцуют.

Фореггер Н. М.— советский режиссер.

Стр. 225. *Узкая и без того коммунистическая полоска еще сузилась с отъездом коминтернцев в Москву.*— Во время пребывания Маяковского за границей в Москве открылся 4-й конгресс Коммунистического Интернационала, в котором приняли участие несколько коммунистов-депутатов французского парламента.

Парижские очерки. Музыка (стр. 228). «Известия ВЦИК», М. 1923, № 69, 29 марта.

Публикуется по тексту «Известий».

При жизни Маяковского не перепечатывалось.

В настоящем издании в текст «Известий» внесены исправления на странице 229 вместо «из оперы «Мавр» — «Из оперы «Мавра»; вместо «Гайфер» — «Тайфер».

Стр. 228. *Между мной и музыкой древние контры* — см. «Я сам» — автобиография, т. 1, стр. 19.

Бурлюк Давид — художник и поэт-футурист. Соученик Маяковского по Училищу живописи, ваяния и зодчества.

Благородное собрание — Дом московского дворянского собрания. Теперь — Дом Союзов.

Стравинский — Игорь Стравинский, русский композитор, с 1910 года постоянно жил за границей.

Стр. 229. *«Петрушка»* — балет Игоря Стравинского. *«Соловей»* — его же опера.

Дягилев С. П.— русский художественный и театральный деятель, организатор художественных выставок и русских балетных спектаклей в Париже и Лондоне в 1904—1929 годах.

Прокофьев С. С. (1891—1953) — известный советский композитор. С 1918 по 1924 год жил за границей.

«Мавра» — опера С. Прокофьева, на сюжет поэмы Пушкина «Домик в Коломне».

...под влиянием нашей «пятерки» — то есть пяти выдающихся русских композиторов второй половины XIX века (Балакирева, Бородина, Кюи, Мусоргского, Римского-Корсакова) так называемой «могучей кучки».

...в последнем номере журнала «Запад» — имеется в виду статья А. Лурье «Шестерка» в журнале «Современный Запад» (1922, № 1).

Стр. 230. *Бенуа* Пьер — французский писатель XX века, автор многочисленных романов авантюрно-приключенческого жанра.

«Всемирная литература» — советское издательство, организованное в 1919 году по инициативе А. М. Горького. Выпускало классические произведения мировой художественной литературы.

Стр. 231. *«Эспри нуво»* — журнал, издававшийся группой поэтов и художников на паях в Париже.

Галлиени Жозеф (1849—1916) — командующий одной из французских армий. В сентябре 1914 года, в период немецкого наступления на Париж, организовал успешное контрнаступление на Марне.

...при первом Феврале... — Маяковский имеет в виду февральскую буржуазно-демократическую революцию 1917 года в России.

«Семидневный смотр французской живописи» (стр. 233). Машинопись с вклеенными в середину газетными вырезками, правленная и дополненная автором (хранится у В. А. Катаняна).

Публикуется по машинописному тексту, подготовленному Маяковским в начале 1923 года для издания отдельной книгой.

Издание при жизни Маяковского осуществлено не было.

Сохранилась расписка, свидетельствующая, что Маяковский сдал в Госиздат иллюстрации к книге «Париж» 28 декабря 1922 года и двадцать страниц текста под названием «Семидневный смотр парижской живописи» 15 января 1923 года.

Договор на издание книги, носящей окончательное название «Семидневный смотр французской живописи» с десятью красочными и пятнадцатью черными рисунками, заключен Госиздатом 12 февраля 1923 года.

Примечания к тексту книги, совпадающие с примечаниями к очерку «Париж (Записки Людогуся)» — см. на стр. 440.

Стр. 235. *«Бубновый валет»* (1910—1926) — общество художников, стоявших на позициях «искусство для искусства».

Стр. 236. *Камерный театр* — драматический театр в Москве (1914—1950).

«Ротонда» — кафе в Париже, в котором обычно собирались русские поэты и художники.

Стр. 239. *Ню* (франц.) — изображение обнаженного женского тела.

Стр. 241. *Павлова* А. П. (1881—1931) — знаменитая русская балерина, с большим успехом гастролировавшая за границей.

Стр. 241. *«Биржевка»* — петербургская газета «Биржевые ведомости» (1880—1917).

Стр. 242. *Ботичелли* Сандро (1444—1510) — выдающийся итальянский живописец эпохи Возрождения.

Пентр (франц.) — художник. Здесь употреблено иронически.

Стр. 243. *Бурбонские лилии* — эмблема французской королевской династии Бурбонов.

Елисейские поля.— На этой улице в Большом дворце обычно устраиваются художественные выставки-салоны.

«Парижские провинции» (стр. 254). Бюллетень Пресс-бюро Агитпропа ЦК РКП(б), выпуск «А», М. 1923, № 10, 13 февраля.

Перепечатано в газетах: «Звезда», Минск, 1923, № 39, 17 февраля; «Рабочий клич», Рязань, 1923, № 44, 27 февраля; «Харьковский понедельник», 1923, № 13, 19 марта.

Сегодняшний Берлин (стр. 257). Бюллетень Пресс-бюро Агитпропа ЦК РКП(б), выпуск «А», М. 1923, № 7, 31 января.

Перепечатано в газетах: «Звезда», Минск, 1923, № 28, 4 февраля; «Брянский рабочий», 1923, № 136, 6 февраля; «Тамбовская правда», 1923, № 25, 6 февраля; «Саратовские известия», 1923, № 29, 7 февраля; «Советская правда», Челябинск, 1923, № 30,

9 февраля; «Красное знамя», Краснодар, 1923, № 31, 10 февраля; «Степная правда», 1923, Семипалатинск, № 32, 14 февраля; «Красный Алтай», 1923, Барнаул, № 34, 14 февраля.

В Собрание сочинений включается впервые.

Стр. 257. *...я однажды побывал в Латвии* — весной 1922 года.

Французы ходили с молотками и разбивали новенькие моторы.— По условиям Версальского мирного договора вся немецкая военная авиация подлежала уничтожению.

Гросс Георг — немецкий художник-карикатурист, автор острых зарисовок жизни и быта Германии двадцатых годов XX века. Маяковский привез из Берлина два альбома репродукций рисунков Гросса; некоторые из них были напечатаны в журн. «Красная нива» (1923, № 1) с заметкой О. М. Брика «Художник-коммунист Жорж Гросс».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Выставка изобразительного искусства РСФСР в Берлине (стр. 261). Журнал «Красная нива», 1923, № 2, 14 января.

Подписано буквой «М».

Стр. 261. *...в тот день, когда на улицах Берлина, у цирка Буша, немецкие коммунисты дрались с националистами.* — 15 октября 1922 года фашистская организация «Союз охраны свободы и порядка» устроила в помещении цирка Буша собрание. Рабочие сорвали собрание и разогнали фашистов.

Штеренберг — см. стр. 430.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Баллада о доблестном Эмиле — 38
Барабанная песня — 69
Бюрократиада — 20

В РСФСР 130 миллионов населения... — 188
Выждем — 26
Выставка изобразительного искусства РСФСР в Берлине — 261

Германия — 49
Граждане! Поймите же, наконец, голод дошел до ужаса... — 194

Давиду Штеренбергу — Владимир Маяковский — 79

Займем у бога — 193

Как работает республика демократическая — 32

Люблю — 85

Мой май — 30
Моя речь на Генуэзской конференции — 27

На земле мир. Во человецех благоволение — 67
Надо помочь голодающей Волге! — 190
Нате! Басня о «Крокодиле» и подписной плате — 41
На цепь! — 53
Нечего есть! Обсемениться нечем! — 196

О поэтах — 60
О «фиасках», «апогеях» и других неведомых вещах — 64
Осенний салон — см. «Семидневный смотр французской живописи» — 233

Париж. Быт — 218
Париж. (Записки Людогуся) — 205
Париж. Разговорчики с Эйфелевой башней — 75
Париж. Театр Парижа — 213
Париж. Художественная жизнь города — см. «Семидневный смотр французской живописи» — 233
Парижские очерки. Музыка — 228

Парижские провинции — 254
Пернатые — 58
Про это — 135
Прозаседавшиеся — 7
После изъятий — 47
Пятый Интернационал — 105

Сволочи — 14
Сегодняшний Берлин — 257
Семидневный смотр французской живописи— 233
Спросили раз меня: «Вы любите ли НЭП?..» — 10
Срочно. Телеграмма мусье Пуанкаре и Мильерану — 72
Стих резкий о рулетке и железке — 43
Товарищи! Граждане! Всех бороться с голодом зовет IX съезд Советов! — 187
Товарищи! разрешите мне поделиться впечатлениями о Париже и о Монѐ — 56
Топливо — основа республики — 198

Транспортники — 201

Четвертый Интернационал — 95

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

В. Маяковский. 1923 г. Берлин.

В. Маяковский. Фото Рижской полиции, переснятое с паспорта В. Маяковского в 1922 г.

Страница из Записной книжки 1922 г., № 12, с черновым автографом поэмы «IV Интернационал».

Страница из Записной книжки 1922 г., №15, с черновым автографом поэмы «Пятый Интернационал».

В. Маяковский. Фото 1923 г.

В. Маяковский. Фото 1923 г.

Фото-монтаж А. Родченко к первому изданию поэмы «Про это».

Страница черновой рукописи поэмы «Про это».

СОДЕРЖАНИЕ[1]

СТИХОТВОРЕНИЯ *(1922 — февраль 1923)*

Прозаседавшиеся	7	267	419
Спросили раз меня: «Вы любите ли НЭП?» — «Люблю,— ответил я, — когда он не нелеп»	10	»	420
Сволочи	14	268	»
Бюрократиада	20	271	421
Выждем	26		»
Моя речь на Генуэзской конференции	27		»
Мой май	30	272	422
Как работает республика демократическая?	32	»	»
Баллада о доблестном Эмиле	38		423
Нате! Басня о «Крокодиле» и о подписной плате	41		»
Стих резкий о рулетке и железке	43	273	»
После изъятий	47		424
Германия	49	273	»
На цепь!	53	274	425
Товарищи! разрешите мне поделиться впечатлениями о Париже и о Монѐ	56	»	426
Пернатые	58	»	»
О поэтах	60	275	427
О «фиасках», «апогеях» и других неведомых вещах	64	276	»
На земле мир. Во человецех благоволение	67		428
Барабанная песня	69		»
Срочно. Телеграмма мусье Пуанкаре и Мильерану	72		»
Париж. (Разговорчики с Эйфелевой башней)	75	»	429
Давиду Штеренбергу — Владимир Маяковский	79	»	430

---

[1] В первой колонке цифр указываются страницы текста, во второй — вариантов, в третьей — примечаний.

ПОЭМЫ *(1922 — февраль 1923)*

Люблю	83	277	430
IV Интернационал	95	282	431
Пятый Интернационал	105	289	432
Про это	135	307	435

АГИТПЛАКАТЫ *(1922)*

Товарищи! Граждане! Всех бороться с голодом зовет IX съезд Советов!	187		438
В РСФСР 130 миллионов населения	188		»
Надо помочь голодающей Волге!	190		»
Займем у бога	193		»
Граждане! Поймите же, наконец, голод дошел до ужаса	194		439
Нечего есть! Обсемениться нечем!	196		»
Топливо — основа республики	198		438
Транспортники!	201	409	»

ОЧЕРКИ *(1922 — 1923)*[1]

Париж. (Записки Людогуся)	205		440
Париж. Театр Парижа	213		442
Париж. Быт	218		»
Парижские очерки. Музыка	228		443
Семидневный смотр французской живописи	233	410	444
Парижские провинции	254		445
Сегодняшний Берлин	257		»

ПРИЛОЖЕНИЕ

Выставка изобразительного искусства РСФСР в Берлине	261		446

ВАРИАНТЫ, РАЗНОЧТЕНИЯ И ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ . . . 267

ПРИМЕЧАНИЯ . . . 417

Алфавитный указатель произведений . . . 447
Список иллюстраций . . . 449

[1] Очерки «Осенний салон» и «Париж. Художественная жизнь города» (см. «Семидневный смотр французской живописи», стр. 233).

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ МАЯКОВСКИЙ

Полное собрание сочинений. Том 4.

Редактор тома А. Февральский

Редактор *К. Малышева*

Оформление художника *Б. Воронецкого*

Художественный редактор *Г. Клодт*

Технический редактор *Г. Архангельская*

Корректоры *А. Сабадаш* и *Г. Фальк*

Сдано в набор 5/VI 1956 г.
Подписано к печати 11/II 1957 г.
Бумага $84 \times 108^{1}/_{32}$. — 14,13 печ. л.= 23,17 усл. печ. л. 21,69 уч.-изд. л. + 8 вклеек = 21,97 л.
Тираж 200 000 экз. Заказ № 1851.
Цена 11 р.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Министерство культуры СССР
Главное управление
полиграфической промышленности
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
113	200 св.	костям	копям
420	18 св.	Мчека	Эмчека
443	4 сн.	«Из	«из

В Маяковский, т. 4.